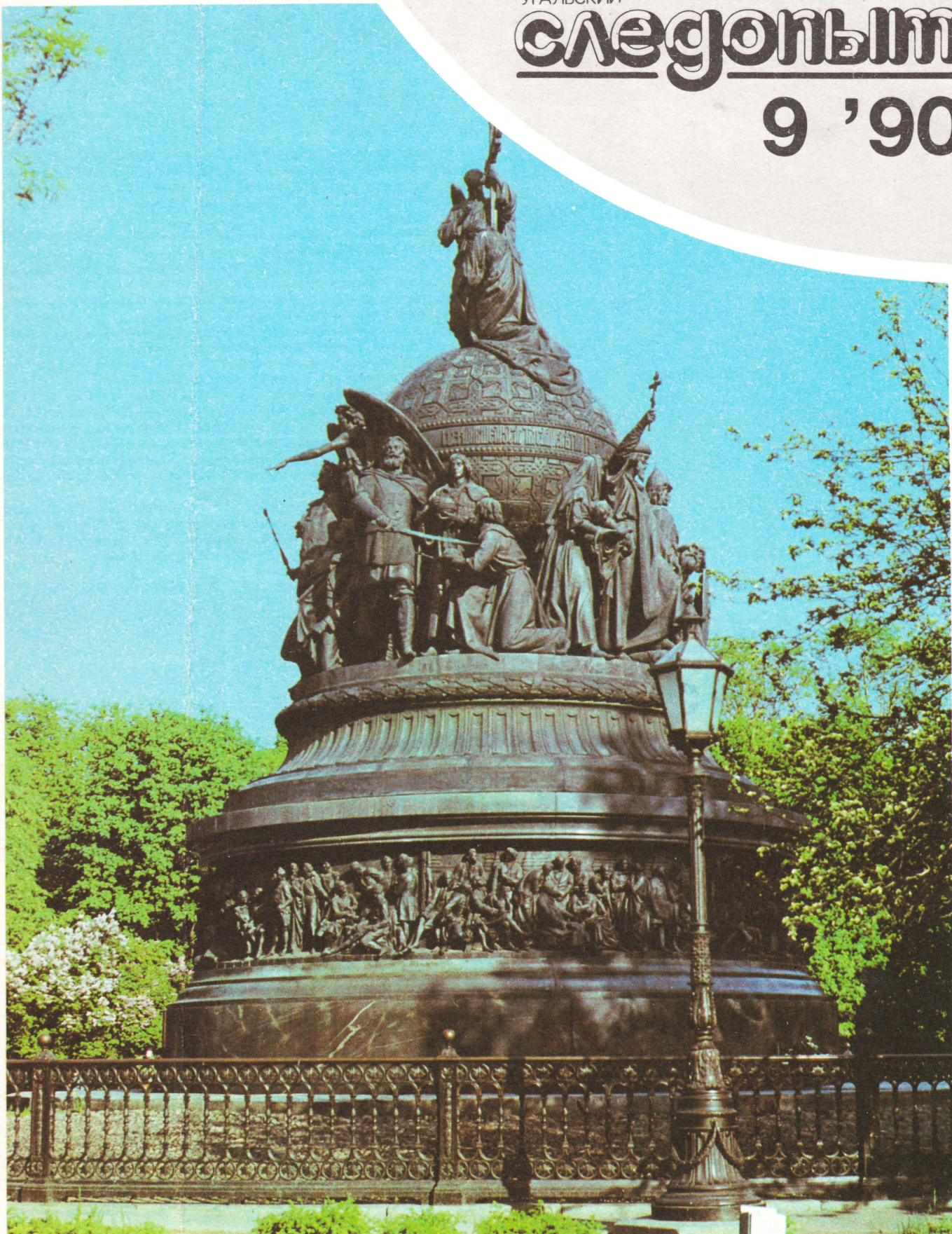

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

9 '90

АЭЛИТА·90

Фото Олега Капореико и Владимира Коблова

25 МАЯ В СВЕРДЛОВСКЕ ВО ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ «УРАЛ» СОСТОЯЛОСЬ ВРУЧЕНИЕ «АЭЛИТЫ» — ЕЖЕГОДНОЙ ПРЕМИИ-ПРИЗА ЗА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ, ВОТ УЖЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПРИСУЖДАЕМОЙ СОЮЗОМ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР И РЕДАКЦИЕЙ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА».

ЛАУРЕАТОМ «АЭЛИТЫ»-90 СТАЛ КРАСНОЯРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ КОРАБЕЛЬНИКОВ.

Врач-реаниматолог, не порывающий и сегодня с этой основной своей профессией, первые рассказы он опубликовал на исходе семидесятых. В 1981 году появилась и первая его книга — «Башня птиц», сразу обозначившая особенности писательского мировидения: углубленное внимание к нравственно-этическим основам взаимоотношений между людьми, раздумья о месте и назначении человека в природе и обществе, о встающей перед каждым из нас необходимости выбора между бесплодной, в сущности, погоней за благами и удобствами лично для себя — и активным противостоянием всему, что, мешая жизни, мешает человеку реализовать в себе человека... Затем последовали сборники повестей и рассказов «И распахнутся двери...» [1984], «Прикосновение крыльев» [1986].

Премия вручена писателю за трилогию «К ВОСТОКУ ОТ ПОЛНОЧИ», изданную в прошлом году в Красноярске и объединившую в себе повести «Несбывшееся, ты прекрасно!», «К востоку от полночи», «И небо, как свиток».

Одновременно с «Аэлитой» обрели новых хозяев и два других приза, учрежденных нашим журналом совместно с объединением «Уралгеология» (приз имени И. А. Ефремова) и экспериментальным НПО при Свердловском обкоме комсомола (приз «Старт»).

ПРИЗ ИМЕНИ И. А. ЕФРЕМОВА — за вклад в развитие отечественной фантастики — присужден Виталию Тимофеевичу БАБЕНКО, московскому писателю, чьи повести и рассказы давно и хорошо известны любителям НФ (хотя первый авторский его сборник — «До следующего раза» — появился лишь в самом начале нынешнего года). С недавних пор В. Бабенко является также и издателем (он возглавляет редакционно-посреднический кооператив «Текст», уже приступивший к планомерному выпуску фантастики) и, напротив, со времен очень давних — бессменным старостой вначале московского, а с 1982 года — и ежегодного всесоюзного («малеевского») семинара молодых писателей-фантастов.

ПРИЗ «СТАРТ», присуждаемый — с учетом мнений КЛФ страны — за лучшую книгу молодой фантастики, вручен ленинградцу Андрею Михайловичу СТОЛЯРОВУ за сборник повестей и рассказов «Изгнание беса» (М.: Прометей, 1989).

На снимках: лауреат «Аэлиты»-90 Олег Корабельников (вверху); лауреат приза имени И. А. Ефремова Виталий Бабенко (в центре слева); лауреат приза «Старт» Андрей Столяров (в центре справа); гости из Болгарии — главный редактор журнала «Орфия» Атанас Славов и член редколлегии журнала «ФЭП» Александр Карпанчев (внизу справа); вручение призов победителям областного конкурса детского фантастического рисунка (внизу слева).

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

9 '90

В НОМЕРЕ:

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ	2
К. Валек	
ОСОБАЯ АРМИЯ ЗЕНИТЧИКОВ	6
В. Привалихин	
УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ. Повесть. Окончание	9
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
В. Крапивин	
КРИК ПЕТУХА. Повесть. Продолжение	29
В. Бугров, И. Калымбаджа	
СВЕРДЛОВСК: «АЭЛИТА»-90	53
Л. Порожня	
ИЩИТЕ ХОББИТА!	56
.	
Н. Мережников	
НЕ ПРОСТО СВИДЕТЕЛЬ. Стихи	57
ПИСЬМО МЕРТВОГО ЧЕЛОВЕКА	58
И. Непеин	
«Я АДМИРАЛ КОЛЧАК»	62
Н. Щекутова	
ЛИХИЕ ТРАВЫ. Продолжение	66
А. Коровин	
СТЕПАН РАЗИН ИЗ БИЛИМБАЯ	67
ПИШИТЕ ПИСЬМА!	68
Э. Берроуз	
ТАРЗАН — ПРИЕМЫШ ОБЕЗЬЯНЫ. Продолжение	69
МИР НА ЛАДОНИ	79
О. Власова	
СТРОГАНОВСКОЕ ЗОЛОТОЕ ШИТЬЕ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного
редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения,
секретариат),
22-10-74 (науки и техники,
писем),
22-04-81 (прозы и поэзии,
публицистики,
молодежных проблем).

Рукописи принимаются пере-
печатанными на машинке через
2 интервала, 60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и достав-
ки обращаться в районные от-
деления «Союзпечати». Брако-
ванные экземпляры отправлять
в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 11.06.90.
Подписано к печати 30.07.90.
НС 15300.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8.82.
Уч.-изд. л. 14.01.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 500 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 534.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки памят-
ник «Тысячелетие России»
в Новгороде. Фото Олега
Капорейко.

© «Уральский следопыт», 1990 г.

На вопрос читателя В. Ковалева о памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде («Уральский следопыт», № 3, 1990) редакция получила несколько ответов. Самый обстоятельный из них написал Владимир Владимирович Гормин из Новгорода. Печатаем ответ с некоторыми сокращениями.

Памятник в Новгороде

Монумент «Тысячелетие России» поставлен в центре древнего новгородского Детинца (кремля) в 1862 году — в связи с легендарным летописным сообщением о том, что именно новгородцы в 862 году призвали

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ

Рюрика, Синеуса и Трувора с просьбой навести порядок в русских землях. Бытовала и легенда о том, что сам Рюрик покойся в золотом гробу неподалеку от Новгорода — на Городище (холм на правом берегу Волхова). Кстати, в последние годы археологи действительно нашли на этом самом «Рюриковом» Городище довольно много самых разнообразных предметов скандинавского происхождения.

Конкурс на создание проекта памятника был объявлен в апреле 1859 года. Совет Академии художеств секретным баллотированием признал лучшим проект Михаила Осиповича Микешина; ему присудили и первую премию — 4000 рублей, по тем временам сумма весьма изрядная. Проект

памятника был первой крупной работой будущего скульптора: ему было в ту пору всего 24 года, и он только что закончил Академию художеств.

Микешин не был единственным автором проекта. Участие в его разработке принял также Иван Николаевич Шредер, который всего один год проучился в Академии — до этого служил в лейб-гвардии уланском полку.

Первоначальный проект составил только основу для дальнейшей разработки. Например, на пьедестале предполагалось поместить шесть рельефов, соответствовавших этапам развития России, — как их числили в ту пору. Но уже вскоре было решено заменить их сплошным рельефным фризом с изображением наиболее выдающихся деятелей русской истории и культуры. Составить список этих лиц тоже было поручено Микешину. В мастерской художника собирались историки, писатели, даже артисты. Среди них были Н. Н. Костомаров, В. С. Соловьев, И. И. Срезневский, И. С. Тургенев и даже Т. Г. Шевченко, который совсем недавно вернулся из ссылки. Однако последнее слово принадлежало царю.

В 1862 году, когда модель горельефа уже должна была поступить в литейные мастерские, пришел правительственный приказ поместить на нем изображение императора Николая I. В связи с этим пришлось потеснить последние фигуры в разделе «Государственные люди».

При закладке монумента в выемку одного из камней фундамента был заложен бронзовый ящик с медалями и монетами, выбитыми в пору царствования Александра II, а также металлическая доска с соответствующей надписью.

Часто спрашивают, сколько денежных средств было затрачено на все работы. Всенародный сбор пожертвований на изготовление монумента дал 72 507 рублей 71 копейку. Но в целом потребовалось полмиллиона рублей, и недостаток денежных средств восполнила государственная казна.

Открытие памятника состоялось 8 сентября (20-го по новому стилю) 1862 года. На торжества прибыли все члены императорской фамилии, высшие чины государственных управлений и ведомств, руководители дворянских собраний чуть ли не всех губерний, представители священного Синода и церковных верхов. В городе и окрестностях расположились войска, собранные для участия в параде и охраны порядка.

БУМЕРАНГ

Церемонию открытия запечатлел на большой картине, хранящейся в Новгородском музее, Богдан Павлович Виллевалде, — в его классе обучался в Академии художеств М. О. Микешин.

Памятник представляет собой бронзовый шар-державу, водруженный на гранитный пьедестал. Навверху фигура женщины, олицетворяющая Россию. Ангел благословляет ее на свершение великих исторических подвигов.

Вокруг шара размещены семнадцать фигур, которые разделены на шесть групп, соответствующих основным этапам развития русского государства, как их трактовала официальная историография XIX века.

Открывает шеренгу вершителю судеб Руси Рюрик; дата начала его княжения обозначена буквами славянского алфавита на остроконечном варяжском щите.

Слева от Рюрика размещена группа, символизирующая введение христианства в России. В центре ее — князь Владимир Святославич, рядом — славянин, низвергающий языческих кумиров, и женщина, которая протягивает князю младенца для крещения.

В XIII веке, по сообщению летописца, «был волея и печаль» по всем городам и волостям русской земли, на которую обрушились татарские полчища. Лишь в 1380 году Куликовская битва положила начало освобождению Руси от золотоордынского ига. На памятнике это событие отмечено фигурой Дмитрия Донского, попирающего ногой поверженного противника.

Следующая группа — на восточной стороне памятника — включает самое большое число персонажей. Она знаменует создание единого русского централизованного государства. Иван III представлен здесь с царскими регалиями: на голове шапка Мономаха, в руках — скипетр и держава. Остальные фигуры рассказывают о войнах, которые Московское государство вело в правление Ивана III и Ивана Грозного.

Группа, обращенная на север, посвящена времени петровских преобразований. Очень динамична здесь фигура Петра; крылатый гений указывает ему дорогу к Балтике — туда, где России было необходимо «ногою твердой встать при море».

Последняя композиция (на западной стороне) изображает восстановление самодержавия после разгрома польско-шведских интервентов в начале XVII века. В центре груп-

пы фигура Михаила Федоровича — первого царя из династии Романовых. Кузьма Минин подносит ему атрибуты царской власти — шапку Мономаха и скипетр; слева — мощная фигура защитника земли русской Дмитрия Пожарского, который мечом преграждает путь врагам России.

Совершенно необычно исполнен бронзовый горельеф, опоясывающий цоколь памятника. Это единственный в своем роде грандиозный групповой портрет, включающий больше сотни фигур. Естественно, общественная значимость помещенных на нем лиц не всегда согласуется с оценками современной науки. Но в целом Микешин и его помощники сумели разместить здесь фигуры многих действительно выдающихся деятелей русской истории и культуры.

Горельеф составлен из четырех тематических разделов — «Просветители России», «Государственные люди», «Военные герои», «Деятели русской культуры и искусства».

Новгородцы по справедливости гордятся тем, что многие персонажи, вылитые в бронзе, были связаны с историей города одиннадцати столетий.

И до, и после открытия памятника о нем высказывались различ-

ные мнения. Весьма пристрастно отнеслись к нему революционеры-демократы. Они расценили его лишь как средство пропаганды идей монархизма, верноподданнического служения дому Романовых. Между тем, детально знакомясь с монументом, можно утверждать, что Микешин не был сторонником прославления русских царей. Даже фигура Рюрика ничем здесь не выделена, а Михаил Романов, Александр I, Николай I практически затерялись. Следует также отметить, что по официальной версии контур памятника напоминает шапку Мономаха, которой венчались на царство русские самодержцы. Но значительно ближе внешний рисунок памятника к очертаниям большого колокола, а в Новгороде такое решение невольно ассоциировалось с образом вечного вестника.

Не совсем прав и известный художественный и музыкальный критик В. В. Стасов, который оценил памятник как «пеструю игрушку». Можно по-разному относиться к обилию фигур, помещенных на памятнике. Конечно, оно не придает ему той монументальности, которая характерна для знаменитого Медного всадника. Но оно же свидетельствует о долгом и противоречивом пути, пройденном Российским государством, о его величии и славе.

Владимир ГОРМИН,
заслуженный работник
культуры РСФСР

Наши читатели А. Н. КРУГЛОВ из села Липин-Бор Вологодской обл. и В. С. ПУРОНЕН из села Трегубово Новгородской обл. в своих ответах назвали имена всех 109 исторических деятелей, изображенных в бронзе на горельефе памятника «Тысячелетие России». Мы решили напечатать этот перечень полностью. Скульптуры расположены в названном порядке против часовой стрелки.

Святослав Игоревич, Даниил Галицкий, Мстислав Удалой, Довмонт, Александр Невский, Михаил Тверской, Дмитрий Донской, Кейстут, Даниил Холмский, Михаил Воротынский, Даниил Шеня, Марфа Посадница, Михаил Скопин-Шуйский, Ермак, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Авраамий Палицын, Иван Сусанин, Богдан Хмельницкий, Петр Салтыков, Борис Шереметев, Михаил Голицын, Христофор Миних, Алексей Орлов, Петр Румянцев, Александр Суворов, Барклай де Толли, Михаил Кутузов, Дмитрий Сенявин, Матвей Платов, Дибич-Забалканский, Багратион, Михаил Лазарев, Иван Паскевич, Владимир Корнилов, Петр Нахимов, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Ольгерд, Гедимин, Витовт, Иван III, протопоп Сильвестр, Анастасия Романова, Алексей Ада-

шев, патриарх Гермоген, Михаил Романов, патриарх Филарет, Алексей Романов, Ордин-Нащокин, Артамон Матвеев, Петр I, Яков Долгорукий, Екатерина II, Иван Бецкий, Александр Безбородько, Григорий Потемкин, Александр I, Виктор Кочубей, Николай I, Михаил Сперанский, Михаил Воронцов, Михаил Ломоносов, Денис Фонвизин, Александр Кокоринов, Федор Волков, Гавриил Державин, Иван Крылов, Николай Карамзин, Василий Жуковский, Николай Гнедич, Александр Грибоедов, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Михаил Глинка, Дмитрий Бортнянский, Карл Брюллов, Кирилл и Мефодий, княгиня Ольга, Владимир Святославич, архимандрит Авраамий, монахи Антоний, Феодосий и Кукша, Кирилл Белозерский, Нестор-летописец, Стефан Пермский, митрополит Алексей, Сергей Радонежский, митрополит Иона, монахи Савватий и Зосима, Максим Грек, Макарий, Петр Могила, патриарх Никон, Василий Острожский, архиепископы Гурий и Варсонофий, Дмитрий Ростовский, Федор Ртщев, Тихон Задонский, епископ Митрофан, Георгий Конисский, Феофан Прокопович, митрополит Платон, архиепископ Иннокентий.

Из станции Старомышастовской Ставропольского края нам написал читатель Б. Н. ШЕРШНЕВ, ранее живший на Урале. Он сообщил, что, разбирая крышу дома, увидел на листе железа хорошо сохранившиеся печатные знаки: «Льсьвенский горный округ графа П. П. Шувалова» — на одном, а на другом: «Высшая награда — Большая золотая медаль на Парижской выставке 1900 года». Железо, пишет он, крепкое, мягкое, ему бы стоять еще сотню лет.

С письмом читателя мы познакомили краеведа из г. Лысьвы Пермской области А. А. Карякина и получили от него ответ.

Награды льсьвенского железа

Льсьвенский металлургический завод в 1985 году отметил двухсотлетний юбилей — для завода возраст немалый.

Производство листового железа — так называют тонколистовую сталь — началось с первых лет существования завода. Сначала оно делалось на двух плющильных станах и называлось полосовым. В двадца-

тых годах прошлого века были установлены прокатные станы.

На рубеже XIX и XX веков уральская промышленность оказалась в тисках жесточайшего кризиса, в результате чего заводы один за другим стали ликвидироваться. Льсьвенский избежал этой участи. Напротив — последовало его бурное развитие.

В 1890 году началась коренная реконструкция завода, в которой заметную роль сыграл деятельный инженер Т. Фосс. Он еще до революции уехал в Америку и в 30-е годы стал вице-президентом треста «Уилинг стил Корпорейшн».

В 1905 году, впервые на Урале, было освоено производство оцинкованного железа, а также белой и черной жести. Белая жесьть — это тонкопрокатанное листовое железо, покрытое методом горячего лужения тонким слоем олова. Эта жесьть целиком шла в консервную промышленность. Черная жесьть — тоже тонколистовой металл, имеющий полированную, клепаную поверхность, что сообщало железу антикоррозийные свойства.

Для утилизации некондиционных листов было организовано производство металлической оцинкованной и луженой посуды, а в 1913 году началось производство эмалированной. По этой части Льсьвенский завод почти не имел в стране конкурентов.

В годы Великой Отечественной войны именно Льсьвенскому заводу, имеющему большой производственный опыт прокатки и штамповки металла, было поручено производство стальных солдатских касок. За выпуск продукции для нужд фронта завод был награжден орденами Ленина и Отечественной войны первой степени.

В последние годы производства, сохраняющие примитивный, трудоемкий технологический процесс и вредные условия труда, постепенно сокращаются, некоторые уже ликвидированы. Ввиду дефицита олова производство белой жести также прекращено.

Совместно с чехословацкими специалистами на заводе разработан новый технологический процесс. Построен первый в Европе цех по производству консервной жести с хромированием и последующим покрытием пищевыми лаками. В дальнейшем предполагается строительство на заводе собственного цеха холодной прокатки.

Прокатное производство, родившееся в далекие времена крепостного права, остается на заводе традиционным.

Что касается находки Б. Н. Шершнева, то куски железа с печатями, присланные нам, стали экспонатами Льсьвенского народного музея.

А. КАРЯКИН

**Читатель
продолжает тему**

Далматово — город из прошлого

В связи с публикацией очерка под таким названием («Уральский следопыт», № 4, 1990) мы получили письмо от курганского литератора Виталия Николаевича Носкова:

Курганское областное отделение Советского фонда культуры, областная писательская организация обратились к министру атомной энергетики и промышленности СССР В. Ф. Коновалову с просьбой о финансировании реставрационных работ. С тем же к министру обратились Курганский обком КПСС и облисполком. Просьбу поддержал народный депутат СССР, чл.-корр. Академии наук СССР С. С. Аверинцев.

Ответ получен такой:

«Министерство атомной энергетики и промышленности СССР рассмотрело Ваше письмо и материалы по Далматовскому монастырю XVII—XVIII вв. и сообщает, что принято решение о выделении Далматовскому заводу «Старт» из централизованного фонда капитального ремонта министерства 0,5 млн. рублей на 1990 год для проведения ремонтно-восстановительных работ по монастырю.

В. Ф. Коновалов».

Начинается новый этап борьбы за монастырь. Общественность Далматова считает, что деньги должны пойти на храм в честь иконы Божьей матери — Всех Скорбящих Радость. Документацию будут готовить томики и курганцы.

Почему начинать реставрацию нужно именно с этого храма? Потому что в октябре прошлого года он уже передан верующим. Люди пойдут к живым стенам и сами понесут деньги на дальнейшую реставрацию. Прах Далмата сохранен под бетонным полом. Значит будут паломники.

Под северными воротами есть свободное помещение. Здесь будет музей монастыря. Этот вопрос решен.

Со временем, этапами мы поднимем весь монастырь. Я верю. Все верят!

В. НОСКОВ

Загадка «миртовой» ветви

13 февраля 1934 года на подходе к Берингову проливу был раздавлен льдами пароход «Челюскин», совершавший рейс по Северному морскому пути. 104 человека оказались на льдине Чукотского моря.

5 марта—13 апреля советские летчики сняли всех людей со льдины. Семеро отважных летчиков, спасавших челюскинцев, стали первыми Героями Советского Союза: А. В. Ляпидевский, С. А. Леваневский, В. С. Молоков, Н. П. Каманин, М. Т. Слепнев, М. В. Водопьянов, И. В. Доронин.

Через девять месяцев, 25 января 1935 года, советская почта выпустила серию почтовых марок из десяти миниатюр, отметившую героическую челюскинскую эпопею. Три марки горизонтального формата посвящены будням ледового лагеря, а семь вертикальных — первым Героям

Советского Союза. Автор серии — художник В. В. Завьялов.

Марки стали желанным объектом коллекций филателистов как в СССР, так и за рубежом.

С середины шестидесятых годов в печати появился ряд публикаций, заставивших вернуться к истории создания этой серии. Исследователи обнаружили загадку, связанную с оформлением марки, посвященной С. А. Леваневскому.

Вот несколько цитат. «Под портретами героев имеются две лавровые ветви, под всеми, кроме марки, на которой изображен Леваневский. На этой марке правая ветвь не лавровая, а МИРТОВАЯ». (Журнал «Знание — сила», № 12, 1964). Автор книги «Страна филателия» Б. М. Кисин увидел под портретом Леваневского пальмовую ветвь. А в книге Е. П. Сашенкова «Полярная почта» читаем: «...только на марке с портретом Леваневского изображены две разные ветви: лавра и мирта — знака траура». Автор делает предположение, что художник забыл привести эскиз в соответствие с другими марками.

Кроме того, у авторов прослеживается мысль, что художник своей маркой предсказал трагическую судьбу героя. Как известно, С. А. Леваневский погиб в августе 1937 года, совершая третий беспосадочный полет через Северный полюс в Америку. А согласиться с этой гипотезой

не позволяют ни факты истории, ни то художественное наследие, которое оставил нам автор прекрасной серии почтовых марок. Попробуем противопоставить ей свою, основанную на анализе методов художника, которого, к сожалению, уже нет в живых.

Заслуженный художник РСФСР Василий Васильевич Завьялов — автор более 600 почтовых миниатюр. Его работы отличает профессионализм и историческая достоверность. Вот что он сам говорил о принципах создания почтовой марки: «Марка — не только произведение малой графики, она — официальный документ государства. Поэтому и в изображении, которое она несет... нужна документальная точность».

Итак, художнику, исповедующему достоверность, необходим для эскизов достоверный материал. Недостатка в таком материале не было. Руководитель экспедиции О. Ю. Шмидт имел рядом фотографа или даже кинооператора. И он предоставил художнику ряд уникальных фотодокументов, сделанных в Арктике.

Выбрана форма марки — вертикальный прямоугольник. Решено общее построение сюжета: вверху, в углу, портреты героев, оставшееся марочное поле — для отображения сюжета, связанного с работой летчиков.

На портреты можно наложить левую ветвь венка славы, так как она не зависит от рисунка на оставшемся поле.

Правые же ветви рисовались после выбора сюжета миниатюры. Ни одна не повторяет другую. Так, у портрета А. В. Ляпидевского венок разорван. Остальные пять ветвей на других марках отличаются в дета-

лях: соединение ветвей, количество листьев и плодов.

На марке С. А. Леваневского мы видим самолет, взмывающий над торосом. За самолетом — воздушно-снежный вихрь, поток которого как бы подхватил ветвь и потянул листья за самолетом. Они развернулись в плоскости вихря, и мы видим их сбоку. Попробуйте наложить вместо этой ветви ветвь плоскую, и динамизм сюжета сразу исчезнет. Вывод можно сделать такой: правая ветвь под портретом С. А. Леваневского также лавровая, только изображена в плоскости, перпендикулярной живописному полю марки. Измерьте листочки этой ветви, они окажутся равны длине листьев других ветвей. А с миртом и пальмой правая ветвь под портретом ничего общего не имеет. У мирта листья заостренные, супротивные, цельные, похожи на листья лавра. У пальмы — очередные, перистые или веерные. Длина листьев иногда превышает 15 метров. Какой же художник будет рисовать две разные ветви под портретом в разных масштабах?

Таким образом, все ветви под портретами ЛАВРОВЫЕ — символ победы и славы.

В. ТИПИКИН, г. Свердловск

Все о сибирском тракте

Инициативная группа геолого-краеведческого кружка Омского городского Дворца пионеров и школьников под руководством Ф. И. Новикова к 275-летию родного города решила совершить экспедицию по Московско-Сибирскому тракту (участок в пределах Омской области) — от населенного пункта Форпост до села Радищево. Собрать информацию по истории, экологии, геологии, географии, изучить природу и прошлое своего края. И одновременно выступить перед населением с лекциями, номерами художественной самодеятельности.

Впервые за много лет мы намерены пройти по пути следования на каторгу замечательных людей: А. Н. Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев.

МЫ ОБРАЩАЕМСЯ К ЧИТАТЕЛЯМ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА», КРАЕВЕДАМ, УЧЕНЫМ И ПРОСТО ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ ЭТОЙ ТЕМОЙ С ПРОСЬБОЙ ПРИСЫЛАТЬ НАМ ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ЭТОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ТРАКТЕ.

НАШ АДРЕС: 644043, ОМСК, УЛ. ВОЛОЧАЕВСКАЯ, 19-Ж, КВ. 102, А. В. КАЧАНУ.

ОБ ЭТОМ КОЛЛЕКТИВНОМ ПОДВИГЕ НАПИСАНО УЖЕ НЕМАЛО. РОЛЬ УРАЛЬСКИХ ДЕВЧАТ-ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ЗАЩИТЕ МОСКОВСКОГО НЕБА, В СПАСЕНИИ СТОЛИЦЫ ОТ ФАШИСТСКОЙ АВИАЦИИ БЫЛА ОЧЕНЬ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ. ОДНАКО МАСШТАБЫ САМОГО ПОДВИГА (ОКОЛО 7,5 ТЫСЯЧИ УЧАСТНИЦ-УРАЛОЧЕК) ДЕЛАЮТ ВСЕ НАПИСАННОЕ И ОПУБЛИКОВАННОЕ ЛИШЬ ЧАСТЬЮ ОБЩЕЙ ПРАВДЫ, ЛИШЬ КОНТУРАМИ И ДЕТАЛЯМИ ОБЩЕЙ КАРТИНЫ. ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ЕЕ — ДАЛЕКО!..

ВОСПОМИНАНИЯ КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ВАЛЕК — ПЕРВЫЕ ПОКА ЧТО МЕМУАРЫ ЗЕНИТНОЙ АРТИЛЛЕРИСТКИ — ПЕРВОНАЧАЛЬНО ГОТОВИЛИСЬ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ, А ДЛЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО КОМСОМОЛА. ТАМ ОНИ И ХРАНЯТСЯ СЕЙЧАС, В БОЛЕЕ ПОЛНОМ ВАРИАНТЕ, ЧЕМ ТОТ, КОТОРЫЙ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ЧИТАТЕЛЯМ.

В АРМИЮ КСЕНИЯ ПРИБИТКОВА (НЫНЕ ВАЛЕК) УХОДИЛА МОЛОДЫМ ИНЖЕНЕРОМ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. СВОЕЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ОСТАЛАСЬ ВЕРНА И ПОСЛЕ ВОЙНЫ — ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПРЕПОДАВАЛА ХИМИЮ В УРАЛЬСКОМ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ. КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА — КАНДИДАТ ХИМИЧЕСКИХ НАУК, АВТОР НЕСКОЛЬКИХ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ДЕСЯТКОВ НАУЧНЫХ РАБОТ. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ БЫЛИ ГЛАВНЫМИ В ЕЕ СЕМЬЕ, ПОТОМУ ЧТО И МУЖ КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ — МИХАИЛ АНТОНОВИЧ ВАЛЕК (СЫН ИЗВЕСТНОГО УРАЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА) — ТАКЖЕ БЫЛ ХИМИКОМ. В ЭТОЙ АТМОСФЕРЕ ВЫРОСЛИ ТРИ СЫНА.

ВНУКИ КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЕЩЕ НЕ ПЕРЕНИМАЮТ ЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ, НО БОЕВЫЕ РАССКАЗЫ УЖЕ СЛУШАЮТ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНО...

И. ДАВЫДОВ

Особая армия ЗЕНИТЧИКОВ

Ксения
ВАЛЕК

Из воспоминаний связистки
московской зенитной
артиллерии

КОМСОМОЛЬЦЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ

После окончания химико-технологического факультета Архангельского лесотехнического института в июне 1940 года я была направлена на Михайловский лесохимический завод сменным инженером.

Завод находился на границе Удмуртской АССР и Пермской (тогда Молотовской) области, недалеко от города Сарапула.

В ночь на 22 июня 1941 года и всю первую половину дня в поселке не работало радио (у нас такое нередко случалось), поэтому о войне никто еще не знал. Был воскресный день. В поселке, как обычно, гулянье. Около 2-х часов дня радио заговорило, и мы узнали, что началась война.

Во время учебы в институте я сдала все нормы на значки ГСО («Готов к санитарной обороне») и «Ворошиловский стрелок», хорошо владела винтовкой, имела звание «наводчик станкового пулемета», хорошо ходила на лыжах. Взвесив все это, я написала заявление на имя К. Е. Ворошилова. Ответ из военкомата пришел лишь в конце марта 1942 года. Сообщили, что моя просьба удовлетворена, я стала собираться в дорогу.

Образовалась целая группа добровольцев. Наш путь до Сарапула лежал через деревни. Добирались на лошадях. В каждой деревне нас встречали и провожали плачущие женщины. Весенняя распутица затрудняла движение. Дровни проваливались в месиво из воды и снега. Их всю дорогу приходилось вытаскивать. На этом пути я познакомилась и подружилась с Зоей Краснолуцкой. Нам довелось долго вместе служить. В купе, кроме нас с Зоей и еще двух девушек, ехали молодые летчики, только что окончившие училище. Можно было подумать, что едем мы не на фронт, а в туристское путешествие. Летчики прекрасно разбирались в литературе и живописи, сво-

бодно говорили о Бетховене, Гайдне, Бахе. Боюсь, что имена этих великих композиторов ни о чем не скажут очень многим сегодняшним ровесникам тех веселых летчиков.

Навстречу нам двигались санитарные эшелоны, на платформах везли разбитую технику. После таких встреч песни и смех надолго угасали.

Чем ближе подъезжали мы к Москве, тем тревожнее становилась обстановка. Светомаскировка стала обязательной. Недалеко от Москвы, поздно вечером, наш эшелон остановили. Выйдя из вагона, мы наблюдали за происходящим. Доносился гул самолетов, слышны были разрывы бомб и снарядов. По небу скользили лучи прожекторов, кое-где полыхало зарево. Только ранним утром мы прибыли на Казанский вокзал.

Меня поразила Москва. Улицы почти пустынные. Окна домов перечеркнуты бумажными полосками. На заставах, у вокзалов и входов в метро стояли надолбы и ежи, сваренные из рельсов. Мешки с песком закрывали витрины магазинов.

Наша 54-я зенитно-артиллерийская дивизия располагалась на юго-западе Подмосковья, защищала подступы к Москве и один из аэродромов.

ОШИБЕТСЯ СВЯЗИСТКА — ПРОМАЖЕТ АРТИЛЛЕРИСТ

Очевидцами налета фашистских самолетов на Москву мы стали сразу, как прибыли на батарею.

В темном небе металась лучи прожекторов, ловивших цель. Оглушительные выстрелы раздавались со всех сторон. Стреляли орудия не только нашей, но и соседних батарей. Земля под ногами дрожала. У нас еще не было обязанности. По неопытности во время стрельбы я выскочила из землянки без каски. В ту же секунду раздался голос комбата: «Немедленно в укрытие!» Я еще не знала, что осколки от наших же снарядов могут тяжело ранить, даже убить. Тем более, если ты без каски... А касок вообще-то не хватало.

В тот вечер большинство фашистских самолетов повернуло обратно. Но кто-то из них все же прорвался и сбросил бомбы. Развалины в Москве убирали быстро. Они «не мозолили глаза». А там, где мешали соседние дома или узкие проезды, — появлялись глухие заборы.

До самого конца войны Москва оставалась для фашистской авиации целью № 1. «Курс на Москву — главный курс авиации рейха», — говорил Геринг.

Она старалась превратить Москву в сплошную зону развалин. Ни на какую другую столицу Европы не шло за годы второй мировой войны столько фашистских самолетов, сколь-

ко на Москву — 9 тысяч! В первом же налете 21 июля 1941 года участвовали сразу 250 бомбардировщиков.

Но Москва устояла. Она сохранила свой исторический облик, заводы и фабрики, сплошь работавшие на фронт, свое население. И спасла Москву от разрушения «многослойная» противовоздушная оборона, включавшая в себя различные рода войск — истребительную авиацию, зенитную артиллерию, прожекторные дивизионы, аэростатные и зенитно-пулеметные полки, а с 1942 года — еще и радарные установки, которые у нас назывались СОНи — станции орудийной наводки.

Во всех этих войсках, кроме истребительной авиации, служили тысячи девчат-добровольцев. Больше всего среди них уралочек. В Московской ПВО было их почти втрое больше, чем москвичек, вчетверо больше, чем комсомолок из Кировской и Ивановской областей, где были самые многочисленные комсомольские отряды.

Мне довелось служить в зенитной артиллерии связисткой.

Роль связи нельзя переоценить, потому что чаще всего прицельные данные для артиллеристов передавались по телефону. Ошибется связистка — «промажет» артиллерист. Предельная точность была для нас обязательной. Людей расхлябанных связь просто не терпела. Особенно когда появились радары, позволявшие успешно бить по невидимым целям. Тут уж от связистов зависело не меньше, чем от самих артиллеристов. Они ведь фактически стреляли вслепую, полагаясь только на точно переданные прицельные данные.

Приходилось батарее стрелять по одиночным самолетам, которые освещали для нас прожектористы, и участвовать в создании сплошной стены заградительного огня на пути целей авиационных соединений. Пройти сквозь такую стену они не могли — поворачивали обратно, сбрасывая бомбы в подмосковные поля.

Налетов было много, и они были разные, но потом стали казаться одним сплошным налетом, длившимся почти полтора года.

Мы, связистки, очень быстро разгадали, что одиночные самолеты не столько врвуются на Москву, сколько хотят выяснить расположение наших зенитных батарей, вызывая на себя их огонь. А потом, когда батареи будут засечены, — придет волна бомбардировщиков, чтобы смешать их с землей. И если это удастся, — пойдет следующая волна уже на Москву через распахнутые воздушные ворота.

Поэтому по одиночным мы даже не всегда стреляли, предоставляя их истребителям, зенитным пулеметчикам. Стрелять или не стрелять — решал не командир орудия и даже не командир батареи, а штаб полка, и

нашей задачей было мгновенно, без ошибок довести полковую команду до батареи и до каждого орудия. Многого поэтому зависело и от исправности «техники».

Нашим хозяйством были не одни лишь полевые телефонные аппараты и внутренние — в пределах батареи — линии связи, но и дальние линии, связывающие батарею с штабом полка, с наблюдательными пунктами артиллерийской разведки, которые называли «глазами» и «ушами» батарей.

Эти линии нередко выводились из строя осколками снарядов. Иногда их рвал блуждающий в подмосковных полях скот. Случались и диверсии. И на обрыв нужно было идти в любое время суток, в любую погоду, — сразу, как замолчит телефонный аппарат.

ДЕНЬ 8 МАРТА

Утро 8 марта 1943 года выдалось пасмурным. Кругом лежал снег. Погода явно не праздничная, хотя на рассвете комбат и поздравил своих связисток.

Дежурная телефонистка, сидевшая у аппаратов, вызвала наблюдательный пункт: «Чайка, Чайка.. Как слышите? Прием...»

Но «Чайка» не отвечала, связь была нарушена, и на ее исправление пошла я.

Наблюдательный пункт, где сидела «Чайка», находился в 15—16 километрах от батареи. Линия связи тянулась по полям, оврагам, через железную дорогу. С телефонным аппаратом и сумкой инструментов, по пояс в снегу я шла вдоль линии связи. Начиналась метель. Подключаясь почти через каждые пятьсот метров к линии связи, я слышала только свою батарею. «Чайка» молчала. Вот уже пройдено два километра, пять, восемь, десять, а связи с наблюдательным пунктом все нет. Подключаться же к линии зимой не просто. Надо разгрести снег, надежно заземлить свой аппарат и только после этого подключить его. Иначе может быть беда — мало ли куда попадет оборванный конец провода: может прикоснуться к высоковольтной линии электропередачи, к порванным подземным кабелям. Связисту все время приходится быть настороже.

Вот, наконец, и железная дорога. Перехожу ее и метров через сто снова подключаюсь к линии связи. И тут, к изумлению, я слышу «Чайку», но не слышу свою батарею.

С момента моего выхода на линию прошло уже не менее трех с половиной часов. Связь все еще не восстановлена. Не случилось ли беды? Ведь сколько событий может произойти за это время!

Гляжу вперед по линии, надеюсь увидеть идущего навстречу связиста с наблюдательного пункта. Ведь и

там должны обнаружить, что связь не работает! Но впереди никого не видно, только снег сыплет, ухудшая видимость.

Осматриваю на небольшом участке линию связи. Впечатление такое, что обрыва нет. Кручусь почти на одном месте. Вокруг никого. Небо хмурое, скоро начнет темнеть. Внимательно смотрю на столбы, по которым наша линия связи перебрана через железную дорогу. Внимание привлекает провод, идущий от шеста на телеграфный столб. Замечаю, что вокруг столба провод почему-то обмотан много раз. Зачем бы это? Когда стала разматывать провод — тут-то и обнаружила обрыв.

По-видимому, диверсант разрезал провод и замаскировал обрыв этой обмоткой. Случайностью такое никак быть не могло.

На батарее я вернулась в темноте. «Так и не встретила я связиста от «Чайки», — сказала комбату, доложив обстановку. «Хорошо, что вообще никого не встретила! — усмехнулся старший лейтенант Гонтарь. — Могла бы встретить не того, кого надо...»

Только тут я поняла, какой опасности избежала. Ведь диверсант мог специально подстергать связистов, вышедших на ликвидацию обрыва...

ПОСЛЕДНИЙ МАССИРОВАННЫЙ

Июль 1943 года. Лето в разгаре. Наша огневая позиция покрыта травой и полевыми цветами. В озерах, которые окружают батарею, отражается синева неба. Тишина... Кажется, сама природа настраивает на мирную жизнь. В такой день и думать о войне не хочется.

Но вдруг — боевая тревога! Спустя секунды — весь состав батареи в полной боевой готовности. Так называемое «положение номер один». Еще не все понимают, что произошло. Ведь налеты обычно к ночи, в темноте. А тут яркий солнечный день. Может быть, тревога — учебная?

Однако через несколько минут мы уже хорошо слышим завывания моторов вражеских бомбардировщиков. А дальномер не может поймать цель оптической наводкой, и вместо обычного: «Цель поймана!» — на батарее тишина. Впервые идет над нашей головой вражеская армада, а мы не стреляем. Слышим ее — но не видим. Высоко идет!

Наши орудия стреляли на восемь километров. И всю войну — эта дальность оставалась неизменной. В начале войны она была достаточной. Но уже к середине вражеские самолеты увеличили свой потолок, повысили скорость. И вот они идут над нашей головой, а мы не можем преградить им путь. Не достанут их и

наши «ястребки». Фашистские бомбардировщики идут свободно.

Нам уже понятно, что идут они не на Москву. Москва рядом, снизиться самолеты не успеют, а бомбить с такой высоты бесполезно — прицельности никакой!..

От бессильной ярости сжимаются кулаки. Впервые мы ничем не можем помочь тем, на кого должны обрушиться фашистские бомбы. Те самолеты шли на Горький...

Это был последний массированный налет. В наших местах вражеские армады больше не появлялись. После лета 1943 года лишь одиночные фашистские самолеты еще прорывались в зону Особой Московской армии ПВО.

Зоя, ОТЗОВИСЬ!

Среди связисток и прибористок нашей батареи были комсомолки с Урала и из Кировской области. Зоя Краснолуцкая, которая стала самой близкой моей подругой, уезжала в армию из райцентра Фокино Пермской области.

При распределении по частям мы попросились на одну батарею. Нам почему-то повезло. Хотя на самой батарее нас разлучили. Зою направили в дальномерщики, меня — в связь. Это, однако, не мешало нам постоянно общаться, потому что артиллерийская батарея — один сплоченный коллектив. И Зою в этом коллективе полюбили быстро — она была отзывчива, общительна, неплохо пела, играла на гитаре.

Однажды ранней весной 1944 года, возвращаясь с задания, я провалилась под лед ручья. Пока дошла до батареи, одежда заледенела. Началось воспаление легких. Зоя в это время тоже лежала в полковом госпитале. У нее была повреждена нога. Узнав, что я больна, сбежала из госпиталя, вернулась на батарею и стала меня выхаживать. Особых лекарств у нас не водилось. Их и в госпитале было мало. Зоя, сама больная, добиралась до деревни, меняла наш армейский паек на молоко, кипятила его и поила меня. Помогали наши бойцы. Благодаря их общим усилиям я выздоровела. Когда я встала на ноги, Зоя снова ушла в госпиталь. По болезни ее демобилизовали досрочно, и после войны мне не удалось найти ее.

Фамилия у нее давно другая. Может, эти воспоминания помогут отыскать бывшую московскую артиллеристку Зою Краснолуцкую.

МОСКВА СПАСЕНА!

Рано утром 8 мая по вызову из полка я ушла с батареи. Вернулась к вечеру и легла хоть часок поспать перед ночным дежурством. Спали мы мало, всегда урывками. Если три

часа подряд поспишь, — уже, считай, повезло!..

Проснулась я от крика бойцов. Кто-то дергал меня за ноги: «Ксанка, вставай, победа!..»

Мы ждали ее давно, и все-таки она пришла неожиданно.

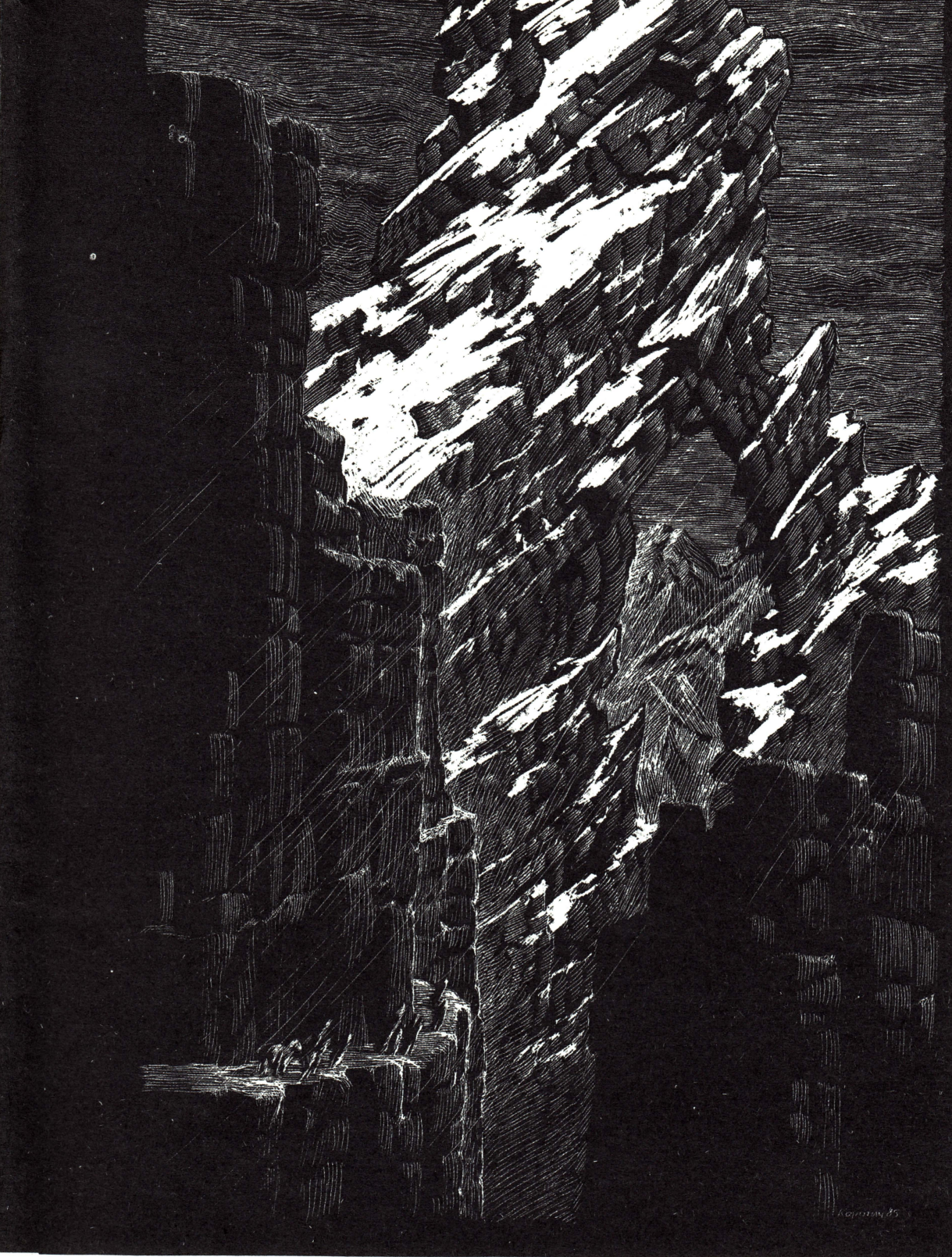
Грандиозный артиллерийский салют прозвучал в тот день над Москвой, расцвеченной яркими фейерверками сигнальных ракет.

Наша батарея участвовала в этом салюте. Мы стреляли с Ленинских гор холостыми, разумеется, снарядами. Война была окончена. Москва спасена, несмотря на то, что на нее упали полторы тысячи фугасных и 45 тысяч зажигательных бомб. Но основную массу снарядов фашисты до нашей столицы не донесли. Либо сбросили их в подмосковные поля, либо сами на них подорвались. Ведь 1305 фашистских самолетов были сбиты под Москвой и над нею. И один из них — «Юнкерс-88» — сбился пулеметной очередью пермская комсомолка Мария Грудистова в ста километрах к западу от Москвы — над Можайском.

Впрочем, о медсестре Грудистой из военного госпиталя в Закамске написано уже немало. Ее хорошо знают и в Москве, и на Урале, и в Кременчуге, где она сейчас живет.

...Через два с половиной месяца после окончания войны мы начали разъезжаться по домам. Уходили из столицы девичьи эшелоны на Урал, но увезли они не всех. Некоторые уралочки погибли при защите Москвы. Многие остались в столице — нам предлагали при демобилизации и работу, и жилье.

Нас были тысячи, когда все это начиналось. Сейчас нас намного меньше. Но мы по-прежнему Особая армия зенитчиков.

«Отряд вплотную подступил к Барзинбару, или, как называли его эльфы, Карадрасу,— громадному пику со снежной вершиной и кроваво-красными каменными склонами, на которых не было ни лесов, ни лугов.»

Сказочная эпопея Д.Р.Р.Толкиена

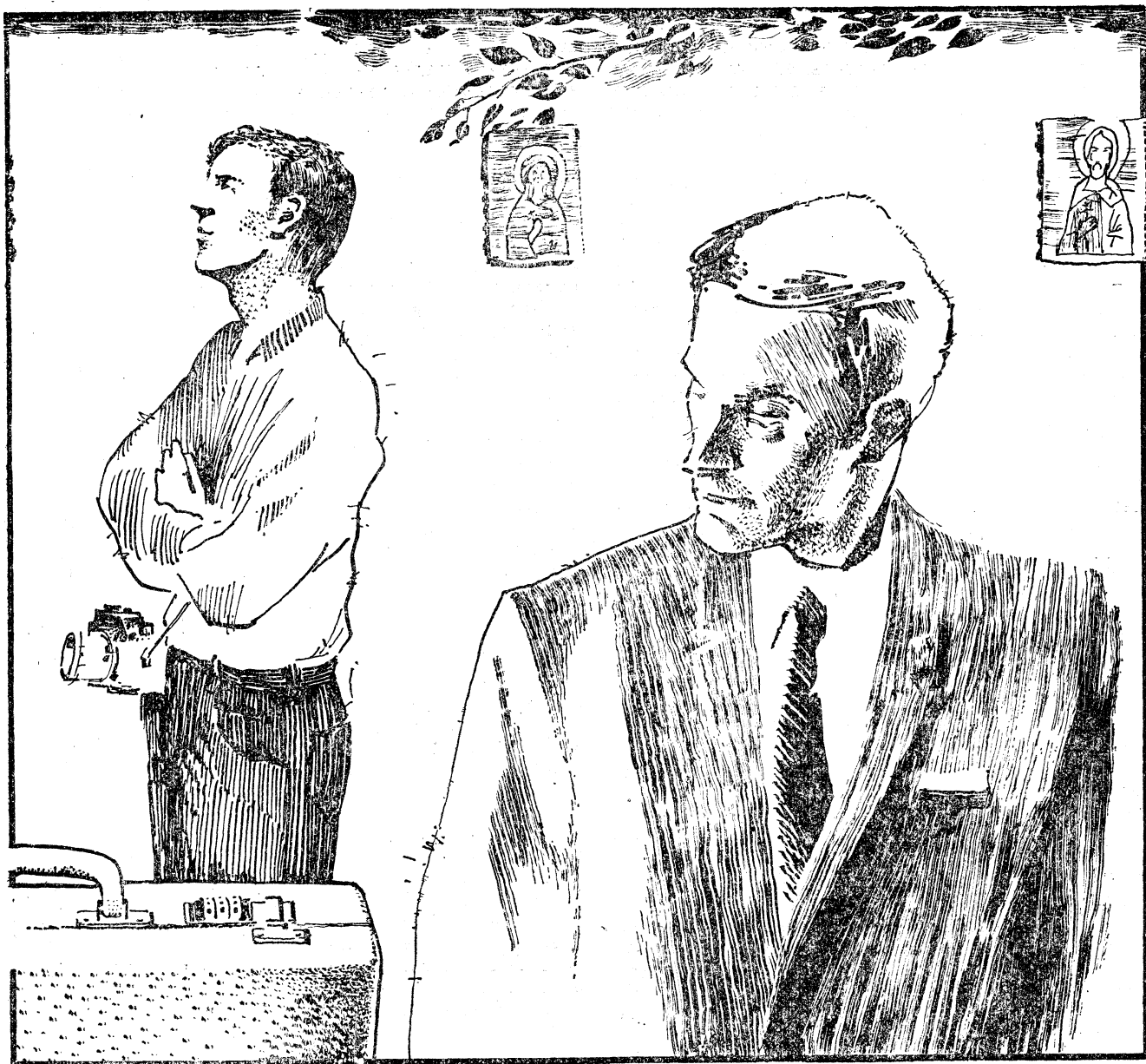
Властелин Кольца

в иллюстрациях
Александра Коротича

«А Гэндальф поднял Магический Жезл и, когда он засверкал, как маленькое солнце, резко, наискось, опустил его вниз, словно бы перечеркивая Мост перед Барлогом. Вспыхнул снол серебристого пламени, Магический Жезл сломался пополам, а Мост под Барлогом обрушился в пропасть.»

Кертинин 35

Повесть

УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ

Окончание. Начало в № 8

Валерий ПРИВАЛИХИН

Рис. Владимира Ганзина

Часть вторая

1.

У начальника отдела краевого уголовного розыска за время отсутствия Шатохина накопилась информация по делу об иконах. На запрос был ответ из Москвы: грабей, сходных с теми, что произошли в Нетесовском районе, в прошлом не отмечено. Но была под рукой поднятая из архива папка.

— Посмотришь, — полковник подал ее Шатохину. — Плиточники-мозаичники Валошин и Катков отличились. Девять лет назад были в командировке в тех краях, отделявшие столовую в деревне Большой Тотош. Забрались на болота, украли иконы в одном старообрядческом доме. Иван Игнатьевич Парфенов занимался этим перед самым уходом на пенсию. Жаль, с ним уже не встретишься...

— А плиточники?..

— По-прежнему работают в девятом РСУ. Теперь о Бороносине. Как с ним?

— Полный туман... Во-первых, белозор. Действительно растет такая трава на болотах. Но Бороносин багульник со мхом вперемешку напихал в рюкзак. Говорит, перепутал. Потом, адрес врача, для которого, якобы, траву собирал, так и не назвал. Листок с адресом потерял, говорит. Если совпадение, что оказался рядом с местом происшествия, то исключительно редкостное. Я в такие совпадения слабо верю. Еще его эта карта.

— У тебя она?

— Передал экспертам.

— Бороносин много ездит, — полковник недолго помолчал. — Мог в разговорах с пассажирами рассказывать без всякого умысла о родных краях, о старовеерах, иконах и таким образом попасть в поле зрения заинтересованных людей.

— Я побываю, Виктор Петрович, на его работе, поговорю о нем.

— Добро. — Веселый огонек вспыхнул в глазах у Пушных. Он спросил: — Грабители-то, как считаешь, по сегодняшнему комаров кормят?

— В тайге, — уверенно ответил Шатохин.

— Ну-ну... — Полковник кивнул, напомнил: — Папку не забудь.

Шатохин просматривал архивное дело. Ничего сходного с нынешним. Почерк, уровень — не те. Плиточники-мозаичники выжидали, когда хозяева покинут избу, второпях, без разбора сняли иконы в верхней части стены правее центральных в иконостасе образов. А сбывали украденное на толкучке. Там и были задержаны. Какие уж связи с собирателями, с перекупщиками... Нет-нет, не они. А кто провел Валошина и Каткова через топи? В деле почему-то нет. А важно. Пусть-ка лейтенант Хромов встречается с мозаичниками-плиточниками, слетает еще раз в Нетесовский район. Большой Тотош от Силантьевки всего в полчаса езды, вдруг да окажется, что доброхотом-проводником был девять лет назад Бороносин.

Сам чем займется? Нужно сначала повидаться с начальником пассажирского поезда Померанцевым. Железнодорожник-вахтовик из Нарговки чаще всего ездит в бригаде Померанцева. На восемнадцать часов договорились о свидании около депо. Шатохин взглянул на часы, скоро пора отправляться. А Хромов пусть оформляет командировку. Он набрал телефонный номер лейтенанта: «Володя, зайди». Маловероятно, чтобы Клим, Глеб, Роман, если издалека, совершенно никого знакомых в крайцентре не имели, без остановки проследовали в таежный район. Обратиться за помощью к собирателям? Да. Еще нужно, сразу после встречи с начальником поезда...

На четвертушке листа Шатохин делал беглые сокращенные пометки.

Начальник поезда, худой, в возрасте мужчины с техникумовским «поплавком» на лацкане форменного пид-

жака имел привычку переспрашивать, а потом надолго умолкать. Как будто взвешивал вопрос на невидимых весах. Отвечал, правда, по существу.

Общительный ли Бороносин?

Не чурается людей. Любит посидеть, поболтать. Пока не обсудит все поездные новости, не перескажет, что в газетах прочитал, по радио услышал, — не поднимется. Приходится напоминать, что не пассажиром едет.

Часто ли рассказывает о родном селе, о старовеерах?

Еще бы. Он, Померанцев, на что уж, кажется, не часто в поездных посиделках участвует, начальник все-таки, а и то наслушался вдосталь. Сам целую лекцию о старообрядцах благодаря Анатолию прочитать может.

Конкретно что?

Ну, среди болот дома их стоят. Вера у них, например, на казанскую разделяется и ярославскую. Кто казанской веры держится, деньги не признает, тайгой кормится. А ярославские всю деньгами пользуются.. Вот... Или наоборот, ярославские это без денег...

Начальник поезда сбился, умолк. Шатохин, искоса глянув, подумал, что собеседник, пожалуй, преувеличил свои возможности: целая лекция о старообрядцах ему не под силу.

— С пассажирами в поездах Бороносин общается? Или только со своими?

На этот раз Померанцев не переспросил, ответил сразу:

— Весь обслуживающий персонал в дороге непрерывно среди пассажиров. Работа такая. Анатолий часто проводников подменяет.

Они медленно шли вдоль железнодорожных путей от депо к товарной станции. Рядом сновали маневровые тепловозы, слышался лязг буферов сцепливаемых вагонов, перекликивались между собой сцепщики в оранжевых жилетах.

— Об иконах Бороносин тоже, наверно, рассказывал? — спросил Шатохин.

— Как же. О самих старообрядцах речи меньше, чем об их иконах.

— Что?

Помня, видимо, как только что потерпел неудачу с «целой лекцией», Померанцев отвечал сдержаннее, проще, и выходило у него толковее.

— Уйма икон. Дорогие. Святят их по праздникам, на любимые сутками молятся. Почувствует кто приближение смерти, ищет, кому передать. Некому, нет единоверцев рядом, так в землю закапывают.

Шатохин впервые слышал о таком.

— Это Бороносин говорил? — спросил он.

— Да. Рассказывал, позапрошлым летом экспедицию проводил по тайге, на избушку наткнувшись. Дверь открыта, на пороге труп старика. Полуистлевший. А за порогом — несколько икон, краска уже начисто облезла. Моельня там была. Старик все вынести успел, закопал. С последней охапкой на пороге споткнулся и больше не встал...

— Правда, было?

Начальник поезда усмехнулся, закурил: — Кто знает. У него пойми, где правда, где вымысел. Проводницы его рассказы северными фантазиями называют.

«Что же сейчас вахтовик из Нарговки нафантазировал, а что сделал?» — подумал Шатохин.

Он задал еще несколько вопросов начальнику поезда и простился.

Встречу удачной, кажется, не назовешь. Хотя не особенно на нее и рассчитывал.

Хромов тоже ничего неожиданного не получил от свидания с плиточниками-мозаичниками. Валошин и Катков рассказали, девять лет назад шофер оленеводческого совхоза повез их на хорошие черничники. Километрах в двадцати пяти от Большого Тотоша. Там, собирая ягоду, увидели среди деревьев одинокую избушку. Дорогу запомнили, вдвоем через неделю тайно пришли к отшельническому обиталищу. Фамилию шофера строители-отделоч-

ники забыли, но это не Бороносин. Шоферу, возившему в ягодное местечко, тогда было под пятьдесят...

— Правду говорят. Все быльем поросло. Зачем им сейчас что-то запутывать, кого-то выгораживать,— подытожил лейтенант.

Шатохин согласился.

— Разыщи все-таки шофера,— сказал он.— И поинтересуйся в райцентре, работала ли в прошлом году экспедиция, кто ее сопровождал?

— Есть.— Хромов помолчал.— Пусть даже Бороносин был проводником на болотах, все равно с ним Роман и компания не сразу встретились. Если высадились из «Ракеты», из поезда, долго шли по тайге. Самостоятельно? И кто-то должен был видеть в месте высадки.

— Выясняют. Занимайся своим делом. Билет взял?

— На первый рейс.

— Тогда по домам,— предложил Шатохин.

2.

Криминалистическая экспертиза на месте, в крайцентре, мало прибавила к известному.

Специалисты по дактилоскопии дали заключение, что из всех консервных банок, извлеченных из таежного омута, отпечатки пальцев, с которыми можно работать, сохранились лишь на одной. Человек, которому они принадлежат, брал в руки также и расколотую деревянную чашку. На территории края дактилоскопирование к этому человеку не применялось... По обрывку газеты установили ее название, дату выхода в свет — центральная отраслевая газета «Водный транспорт» за июнь, отпечатанная в московской типографии (для оперативников это было косвенным подтверждением, что налетчики прибыли издалека: газета тиражируется с матриц и в сибирских городах, экземпляры, печатаемые в столице, рассылаются лишь в близлежащие области). Выстрелы по волку произведены из автомата системы Калашникова, патроны изготовлены примерно 43—45 лет назад. Из автомата стреляли много, возможно, АК имел военную биографию. С применением именно этого оружия преступления в границах края прежде не совершались. Все. Окончательное слово было за Московской.

Москва сумела дополнить — и очень существенно — информацию насчет оружия. Четыре года назад в одном из районов Карельской АССР было совершено нападение на инкассаторскую машину. Преступник, двадцатипятилетний Алексей Иннокентьевич Кортунов, уроженец города Вышний Волочек Калининской области, очередью из автомата тяжело ранил инкассатора и убил водителя. Нападавшему удалось забрать деньги и пистолет шофера-охранника и скрыться. Спустя двое суток он был задержан и арестован в доме родителей. Инкассаторская сумка с деньгами и пистолет при обыске были обнаружены, автомата не оказалось. Преступник утверждал в ходе следствия, что разобрал автомат и части разбросал в лесу, где именно — забыл. И вот по типичным следам на пулях специалисты по судебной баллистике дали заключение: при нападении четыре года назад в Карелии на инкассаторскую машину и неделю назад в тайге стреляли из одного и того же оружия...

В кабинете у начальника уголовного розыска сидели следователь Тиунов и майор Шатохин. Полковник знакомил их с содержанием поступивших документов.

— Гильзы, сами пули со следами от полых нарезков в каналах ствола — нам. А автомат продолжает стрелять,— невесело заметил следователь.

— Да, автомата нет,— сказал полковник.— Кортунова не спросишь, куда девал. Приговорен к исключительной мере.

— Сообщники?

— Действовал один.

— Поверили ему на слово, что выкинул,— с досадой сказал Тиунов.

— Не смогли доказать. Мы — перед фактом, что не выбросил.

От внимания полковника не ускользнуло, как Шатохин сделал произвольный жест рукой.— Что, Алексей Михайлович?

— Поразительная особенность ненайденного оружия,— ответил Шатохин,— обязательно появляется вновь.

— К несчастью... У Кортунова остался младший брат. Игорь. Игорь Иннокентьевич. Пока о нем известно, что дважды судим по двести двадцать восьмой статье. Совсем не показателен того, что причастен к ограблению скитов. Но Кортунов-младший — пока единственная зацепка в деле. Еще, правда, Бороносин, но...

— Игорь,— повторил имя Кортунова-младшего Шатохин.

— Глеб, Клим, Роман — совсем не обязательно подлинные имена,— проговорил Тиунов.

— Все-таки против младшего кое-что есть,— продолжал полковник.— Старшего арестовали буквально через полтора часа после появления в родном доме. Не ожидал, что так скоро разыщут, ни денег, ни пистолета не прятал. Следствием прохронометрирован путь от места преступления к дому. Нигде не задерживался. Так что очень большая вероятность: Игорь Кортунов осведомлен об автомате.

— Прежде всего нужно установить, где находился Кортунов-младший в дни ограбления,— сказал Шатохин.— Дальше: предъявить его снимок потерпевшим. Если был среди троих, не верю, чтоб не опознали. Все-то прикрытые лиц — очки.

— Кто опознавать будет? — спросил с иронией следователь.

— Агафья, Василий... Бабка Липа.

— Агафью, к сведению, теперь строжайше наказали. Будет постыться и молиться неопределенно долгое время, испускать свой грех.

— Кто наказал? — вырвалось невольно у Шатохина.

— Ну не я же епитимью наложил.— Следователь посмотрел на Шатохина, как на неразумного ребенка, шумно вздохнул и перевел взгляд на полковника.— Община, совет. Кто у них там главный — не знаю и изучать особого желания не испытываю. Важно, что потерпевшие не помощники нам, показаний от них не жди.

— Можно вопрос, Виктор Петрович? — спросил Тиунов.— У инкассатора большая сумма взята?

— Очень.

— Вы верите, что убийца, имея крупные деньги, стал бы связываться с продажей оружия?

— Нет.

— И я — нет. Скорее всего, поберег бы для новых подвигов, вовремя укротили,— сказал следователь.— Значит, Кортунов-младший так или иначе посвящен в тайну оружия.

— Не подводите ли вы, Дмитрий Степанович, к тому, что нужно допросить Кортунова?

— По крайней мере, не исключаю этого,— ответил Тиунов.

— Не исключаете? — Тень неудовольствия пробежала по лицу Пушных.

— Нет, не исключаю,— твердо повторил следователь.

— Хорошо, Дмитрий Степанович.— Полковник не счел нужным продолжать.— Дело пока в уголовном розыске. Я переговорю с вашим начальником и с генералом Ломакиным.

Тиунов поднялся, простился кивком и вышел.

— Ситуация.— Полковник вынул из стаканчика красный карандаш с отломившимся графитным кончиком. Не найдя британского лезвия, поставил карандаш на место.— Хромов что сообщает? — спросил.

— Шофера в Большом Тотеше нашел. Твердохлебов фамилия. Помнит он ту поездку. Рассказывает, просто решил городских командированных поразить обилием ягод в тайге, сам позвал...

— Значит, Бороносин в том случае отпадает.

— Напрочь. Никакой экспедиции в прошлом году в районе не было. В последний раз пять лет назад мелиора-

торы приезжали. Бороносин к мелиораторам касательства не имеет.

— Очередная его северная фантазия?

— Возможно. И еще. У Ионы Парамоновича Корзилова есть несколько слайдов. Снимки с наиболее ценных икон. Старухи втихую все-таки подлечиваются у фельдшера, хотя сами — каждая лекарка. Не посмели отказать ему в просьбе пофотографировать. Тоже в глубокой тайне, разумеется.

— А фельдшеру зачем фотографирование?

— Ведет среди них агитацию не уничтожить ни при каких обстоятельствах произведения искусства. Это правда: староверы в одиночестве, почуяв близкую смерть, зарывают в землю образа. Или по воде пускают. Киприяновы иконы, не будь Варвары и Агриппины, ждала такая участь.

— Фельдшер передал слайды Володе?

— Четырнадцать штук, с указанием размеров. На время.

— Сфотографированные иконы все исчезли?

— Нет. Две — бывшие Киприяновы. А к новым владельцам грабители не заходили. Три — из скита старухи Великоницы. Это в другой группе скитов, на востоке района. Дотуда просто руку не дотянули.

— Что ж, Иона Парамонович, возможно, облегчит работу нам. И таможенникам тоже. Теперь нужна подробная информация насчет Кортунова.

— Я составлю текст запроса, — сказал Шатохин.

— Не надо. Письменный — долго. Торопят. Из-за автомата. Главное сейчас — он. Суббота, иди отдыхать. В понедельник в восемь ноль-ноль жду вместе с Хромовым. И со слайдами. Хромов вылетел?

— В семнадцать нынче должен быть.

— Хорошо. До понедельника.

3.

В кабинете у полковника утром в понедельник разговора не было, сразу отправились к заместителю начальника управления Зайченко. По пути зашли в отдел к экспертам-криминалистам, отдать слайды.

— По три экземпляра с каждого, пожалуйста, — попросил Пушных у молодого, неторопливого в движениях старшего лейтенанта, прекрасного фотографа Саши Белецкого.

— Когда нужно?

— Полчаса достаточно? И еще просьба, Саша: в тридцать второй кабинет занесите.

Зайченко и Пушных были ровесники и друзья. Жизнь, судьба их складывалась почти одинаково. Оба в милицию пришли в начале пятидесятых третьего, накануне знаменитой, печально-памятной амнистии. Оба буквально через три месяца службы ранены были, у обоих теперь на плечах полковничьи погоны и близкая пенсия.

Пушных докладывал старшему по должности другу по привычке старого службиста стоя. Одновременно это был рассказ и для Шатохина и Хромова.

Информацию о Кортунове начальник розыска собрал немалую.

Освободился Кортунов восемь месяцев назад. Живет в Калининске, за Тверцой. Энергетический переулочек, дом один. Снимает флигель у пенсионеров. Работает на полставки фотографом на обувной фабрике, имеет патент на занятие индивидуальной трудовой деятельностью. Фотографирует туристов, приезжих на фоне городских достопримечательностей. Постоянного места нет. Между индивидуальщиками конкуренция. Месяца два назад фотографировал у памятного купцу Афанасию Никитину. Оттерли. Теперь, по сведениям, в Березовой роще. Родители по-прежнему проживают в Вышнем Волочке, замужняя сестра — в Торжке. Относительно старшего брата. О нем Игорь Кортунов не упоминает, словно и не было.

— Когда видели фотографа в последний раз? — спросил Зайченко.

— В пятницу. А до этого долго не появлялся. Но на

фабрике у него отпуск был. Фабрика старая, ежегодно на месяц закрывается на ремонт.

— Спортподготовка, знакомства?

— Пока неизвестно. Не давал повода справляться.

— Иконы?

— В торговле не был замечен.

— Так. — Зайченко смотрел перед собой в одну точку на полированном столе. — Будем надеяться, Кортунов — кратчайший путь к автомату, про который нам с Виктором Петровичем чуть не каждый час...

Зайченко не стал продолжать при подчиненных, но в сказанном смысле угадывался яснее ясного: у полковников непрерывно справляются, какие предпринимаются меры по розыску боевого скорострельного оружия. Потому и план разрабатывается необычно, непривычно. Не в стенах отдела.

— Лучшее — завязать знакомство с Кортуновым, — после короткого молчания продолжал Зайченко. — Каким образом?

— Кортунов тщеславен, представляется при знакомстве не иначе как «фотохудожник». Не скрывает цели стать богатым. Можно сыграть на этом, — сказал Пушных.

— Можно, — согласился Зайченко. — Но как? Виктор Петрович, ты садись. А вы, майор, лейтенант, здесь не для кворума. Высказывайте свои соображения.

— То, что снимает на улице, делает его доступным для знакомства, — сказал Шатохин.

— В определенной мере — да. А если многоуважаемый индивидуал Игорь Иннокентьевич сфотографирует, запишет координаты, возьмет деньги — и прощайте? Снова приходиться сниматься?

— Всего не предусмотреть, — сказал Шатохин. — На месте по ситуации лучше действовать.

— Это не разговор, — не согласился Зайченко. — Кто гарантирует, что автомат не у Кортунова? Тогда выйдет непродуманное импровизированное знакомство с вооруженным преступником. А за ним еще двое.

— Вообще нужно четко определиться, как, в каком качестве прийти к Кортунову, — сказал Пушных. — Как я понимаю его, человек он деловой, и ему интересны люди деловые. Из этого нужно исходить...

Секретарша вошла, положила на стол перед Пушных пакет с фотографиями, поверх — слайды в коробочке.

Пушных в разговоре забыл о снимках, теперь, взглянув на часы, похвалил про себя Белецкого: «Молодец, Саша, уложился в тридцать минут».

Он вынул из пакета фотографии, разложил на три стопки, брал из одной, разглядывал и передавал Зайченко. Замначальника управления — Шатохину. Фотографии — переснятые иконы — заходили по рукам. На некоторых письме еле проступало сквозь черноту, на иных рисунок был чистый, светящийся, фон золотился.

— Нужно пометить, какие чьи, названия написать, — сказал Пушных.

— Сделаем. На рамках слайдов указано... — Лейтенант Хромов, не выпуская из рук очередную, переданную ему фотографию, живо взглянул на Пушных: — Кортунов сидел за изготовление и сбыт порнографии?

— Да.

— Значит, если и не фотохудожник, то прилично снимает? За халтуру мало кто согласится платить.

Никто из присутствующих пока не понимал, к чему клонит Хромов, уточняя известное.

— Виктор Петрович говорит, что Кортунову интересны деловые люди, — продолжал лейтенант: — Значит, нужно подойти к нему с делом. Как к фотомастеру...

В нескольких фразах Хромов объяснил, что он конкретно предлагает.

— А хорошо, лейтенант, — одобрил заместитель начальника крайуправления. — Подумать еще нужно, кое-что изменить, но в целом согласен. Как, товарищи?

У Пушных и у Шатохина тоже не было возражений по существу.

— Добро, — полковник Зайченко поднялся. — Все сво-

бодны. В шестнадцать соберемся здесь еще раз. Европейский вариант вчерне обговорили, теперь — сибирский...

4.

В древней Твери было пасмурно, прохладно. Августовское солнце временами ненадолго озаряло город, беспокойную, продутую ветром воду Волги и вновь зарывалось в темно-серые облака. Без дела редко кто выходил, на улицах малоллюдно. Нечего было и мечтать, чтобы кому-то из фотографов-индивидуалов взбрело в голову поджидать по такой погоде желающих сняться на память около достопримечательностей.

Дождь прекращал моросить, и Шатохин покидал гостиничный номер. Отлучался недалеко и ненадолго. По уцелевшему уголку старого города брел мимо дома-музея писателя и местного вице-губернатора Салтыкова-Щедрина, заходил в антикварный магазин, потом в кафе «Аквариум» с видеосалоном и возвращался в свою 268-ю комнату.

Одиночество не тяготило, но куда веселее было бы коротать дни вдвоем. А предполагалось, что вылетят вместе с Хромовым, билеты были уже заказаны. Однако замначальника Управления отменил командировку лейтенанта: Калинин Калинином, туда обязательно нужно, однако и на месте дела есть. Крайнецентровские связи грабителей нужно выявлять, должны они быть, о вахтовике-железнодорожнике Бороносине забывать нельзя.

Ненастье, а с ним и вынужденное ничегонеделанье длилось три дня, а на четвертый погода, наконец, установилась. С утра в жарких лучах подсыхал асфальт, ветерок обдувал влагу с листьев. Шатохин был доволен и в то же время немножко нервничал. Кортунов находился в городе, регулярно в первой половине дня на два-три часа наведывался на фабрику, ночевать приходил в свой флигелек, однако первое погожее утро — субботнее, и кто знает его планы. Вдруг да надумает съездить в Торжок или Вышний Волочек, к сестре или к родителям. Не должен никуда уехать. Патент обрабатывать должен, место свое оберегать от соперников.

Шатохин не спешил. К открытию спустился в ресторан позавтракать, вернулся в номер. Сидел в кресле перед включенным телевизором, поглядывал на часы, на телефон.

Звонок раздался за полдень. Лейтенант-оперативник Изотов, один из двух калининских сотрудников милиции, с кем Шатохин, приехав, встречался и кто помогал все эти дни, сообщил, что фотограф в роще, расположился там недавно, народу вокруг него пока не выдать.

— Понял, — Шатохин положил трубку.

Черный кожаный «дипломат» с наборным цифровым замком лежал на виду, на тумбочке около кровати. Шатохин обулся, надел темно-серый в тон брюкам пиджак. Из внутреннего кармана вынул бумажник, еще раз на всякий случай просмотрел его содержимое, положил на место. Взял «дипломат», выключил телевизор и вышел из номера.

Заочно, по снимку, он был знаком с Кортуновым и узнал его сразу. Смуглолицый, невысокого роста, крепко сбитый, одетый в коричневые вельветовые штаны и полосатую рубашку, он что-то писал в блокнотик, держа его перед собой на весу. Если участвовал в налете на скиты, то под именем «Глеб». Из двоих других у одного, Клима, косоглазие, Роман — высокий и узкоплечий.

Девочка лет пяти-шести, молодые мужчина и женщина были рядом. Видимо, Кортунов только что сфотографировал их и теперь выписывал квитанцию. Девочка со смехом бегала вокруг высокой треноги, на которой была прикреплена рамка со снимками-образцами. Опасаясь, как бы шустрая, самая юная представительница семейства не уронила треногу, Кортунов оборачивался, бросал короткие недовольные взгляды. При этом фотоаппарат с расчеленным объективом мотался на животе.

От пятачка, на котором расположился Кортунов, до ближней скамейки было шагов пятнадцать. Шатохин про-

шел мимо индивидуала и его клиентов, сел на скамейку, положил рядом «дипломат».

Шурясь от солнечных лучей, открыто наблюдал, как рассчитываются сфотографировавшиеся, как удаляются, потом сосредоточил внимание на Кортунове. Тот наклонился, поднял из травы плюшевого медвежонка, целлюлозную куклу в пестром сарафане и с пунцовыми щеками, положил игрушки на раскладной алюминиевый стульчик с матерчатым сиденьем.

К Кортунову еще подошли. Две женщины. Просто взглянули на образцы и отправились дальше.

Фотоиндивидуал закурил сигарету, сделал несколько затяжек, выкинул окурочек. Шатохин продолжал смотреть в его сторону.

Трудно было не реагировать на близкое соседство. Кортунов сделал несколько шагов в сторону Шатохина.

— Снимемся на память, — предложил. — Можно с видом на Волгу.

— Стоит ли? — ответил Шатохин.

— Дело хозяйское, — не стал уговаривать, вернулся на свое место Кортунов.

Шатохин поднялся, приблизился к кортуновской треноге, окинул взглядом образцы.

Снимки были обычные, средненькие. Да и кто сумел бы показать мастерство, щелкая кадр за кадром с одной точки? Отсутствие колоритного фона, подтверждающего, что снимок сделан именно в Калинин, восполняла надпись в левом нижнем углу, выполненная буквами в старинном начертании «Грдь Тверь».

— Хочешь заработать? — спросил Шатохин.

— Как?

— Переснять кое-что нужно.

— С собой?

— Да. — Шатохин кивнул на «дипломат».

— Если порно, я сразу — пас, — твердо сказал Кортунов.

— Зачем такие страсти, — Шатохин засмеялся. — Предметы искусства. Нужны точные фотокопии. Сумеешь быстро сделать?

— Смогу... Какие предметы?

— Снимать будешь, увидишь.

Кортунов помолчал. Возможно, прикидывал, кем может быть незнакомец и стоит ли иметь с ним дело. Спросил:

— Когда надо?

— Сегодня.

— А размеры, штук сколько?

— Пять. Каждый снимок в трех экземплярах. Формат... — Шатохин взял со скамейки свой «дипломат», провел пальцем сверху вниз по середине крышки.

— Дорого тебе обойдется. У меня цена...

— Договоримся, — небрежно оборвал Шатохин. Кивнул на узкоплечный кортуновский «Никон». — Им, что ли, снимать будешь?

— Это уже моя забота.

Складные тренога, стульчик, рамка с образцами, игрушки оказались во вместительной спортивной сумке. В минуту от кортуновского «фотосалона» не осталось следа.

— Пойдем, — сказал Кортунов.

При конторе обувной фабрики в Верхневолжском перелуке Кортунов имел фотолaborаторию — комнатку в полуподвале с отдельным входом. Шатохин знал о ее существовании, был уверен, что Кортунов приведет его именно сюда. Так и случилось.

— Ну, что снимать? — Кортунов щелкнул выключателями, и яркий свет залил квадратную комнатку без окон. Широкоплечный «Киев» появился на столе.

Шатохин вынул из «дипломата», раскутал упакованные в пушистую хлопковую бумагу свертки. Иконы — пять штук — одна за другой легли возле «Киева».

Украдкой Шатохин наблюдал, какой будет реакция Кортунова на появление икон.

Внешне, по крайней мере, остался спокоен. Указатель-

ными пальцами взял за уголки одну, на расстоянии вытянутых рук рассматривал, повернул тыльной стороной к себе.

— Николай Угодник? — спросил.

— Власий...

— Похож на Угодника. — Кортунов поставил икону к глянцевателю, убавил освещение, прибавил, слегка изменил положение иконы, взялся за фотоаппарат. Он приступил к работе.

Больше почти не разговаривали до того самого момента, когда Кортунов протянул пачку готовых снимков.

— Двести пятьдесят, — назвал сумму. — У меня цены, я предупреждал...

— Нормально, — рассеянно глядя мимо хозяина лаборатории, остановил Шатохин, вынимая и раскрывая бумажник. В одном отделении были пятидесяти- и сторульевки, из другого выглядывали двадцатидолларовые бумажки.

— Нормально, — повторил он, делая вид, будто не замечает, с каким жадным вниманием изучает Кортунов содержимое бумажника.

Шатохин отсчитал двести пятьдесят рублей, положил бумажник обратно в карман, но рассчитывать поспешно, прежде поставил условие:

— Негативы тоже мои.

— Пожалуйста...

Быстро, заученными профессиональными движениями Кортунов скатал и завернул пленку, отдал Шатохину и тут же получил деньги.

Дела с фотографом были закончены, иконы в прежней упаковке уложены в «дипломат». Остаться в нагретой осветителями, непрветриваемой комнатке не было больше нужды.

— Духота, — сказал Шатохин. Вынул из бокового кармана пиджака носовой платок вытереть вспотевший лоб. Никелированный ключик, прицепленный к плексигла-

совому брелочку, на котором было оттиснуто буквами «Г-па «Тверь» и ниже крупно «268», лежал в том же кармане, что и платок, и выпал, звякнул об пол. Поспешно Шатохин наклонился, подобрал ключик.

— Спасибо за снимки, — поблагодарил он и вышел из кортуновской лаборатории на улицу.

Пешком, с задержками у киосков «Союзпечати», с заходом в сувенирный магазин «Тверские умельцы», он через час с небольшим добрался до гостиницы.

В номере, не снимая пиджака, сел в кресло, положил «дипломат» на пол, придвинул ближе к себе телефонный аппарат. Ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу сорочки и с четверть часа сидел неподвижно с полузакрытыми глазами. Потом, достав фотографии, принялся перебирать их. Прилично сделано. Только вот пользы от снимков, если...

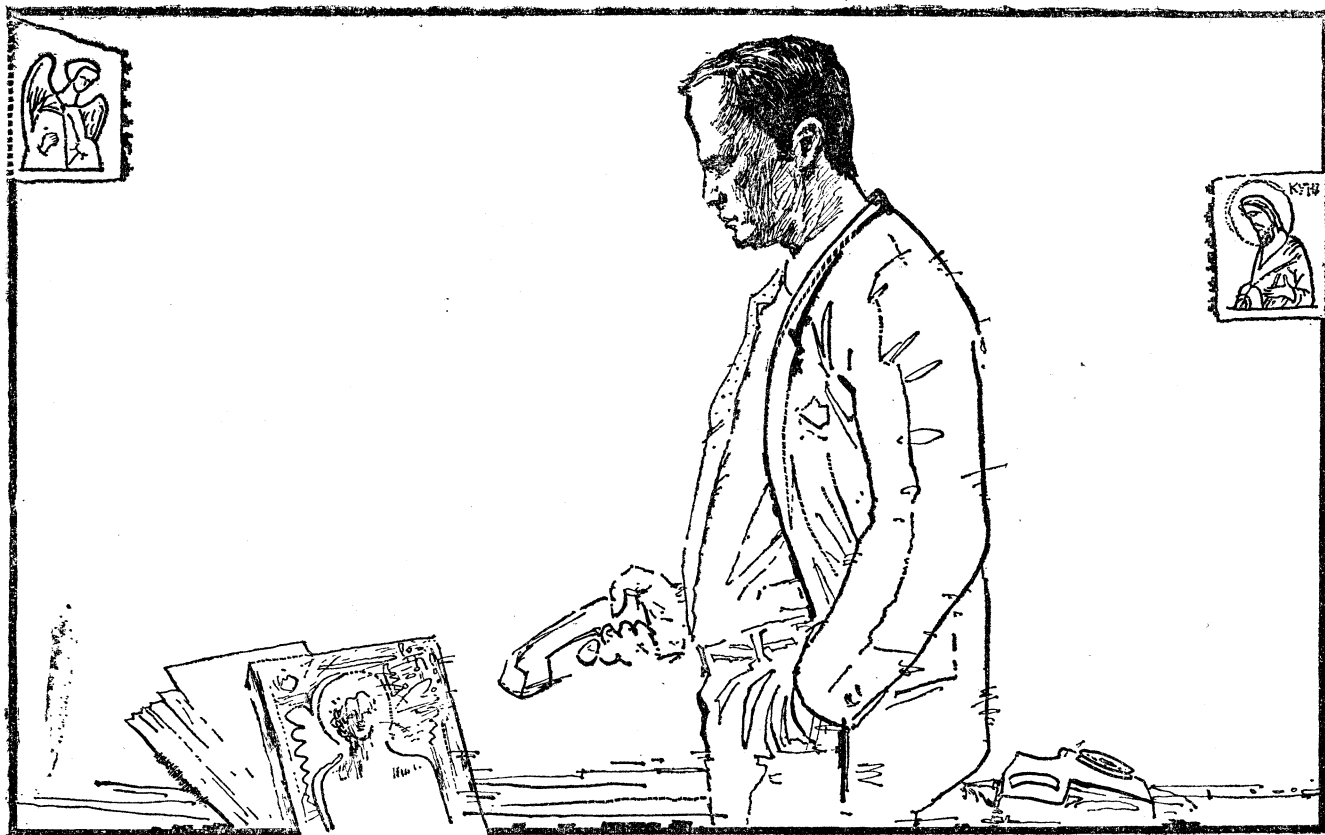
Телефонный звонок нарушил тишину, заставил отложить фотографии.

Звонил лейтенант Изотов. После прощания с Шатохиным фотограф вскоре покинул свою каморку в Верхневолжском переулке. В рощу не возвратился, на трамвае поехал в свой флигелек. Так и не выходя оттуда пока.

Семнадцать. С минутами даже. Если и через полтора, самое большее через два часа, он, Шатохин, будет сидеть вот так же в одиночестве, то зряшной, пожалуй, была и встреча в Березовой роще, и пересъемка. Нужно будет на ходу изобретать что-то другое. Что? Не нужно заранее настраиваться на плохое. Лучше сходить перекусить, с утра не ел.

Шатохин спустился в ресторан. Выпил бутылку пива с кальмарами. Официантка поставила перед ним второе, когда знаемая фигура фотографа-индивидуала возникла вдруг в дверях.

Обедя взглядом просторный, наполовину свободный

зал, Кортунов пошел по ковровой дорожке в проходе между столиками. Шатохин не сомневался: исключительно ради него, в поисках его, фотограф заглянул в ресторан, и сейчас обязательно окажется рядом.

Он не стал делать вида, будто не замечает появления недавнего своего знакомого. Резал на кусочки запеченный в тесто шницель и поглядывал на приближающегося Кортунова. Радоваться преждевременно, мало ли зачем пожаловал фотограф. Однако пока события развиваются по разработанному заранее, в Сибири, в кабинете у заместителя начальника крайуправления Зайченко, сюжету.

Фотограф остановился перед шатохинским столиком, ногой подвинул свободный стул, сел.

Сумка была у него в руке. Не прежняя, вместительная, рабочая, а небольшая, из мягкой кожи. Кортунов положил ее на край столика.

— Не помешаю? — спросил.

Шатохин посмотрел холодно, отчужденно и промолчал.

— К вам... По делу, — сказал Кортунов.

От внимания Шатохина, конечно же, не ускользнуло обращение на «вы». Он не спешил уделять внимание фотографу. Неторопливо съел кусочек шницеля, из второй, откупоренной, но пока не начатой бутылки налил себе полстакана пива, отхлебнул глоток. Лишь после этого спросил приглушенным голосом и с раздражением:

— Кто-то кому-то что-то задолжал?

— Нет, — поспешил с ответом Кортунов.

— Тогда еще какое дело? И нашел меня как?

— Вы, перед тем как уйти, помните...

— Мм, — Шатохин pokrивил губы. Вынул ключик, подержал его на ладони и положил обратно в карман пиджака. — Понятно. Ну, и дальше?

— С предложением к вам.

— С предложением?

— Да. Хочу показать икону. — Кортунов дотронулся до сумки.

— А зачем?

Ответ явно обескуражил Кортунова. Такого оборота он не ожидал, не сразу нашел, что сказать.

— Зря вы так... — выдавил наконец из себя.

Легкое беспокойство, как бы не перегнуть, не испортить удачно начавшуюся игру, овладело Шатохиным. Следовало, пожалуй, ослабить возникшую натянутость.

— Как тебе кажется, зачем мне иконы? — спросил он.

— Ну, собираете их, — после заминки ответил Кортунов.

— Будем считать, угадал, собираю. Но не все подряд.

— Не видели моей, а говорите — «подряд». Эта, — Кортунов придавил ладонью сумку, — старше ваших.

— Вот как. Ты что же, хорошо разбираешься в них?

— Немного... У вас из всех пяти самой старой полтораста лет от силы.

— А твоей?

— Семнадцатый век. Начало.

Шатохин покосился на короткопалую, покоившуюся на сумке руку собеседника:

— Хм. Ладно. Подожди немного, поговорим.

Он взялся за отложенные было вилку и нож.

Через четверть часа сидели в номере.

— Показывай, — сказал Шатохин фотографу, и тот, расстегнув «молнию», вынул из сумки, передал из рук в руки Шатохину икону.

Из скита Афанасия! «София, Премудрость Божия». Из тысячи прочих — Шатохин узнал бы, выделил ее. Дело даже не в том, что икона эта в числе других наиболее ценных была на слайдах уртамовского фельдшера, и Шатохин имел возможность изучить, запомнить ее. Это еще мало что значило. Могли существовать поворота «София...». Но на афанасьевской — крылатая, с

огненным лицом София имела характерную отметину: краска в среднике на кончике левого крыла отколупнута, а в дереве на этом месте — глубокая ромбовидная вмятина. Было даже предание о ее происхождении. Больше трех веков назад, когда староверы общиной подвигались на восток в дикий край, на них напал отряд сибирского князька Тохтамышта. Мета на иконе — след наконечника татарской излетной стрелы. Перед тем, как Шатохину вылететь в древнюю Тверь в командировку, фельдшера приглашали в крайцентр для консультации с ним, и он обращал внимание майора, в частности, и на эту деталь...

Слабо верилось, что пригодится знание. А вот ведь держит в руках именно «Софию...» с отметиной.

Строго-настрою Шатохину было запрещено поддерживать, а тем более самому заводить разговоры о достоинствах и содержании икон, при случае лишь молча рассматривать. Сейчас он мог позволить себе, ничем не рискуя, чуть-чуть нарушить инструкцию.

— София. Символический образ божьей премудрости, — проговорил он, разглядывая шпонки на обороте. — Сколько за нее?

— Две.

— Полторы, — назвал Шатохин свою цену.

— Если бы вы согласились, — осторожно начал Кортунов. — Можно в долларах. Двести семьдесят...

— А ты уверен, что умешь ими пользоваться? Не попадешься? Да и не тянет эта на доллары. Другое нужно. Еще есть?

— Есть.

— Приноси, посмотрим. А за эту — советскими.

Раскрытый желтый бумажник опять, пока Шатохин отсчитывал пятнадцать сотен, помаячил перед глазами фотоиндивидуала.

Раздался телефонный звонок. Пожалуй, не ко времени. Шатохин почти наверняка знал, кто набрал номер. Можно было ответить: «Я не один, перезвони позднее», и это выглядело бы вполне естественно. Откровенное любопытство — чей звонок? о чем будет разговор? — уловил Шатохин в глазах фотографа и переменил решение. Почему, собственно, нестати звонок? Есть желание у Кортунова, пусть послушает.

— А, Сергей Иванович, — Шатохин заговорил в трубку с улыбкой, непринужденно. — Уже собираюсь... Конечно, как договорились... — Пакет с небрунными со стола кортуновскими снимками попался на глаза. По ходу разговора он выудил из пакета одну фотографию, приподнял, смотрел на нее. — Лучше об этом при встрече... — импровизировал, заканчивая. — До скорого.

«Не переборщил, вроде бы?» — подумал, поглядев на Кортунова.

— Что у нас еще? — спросил.

— Насчет встречи не договорились, — напомнил Кортунов.

— Да-да. Нынче не получится. Давай завтра в полдень. Кстати, к тебе как хоть обращаться?

— Игорь. А вас зовут?

— Дмитрий Дмитриевич... Все. Мне некогда.

5.

«София, Премудрость Божия, с праздниками» из скита Афанасия лежала на тумбочке. Ликом кверху. Шатохин, чуть наклонившись, всматривался в клейма, в центральный образ.

Победа! И еще какая. Принеся икону, Кортунов продемонстрировал прежде всего то, что оружие старшего брата перешло-таки к нему. Участвовал ли Игорь лично в нападении на скиты? Пока твердо сказать нельзя. Но если и нет, хорошо знаком с грабителями. Наверно, все-таки был в Нетесовском районе. Сомнительно, что за прокат автомата с ним расплатились одной из самых дорогих икон. И сколько их у него? Прилично, если участники ограбления поровну поделили добычу. Вопросы важные, но главное пока — автомат. Он дол-

жен быть где-то рядом. Независимо от того, захочет, нет ли продолжить деловое знакомство Кортунов, а оружие, приятелей-налетчиков найдут. Почему вообще-то не появиться завтра Кортунову? Должен. Уж очень доллары для него притягательны, такой взгляд в их сторону!..

Ладно. Нужно передать «Софию...» в местное управление, пусть поглядят отпечатки на ней. Заодно сдать на хранение в УВД иконы, которые переснимал Кортунов. Казенные, ценные.

Срочно связаться с Пушных.

Шатохин поднял и медленно положил трубку. Из номера лучше не звонить. Счет с указанием города, куда звонил, придет на адрес гостиницы. Кортунов в расследуемом деле, бесспорно, не первой величины фигура. Но не стоит принимать совсем за простака, чтоб уж совсем не интересовался жильцом из 268-го.

...Разница во времени с Сибирью четыре часа, там уже поздний вечер, и Шатохин первым делом, добравшись до управления, позвонил на квартиру полковнику. Передал, не вдаваясь в подробности, события сегодняшнего дня.

— Молодец, — похвалил Пушных.

— Да, но завтра передо мной могут положить пять или даже десять штук.

— Хорошо бы. Правда, сомневаюсь в такой глупости, — слышалось в ответ. — Если все же будет несколько, возьми одну-две. Для поддержания отношений. Мы здесь еще подумаем. Утречком, в семь Москвы, позвоню.

— Как у Володи? — справился Шатохин, подразумевая дела не одного Хромова, а весь ход работы там, в крайцентре, в таежной глубинке.

Пушных понял точно.

— Все живем без новостей. До завтра...

В сумерках, около одиннадцати, Шатохин подкатил на такси к гостинице. Едва захлопнул дверцу, из полумрака, где в тени деревьев стояли скамейки, его окликнули. По голосу Шатохин узнал старшего лейтенанта Валиулина.

— Заставяете ждать Сергея Ивановича, — тихо, с наигранной укоризной сказал старший лейтенант.

— Что-нибудь случилось? — спросил Шатохин.

— Случилось. — Валиулин начал докладывать.

Покинув гостиницу, фотограф вскоре оказался на центральной переговорной пункте. Звонил в Коломну. 7-93-73 телефон. Возможно, предпоследняя в номере — шестерка. Кортунов настойчиво уговаривал собеседника что-то отдать ему. Готов купить или позднее возместит другим. В разговоре Кортунов называл одно имя — Ефим. Судя по тому, с каким лицом вышел, как хлопнул дверью Кортунов, уходя с переговорного пункта, ни до чего не договорился. Сразу домой уехал...

Не скажешь вот так немедленно — ценная, малозначущая ли информация, пока не наведешь справки в Коломне. Лучше туда самому съездить. Вместе с Валиулиным. Шатохин прикинул, когда удобнее. Если ничего не переменится — завтра во второй половине дня.

— Возьми два билета до Коломны, Витя, — сказал Шатохин. — Позвони в восемь.

— Понял. — Валиулин поднялся со скамейки, не прощаясь, пошел прочь.

Кортунов появился на другой день в назначенное время с двумя иконами. Это свидетельствовало: все в порядке, нет причин для беспокойства.

За последние дни Шатохин перевидал множество икон, снимков и фотокопий с них. Иконы, сходные по сюжету с принесенными, встречались. По дереву, по красочному, в обильных паутинках трещин, слою видно: вновь предлагаемые — старые. Другого Шатохину не

нужно было знать. Он не собирался торговаться. Недолго подержал одну, другую, сказал:

— Меня лично не интересуют.

— Не берете? — спросил переминавшийся с ноги на ногу в ожидании Кортунов. Прозвучало так, что нетрудно понять: по ценности каждая из новых двух уступает «Софии...» с отметиной.

— Оставь, — Шатохин поглядел на гостя, на иконы. — Есть интересующиеся люди, покажу.

Кортунов заметен заколебался. Все-таки две иконы стояли недешево, вместе, пожалуй, подороже Софии-Премудрости, чтобы вот так запросто оставить их по существу незнакомому человеку.

— Оставь, — повторил Шатохин, — не пропадут.

Заранее у него было приготовлено несколько сертификатов разного достоинства. Вынул и протянул Кортунову два пятисотрублевых:

— Вот. В залог.

С видимой неохотой Кортунов взял.

— Во вторник приходи в... — Шатохин чуть было не сказал: «В девятнадцать». Вовремя остановился. Почти наверняка был бы прокол: штатские так говорят в очень редких случаях, внимание это задерживает.

— Приходи в семь вечера, — продолжал Шатохин. — Там решим окончательно с твоими досками.

— Буду.

— Буду, — передразнил Шатохин. — Носишь по чайной ложке. Чувствую же, есть еще.

— Ну, может, и есть, — после продолжительного молчания сказал Кортунов.

— Дело хозяйское, распорядись, как хочешь. Но если есть желание в люди выбиться...

— Сколько бы вы могли купить?

— Это не разговор. Подумай сам, что имеешь, что предложишь. До вторника есть время.

В предыдущую встречу Шатохин быстро свернул разговор, и сейчас решил не затягивать.

— Обо всем переговорим во вторник.

6.

Владельцем телефона 7-93-63 в Коломне оказался старик в возрасте под восемьдесят. Кроме врачей, которым он сам о себе напоминал, давно все про него совершенно забыли. Аппарат с номером, отличающимся от номера пенсионера предпоследней цифрой, установлен в соседнем подъезде в квартире портнихи швейного ателье Творожниковой. Женщина одна воспитывает малолетних сына и дочку, муж на принудительном лечении от алкоголизма...

Никаких деловых отношений с этими людьми у калининского фотоиндивидуала, конечно, существовать не могло. Оперативники и не заблуждались. Кортунов, когда связывался с Коломной, первый раз поговорил очень коротко, скорее всего, просил позвать нужного ему человека.

— Соседей Творожниковой знаете? — спросил Шатохин у участкового инспектора после того, как тот закончил свой рассказ о престарелом пенсионере и портнихе.

— Всех, — уверенно ответил участковый. — Двадцать первый год на одном участке.

— Всех не нужно...

Шатохин подробно описал приметы Романа и Клима. — Зимаев, — назвал фамилию участковый. — У него глаз косит.

— В одном подъезде с портнихой живет?

— Дверь в дверь.

— Чем занимается Зимаев?

— Гравером работает. В мастерской около площади Двух революций.

— Не видели случайно Зимаева в компании с этим парнем? — Валиулин показал снимок Игоря Кортунова.

— Нет. Не приходилось...

— Есть у нас один знаменитый Ефим, — вмешался в

разговор заместитель начальника горотдела, в кабинете которого находились. — Домовладелец. Похож на второго разыскиваемого. За тридцать ему, высокий...

Увидев, что Валиулин записал в блокноте «Ефим Домовладелец», поспешил пояснить:

— Лоскутов фамилия. Ефим Леонидович Лоскутов. Домовладелец — это между собой прозвали. Дома купил. Под Рязанью, под Липецком. Присматривал, в которых иконы. Подыщет, что требуется, обязательное условие ставит: он, дескать, человек суеверный, вывозить из избы можно что угодно, а только домовые иконы не трогать, иначе счастья в таком жилье не будет. Для вящей убедительности осенит себя крестом, так старухи к нему со всем почтением. Оставляли, естественно. А через месяц-другой Лоскутов дом продавал. Без икон, разумеется.

— Знаток?

— Да уж наверно, если статьи о древнерусской живописи печатает.

— Так даже? — Шатохин обменялся взглядом с Валиулиным.

— Не в нашей газете. В более солидных изданиях.

— И чем кончилось?

— Ничем. Как говорится, что не запрещено — разрешено. Во-вторых, на тетушек оформлял свои домовладения. Предупредили, что в случае повторения возбудим дело.

— Лоскутов в Коломне живет?

— В Голутвино. В Коломне работает. Рисование и черчение в школе преподает.

— Давно его домовладельческую деятельность прикрыли?

— В прошлом году. В октябре.

— А что с иконами?

— Продал.

— Не выясняли — кому?

— Зачем? Не все же иконы — сверхценность. Просто предупредили.

— Больше не встречались?

— Нет.

— Важно все-таки выяснить, кому Лоскутов продал иконы. Вообще, основное внимание сосредоточить на нем. Где был, с кем, какие отношения с гравером...

Шатохин хотел перечислить все, что требуется проделать, но при участковом не стал.

Легко было сказать: основное внимание сосредоточить на Лоскутове. В городе его нет. Уехал еще в начале июня, на другой день после прощального школьного звонка. Так и не появляется? Где? Ни на работе, ни с соседями планами не делился. С женой в полуразводе: несколько месяцев назад жена, забрав сына, уехала в Брянскую область к родителям. Может, и Лоскутов там сейчас, а может... Куда только не может отправиться тридцатилетний, не обремененный заботами отпускник.

Интерес к учителю рисования у Шатохина увеличился, когда полюбпытствовал, о чем конкретно пишет Лоскутов в своих статьях по искусству. Одни названия говорили за себя: «Некоторые черты стиля старообрядческих икон», «Сокровища таежных скитов». Вчитываясь особенно недосуг, но и по беглому просмотру нетрудно понять: о скитах Лоскутов знает не понаслышке.

Хотелось успеть сделать как можно больше, завтра обязан возвратиться в древнюю Тверь, выезжать утром. Но в работах день сгорал с быстротой, как тоненькая свечка на шандале.

Успели еще установить, что с гравером Лоскутов знаком (насколько близко, пока осталось под вопросом), что гравера точно не было в Коломне в дни ограбления скитов в Нетесовском районе. Накануне событий на болах был свободен: в мастерской три человека, и, смеяная друг друга, работают в месяц по десятидневке. Сейчас Зимаев заступил на свою очередную вахту, по полсуток не выходит из мастерской.

— Сходи к нему. Пусть какую-нибудь надпись черкнет на этой штуковине. Придумаешь по пути текст.— Шатохин протянул Валиулину купленный в сувенирном гостиничном киоске портсигар.

Старший лейтенант понял, что к чему. Ушел и вернулся через час.

— На добрую память Алексею Михайловичу в день рождения,— сказал, возвращая завернутый в газету портсигар.

— Спасибо,— буркнул Шатохин,— у меня в октябре этот день...

7.

— С тебя причитается. Как будешь расплачиваться?— Такими словами встретил фотоиндивидуала Шатохин.

Недоуменное выражение возникло на смуглом лице Кортунова.

— Проданы твои доски. Хорошо проданы.— Шатохин сделал шаг к гостю, вложил в руку незапечатанный конверт.— Половину получил, теперь вторая половина. Доволен?

Шатохин знал, что делает. По заключению специалистов обе взятые под залог иконы принадлежат к псковской школе, написаны во второй половине восемнадцатого века. Музейная закупочная комиссия определила бы цену каждой пятьсот—семьсот рублей. А уж на черном рынке могут дать и два, и в три, и в пять раз больше. В зависимости от того, кто и кому продает. Хочешь не хочешь, нужно со всем этим считаться. Пока у Кортунова не притупилось желание побыстрее перевести иконы в деньги.

Лишним был вопрос, доволен ли Кортунов. И без слов видно, понятно: да, и еще как.

— Так что, Игорь, шампанским угощаешь?— подсказал Шатохин, какого именно расчета ждет.

— Да, да, конечно.— Кортунов вдруг засуетился, сунул конверт в один карман, вынул, переложил в другой.

...В ресторане заняли тот самый столик, за которым четыре дня назад фотограф застал Шатохина.

Кортунов не скупился, к закуским заказал целых три бутылки. Шатохин не удерживал: пусть. Затеять деловой разговор не торопился.

— Как у тебя с фотографированием?— спросил, лишь бы не молчать, пока откупоривал бутылку и разливал по бокалам вино Кортунов.

— Нормально...

Ни в воскресенье, ни в понедельник, ни нынче, несмотря на погожие дни, Шатохин знал, в Березовой роще фотоиндивидуал не появлялся. Провел вчера полдня на фабрике, потом в обществе двух девиц был на пляже.

— Надпись на снимках— это ты удачно придумал.

— «Город Тверь»?

— Да.

— Аа-а...— Беспечно, дескать, было бы о чем говорить, отмахнулся Кортунов. Поднял свой бокал, предложил тост:— За вас.

Он был в настроении, все ему нравилось. Чем дольше сидели, тем уютнее чувствовал себя в ресторанной обстановке Кортунов. Единственное неудобство, с которым приходилось мириться,— нельзя курить.

Шатохин решил, что самое время возобновить прерванный им самим в воскресенье разговор.

— Так, Игорь,— начал он,— в прошлый раз не договорили. Не забыл, надеюсь, о чем?

— Нет, конечно,— быстро отозвался Кортунов.

— И сколько можешь предложить?

На сей раз с ответом фотоиндивидуал помедлил.

— А если я скажу: двадцать?— вопросительно посмотрел на Шатохина.

— Хм. Однако же... Откопал ты где-то золотую жилу.

Шатохин делал вид, будто для него неожиданно ко-

личество предлагаемого, хотя как раз в этом именно меньше всего было внезапного. Грабителями взято семьдесят шесть икон. У Кортунова— треть. Значит, поделили поровну? Четвертого в доле не было?

— Солидно— двадцать,— продолжал Шатохин,— хорошо бы еще не хуже прежних трех.

— За это будьте спокойны,— ответил Кортунов,— лучше есть.

— Лучше?

— Даже намного.

— Тогда, может, смоаемся, посмотрим?

— Далеко ехать.

— Такси возьмем.

— Да не в городе они.

— Хорошо. До завтра, до второй половины дня отложим.

— Не получится. Через две недели, не раньше.

— Шутить? Мне уезжать, а ты— через две недели.

— Все равно раньше не выйдет. Сейчас даже пути туда нет.

— А через две недели дорогу достроят,— съязвил Шатохин.

— Ягода созреет. На вездеходах ездят за ней.

— Слушай, Игорь,— Шатохин подался вперед,— а может, никуда и ехать не надо? Более выгодного покупателя ищешь?

— Нет никого, и не ищу. Был один деятель да сплыл.

— Что, в ценах не сошлись?

— Теперь во всем сошлись.— Глаза Кортунова злорадно вспыхнули.— С любовницей катался под газом, «КамАЗ» его поддел так, что с моста наверху...

Нужно было прекращать «деловую» часть. Чего доброго, выйдет перебор. Фотоиндивидуал может насторожиться.

— Немного подвел ты меня.— Шатохин отодвинулся от края стола.— Досадно, конечно.

— Как подвел?— недоуменно спросил Кортунов.

— Да ты ни при чем,— махнул рукой Шатохин.— Сам поспешил. Рассчитывал, у тебя есть запасец. Договорился уже. На завтра.

— Но можно попозднее?— Кортунов поерзал на стуле.— Сам привезу, куда скажете.

— Можно. Не переживай,— покровительственным тоном сказал Шатохин.— И хватит пока о делах. Давай лучше выпьем.

8.

Кто тот человек, который попал в автокатастрофу, на личной, очевидно, машине столкнулся с «КамАЗом»?

В Калинин и области дорожно-транспортных происшествий, похожих на описанное Кортуновым, ни в прошлом, ни с начала нынешнего года не зарегистрировано.

Где тогда?

С первым автобусом на другой день Шатохин выехал в Москву, а через четыре часа после прибытия в столицу держал в руках нужные, кажется, сведения: 28 июля текущего года в 22 ч. 10 мин. на мосту через р. Оку при въезде в гор. Серпухов управлявший в нетрезвом состоянии автомашиной «Волгой» гр. Тандетников Виталий Васильевич, 1936 г. р., кандидат наук, старший преподаватель Московского инженерно-строительного института, совершил столкновение с грузовым автомобилем «МАЗ», следовавшим в Тулу. В результате удара «Волга», разрушив мостовое ограждение, упала в реку и затонула. Вместе с сидевшим за рулем гражданином Тандетниковым В. В. погибла находившаяся в машине гражданка Гольцова Виктория Степановна, 1967 г. р., студентка третьего курса МИСИ...

Тандетников проживал в центре Москвы, на Кропоткинской улице. Теперь квартиру занимала лишь вдова. Был домашний телефон, и Шатохин позвонил.

— Татьяна Ильинична?

— Слушаю.— Женский голос в трубке был молодой, усталый.

— Это из милиции. Майор Шатохин. Хотел бы встретиться с вами. Речь о вашем муже.

— Разве есть еще о чем говорить? — после продолжительной паузы послышалось в ответ. По интонациям Шатохин уловил: никакого желания встретаться вдова не испытывает, поспешия продолжить:

— Есть о чем. Подъеду сейчас. Очень ненадолго.

— Хорошо, — поколебавшись, согласилась вдова и тотчас положила трубку.

Тандетникова — стройная худощавая женщина с сухими карими глазами, одетая в деловой темно-серый костюм, жестом пригласила Шатохина в гостиную, показала на кресло, сама села в другое — напротив.

Шатохин хотел начать с выражения сочувствия. Тандетникова опередила его.

— Так что вы еще собрались выяснять? — спросила она.

— Погибли два человека...

— Что ж из этого? Вы читали заключение?

— Моя обязанность еще раз проверить.

Хозяйка квартиры недоверчиво посмотрела на Шатохина.

— Неужели матушке даже в этой ситуации понадобится выгораживать сына?

— Ошибаетесь. Никто не пытается.

— Не ошибаюсь. Дело закончено. Винодность одного Виталия Васильевича доказана безусловно, родители этой несчастной Вики смирились. И вот — вы. Слово у милиции нет других забот, как копаться в очевидном.

— Просто еще раз потребовалось перепроверить, — попытался возразить Шатохин.

— По заявлению Елены Викентьевны. — Вдова поглядела мимо Шатохина. — Неужели до нее до сих пор не дошло, что она хоть косвенно, но причастна к гибели сына. Подготовила эту гибель.

— Как?

— Сколько Виталию Васильевичу лет было? — тоном экзаменатора спросила Тандетникова.

— За пятьдесят, — ответил Шатохин.

— А его подружке?

— Девятнадцать.

— У нас дочери двадцать семь... Кроме погибшей Вики, у Виталия Васильевича были и другие. Такие же молоденькие. При его внешности — дорогое для него удовольствие. Мотели; бордели, подарки. Получай он в десять раз больше — все бы не хватило. Матушкины щедрые дары питали «молодую» любовь.

— У него состоятельная мать?

— Наверно, если могла давать сыну. Ничего о ее доходах не знаю. С первых дней знакомства с Виталием сторонилась ее. Ни ее, ни от нее мне ничего не нужно было. Она кичилась своим происхождением.

— То есть?

— Не из простых. Отец с размахом занимался фрахтом судов на Черном море. До революции. Потом все рухнуло. Было, может, припрятано что-то от того времени. Не интересовалась. Это их с сыном тайна.

— Дадите мне адрес Елены Викентьевны, телефон, если есть? — попросил Шатохин.

— Телефон? — раздельно, по слогам проговорила хозяйка. — Вы серьезно?

— Вполне. А что?

— У нее ни адреса, ни тем более телефона.

— Как?

— Вышла на пенсию и удалилась от мира, поселилась в немислимой глуши. Вместо Елены Викентьевны появилась Великониды.

— Великониды? — Шатохин кашлянул в кулак, чтобы не выдать волнения.

— Да. Старуха с причудами. Все у нее не просто. Из Москвы — на самый край света, в тасжный тупик...

Тандетникова о свекрови говорила едко, зло и охотно. Можно было расспрашивать еще и еще. Но довольно. Пришел получить дополнительные сведения, касающиеся автомобильной катастрофы. Шатохин перевел разговор на это.

9.

Две новости ждали Шатохина в Твери. На лице Софии-Премудрости криминалисты обнаружили отпечатки пальцев. Они совпадали с теми, что оставлены на пустой консервной банке и на расколотой пополам деревянной чашке. Один и тот же человек — не Игорь Кортунов, не Петр Зимаев — прикасался ко всем трем предметам. По-прежнему оставалось загадкой — кто? Ни в коем случае не Лоскутов. Учитель рисования с начала отпуска поселился и безвыездно по сей день живет в двадцати километрах от Коломны, в дачном местечке на речке Северке помогает строить дом приятелю-москвичу. Это абсолютно точно, в перепроверке не нуждается.

Еще недавно такая стройная цепочка выстраивалась! Едва не каждое звено в ней высвечено. Фотоиндивидуал и гравер — друзья; родители Зимаева давным-давно в разводе, и он с детства попеременно жил то у матери в Коломне, то у отца в Вышнем Волочке. Зимаев в свою очередь связан с учителем рисования, а тот — судить по публикациям — тонкий знаток старообрядчества, иконописи, пути в глухие тасжные скиты для него не заповедны, бывал не однажды.

Совсем недавно Шатохин был убежден, что дело продвигается к концу, остается лишь найти Лоскутова, теперь недоумевал, как ему могло прийти в голову посчитать учителя рисования главарем разбойной группы. Изобретательный мошенник — да, ни в коем случае не вооруженный налетчик.

То, что получилась ошибка, сейчас, после встречи с Тандетниковой, однако, не многим, по мнению Шатохина, усложнит дело. Безусловно, связь Кортунова с погибшим сыном Елены Викентьевны Тандетниковой — Великониды — не случайна. Но фотоиндивидуал, скорее, лично даже не был знаком с погибшим, а вот третий, Роман, чьи отпечатки так щедро представлены, — этот третий не мог не быть в кругу тех, с кем более или менее регулярно общался владелец «Волги». Роман — фигура колоритная, наверное, замечен в кругу знакомых погибшего преподавателя института.

...Полковник Пушных выслушал короткий доклад о разговоре с Тандетниковой.

Имя Великониды он услышал сегодня второй раз. Лейтенанту Хромову удалось-таки отыскать свидетеля, который накануне ограбления скитов видел, как по охотничьей тропке, пересекающей район с востока на запад, шли четверо. Откуда и куда — неизвестно. Свидетель узнал в рассветных сумерках одну лишь старицу Флору. При чем Флора? А при том, что делит кров с Великонидой. Другого пока Хромову выведать не удалось, но шатохинский расказ о Елене Викентьевне Тандетниковой, о ее сыне, о какой-никакой, но его связи с Кортуновым, вносит существенное дополнение. Есть о чем подумать.

— Считаю, товарищ полковник, выбрались они из наших краев налегке. Основную часть добычи спрятали до лучших дней. Решили вернуться, когда многолюднее на пристанях, станциях будет. Ягодники, грибки наедут.

В подкрепление своих слов Шатохин передал разговор с фотоиндивидуалом в ресторане.

— Резонно. Что про автомат думаешь?

— Не знаю. Тоже, считаю, не рисковали брать с собой.

— Какие у тебя еще дела с Кортуновым?

— Пока все. Распрощались вчера. На восемнадцать дней. Завтра могу приступить к поискам Романа.

— Нет. Другие этим займутся. Возвращайся.

— Вас понял, — ответил Шатохин. — Выезжаю.

Часть третья

1.

Поездка в Коломну, как оказалось, была хоть и необходимой, но совершенно напрасной. Вслед за Лоскутовым отпал, как участник ограбления, гравер. У Зимаева, как и у учителя рисования, твердое алиби.

А подлинные имена тех, кого во время налета на старореческие домики называли Романом и Климом, установили пока предположительно. Роман — это Игольников Ефим Александрович. Тридцать два года, архитектор Союзкурорт-проекта, выпускник института, в котором работал погибший Тандетников. Мастер спорта по самбо и кандидат в мастера по легкой атлетике. Клим — двадцатипятилетний без определенного рода занятий Могнолин Сергей Юрьевич.

К снимкам Могнолина и Игольникова был приложен цветной фотобуклет под названием «Знаменитости на Ваганьковском».

— Обратите внимание на авторов, — сказал Шатохину и Хромову начальник уголовного розыска. — Похоже, и десантники за иконами — они же. В полном составе.

На обороте буклета внизу мелкими буквами было написано: «Текст и худ. оформление Е. Игольникова. Фото И. Кортупова, С. Могнолина».

— Неудачная попытка заработать, так сказать, травоядным способом, — добавил Пушных. — Могнолин продает буклеты.

— А отпечатки? На миске, банке, «Софии...»? — спросил Шатохин.

— Не кладбищенского продавца. А архитектор в недельной командировке, — ответил полковник.

Шатохин взял снимки предполагаемых налетчиков.

— С Агафьи запреты не сняты? Не согласится говорить? — спросил у Хромова.

— Бесполезно. Не подступиться к ней, — ответил лейтенант.

— Красников?

— Не помощник.

— Жаль. Может, Иона Парамонович возьмется быть посредником?

— Ну, это реальнее, — Хромов кивнул.

— Мы слетаем завтра в Уртамовку? — спросил Шатохин разрешения у полковника.

— Не возражаю, — сказал Пушных. — И не лишне побывать в обители Елены Викентьевны Тандетниковой, — Великонида.

— Повод?

— Профилактика. Предупредить: соседей ограбили, и вы начеку будьте. Культовые свои предметы не раскладывайте особенно. Снимки заберите, отдайте размножить.

Уртамовский фельдшер Корзилов помочь милиции согласился охотно; безотлагательно отправиться в скиты он, однако, не мог, его ждали больные.

Шатохин решил перед поездкой в скит Великонида и Флоры предъявить для опознания фотографии Захару Магочину, подвизывшему Агафью на мотоцикле до поселка, и сотрудникам Нетесовского и Назарьевского райотделов.

Магочин не узнал никого: не до разглядывая лиц было. А вот дежуривший на причале Ореховый Мыс сержант Шкаликос уверенно выбрал из многих снимков фото архитектора:

— Он сажился на «Ракету».

— Когда?

Сержант назвал дату. Если ничего не путал, Игольников уплыл на другой день после того, как прозвучали выстрелы из автомата. Появился Игольников на пристани примерно за полчаса до прибытия «Ракеты», медленно вспоминал сержант, купил билет и в ожидании сидел на берегу на бревнышке около дебаркадера. Курил, читал газету. Во что одет? Прилично, в костюме темный. Портфель кожаный был...

Пристанская кассирша тоже запомнила высокого, одетого в темно-серый костюм мужчину с портфелем.

От одного из милиционеров, находившихся на соседней от Орехового Мыса пристани — Куролино, — услышал о парне в вельветовых джинсах и свитере. Появился он за считанные минуты до того, как пришвартоваться «Ракете». Парень тоже был с легкой поклажей, и на пристань пришел в сопровождении местного пасечника Борило. Оживленно разговаривали, и пасечник нес в сетке две банки меда, ко-

торые передал парню, когда тот уже стоял на борту «Ракеты». Подумали: родственник Борило.

Шатохин допросил пасечника. «Зашел в избу, попросил продать меду с диких неотравленных трав. Потом до пристани попросил поднести: ключицу он недавно ломал, тяжести таскать нельзя пока...»

От слов «уголовный розыск», «опознание», от предложения взглянуть на снимки пасечник робел. Ткнул пальцем в фотографию, на которой Кортупов...

Можно было пока не доискиваться, в каком месте ускользнул третий. Скорее всего, тем же способом, из Куролино или Орехового Мыса.

Невероятно! Но сам виноват. Сам отдал приказ: искать, задерживать троих в брезентовых куртках, с рюкзаками. Ни на секунду тогда в голову не пришло, что могут разделиться, оставить поклажу, передеться. И скомандовать проверять документы у всех без исключения отъезжающих молодых мужчин не додумался.

2.

Тандетникова явно пристрастна была к свекрови, одними причудами объясняя отъезд Елены Викентьевны из Москвы в таежную глухомань. На самом деле все было иначе. В возрасте под шестьдесят Елена Викентьевна вдруг заболела миллиарным туберкулезом, более известным как скоротечная чахотка. Врачи отмеряли ей недели, в лучшем случае месяцы. Тогда она приняла решение покинуть столицу.

Нетесовский район выбрала не случайно. После гражданской войны вся семья Тандетниковых, как контрреволюционная, буржуйская, выслана была в эти места на поселение. Елена Викентьевна прожила с родителями в забытом богом селении с шести лет почти до совершеннолетия. Умирать ли, в поисках ли исцеляющих средств вернулась в края детства и юности — неизвестно, только через полтора года от болезни не осталось следа, а еще через два произошло превращение Елены Викентьевны в Великонида...

Обо всем этом рассказывал оперативникам уртамовский фельдшер. О том, что у Великонида есть сын и бывал у нее в гостях не однажды, Иона Парамонович слышал, но встречаться не приходилось.

...«Амфибия» катила к обители Великонида по пологому склону гряды между соснами, подмятая беломошник и густо-густо разросшийся брусничник, обсыпанный уродившейся зрелой ягодой. Наконец показалась впереди опушка. За ней виднелся неширокий разнотравный луг, а дальше — кедры, кедры. Между ними мелькнул домик с тесовой крышей в четыре окна.

— Великонида, — указал на домик начальника Нетесовского ОУРа лейтенант Поплавский.

— Останови, пешком пройдем, — велел Шатохин водителю, и машина встала, мотор заглох.

— Евгений, — Шатохин позвал с собой Поплавского и, раздвигая высокую траву, засагал к приютившемуся возле кедров отшельническому пятистенку.

Трава вокруг жилища тщательно, под самый корень, была срезана. По всей стене снизу доверху тянулись связки сушившихся грибов. Шатохин постучал. Ответа не дождался, отворил дверь, переступил порожек.

Высокая старуха, с ног до головы одетая в черное, осанистая, стояла посреди комнаты. В левой руке у нее была трость, на которую она чуть опиралась. Голубые глаза на светлом, сравнительно не дряблом для возраста лице обращены к вошедшим, взгляд вопрошающе строгий.

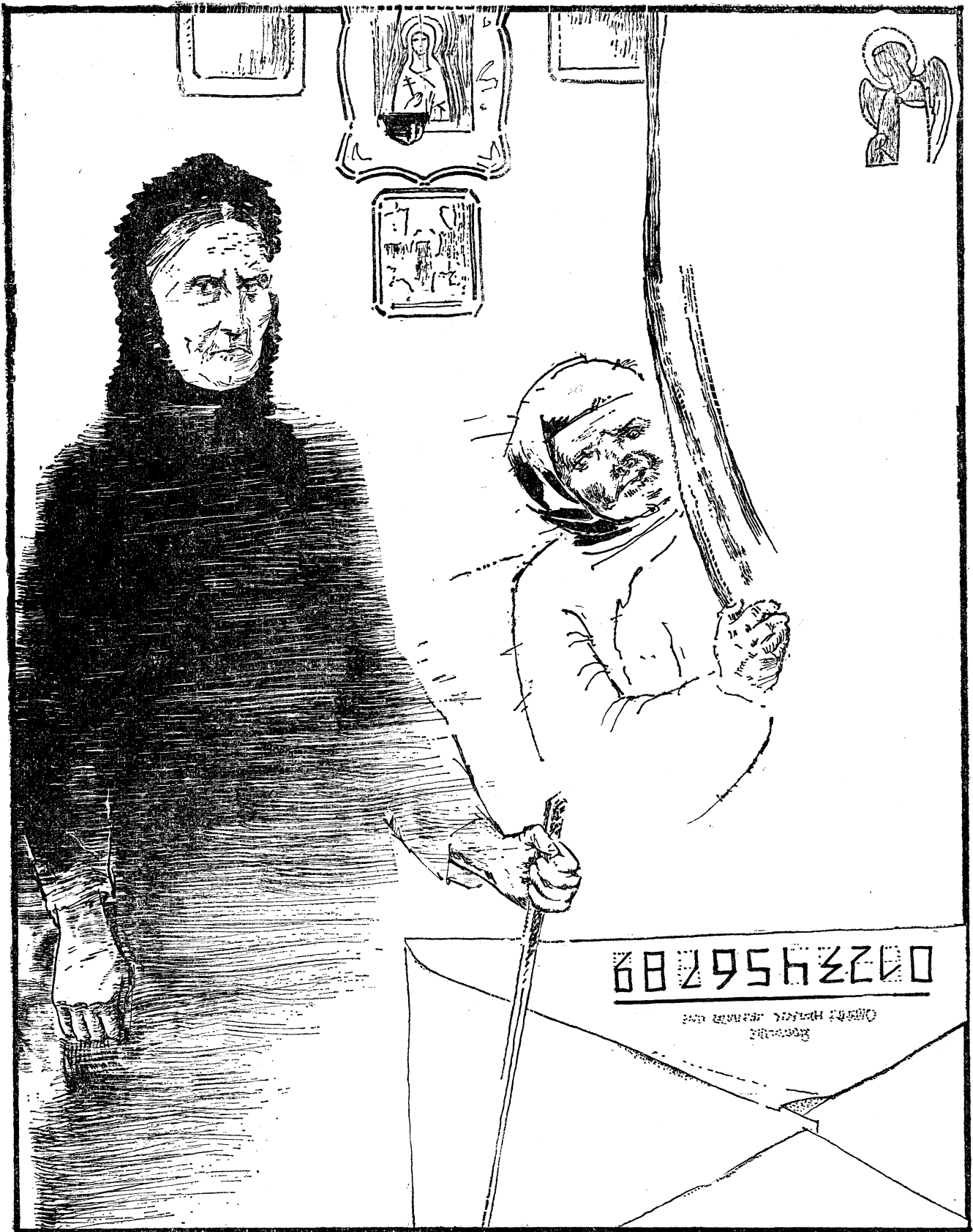
Шатохин поздоровался.

В ответ прозвучало сдержанное и негромкое:

— Здравствуйте.

— Здесь живут Елена Викентьевна Тандетникова и Ольга Ивановна Ожигова?

— Нет. — Старуха еле приметно отрицательно повела головой.

022956320

CHERRY HILL, NEW JERSEY
19000000

— Хорошо. Пусть будет по-другому,— сказал Шатохин.— Здесь живут Великонида и Флорида?

— Здесь.— За словом последовал чуточный наклон головы.— Великонида перед вами.

— Майор милиции Шатохин. Из краевого уголовного розыска.

Взгляд Великонида оставался вопрошающе строгим, выражение лица спокойно-хмурым.

— Разрешите присесть? — спросил Шатохин.

Справа от двери у стены была скамейка, и Великонида указала на нее:

— Прошу.

Сама, опираясь на трость, прошла к окну, тяжело опустилась на стул.

Скит Великонида отличался от всех других, в которых Шатохину довелось побывать по долгу службы. В нем не было убогости. Полы покрашены и убраны самоткаными дорожками. Стол, комод, тумбочка, несчетное количество полочек, на которых помещались образа — все застелено белыми скатертями и скатерочками. Печь и закуток за ней закрыты плотной полотняной занавесью. Было и то, что совсем уж не ожидал встретить в подобном жилище: лимонное или апельсиновое дерево в кадке.

Впрочем, прежде всего его интересовали обитательницы. Всмотриваясь в непроницаемое лицо Елены Викентьевны, Великонида, и пытался понять: известно, нет ли ей о том, что стряслось с сыном? На похоронах, по крайней мере, не была... Сын в последний раз навещал мать позапрошлым летом. Прожил меньше недели.

— А где Флорида? — спросил Шатохин.

— Занемогла, лежит.

— Встать не может?

— Сестра Флорида, — кликнула Тандетникова.

— Я-аа, — отозвался слабый голос из-за полотняной занавески.

— Покажись.

— Зачем это еще. Нездоровится мне, — голос звучал жалобно, с легким подвывом.

— Покажись, покажись, — добродушно, однако не без повелевающих ноток сказала Великонида.

За полотном раздалось шевеление, ткань отодвинулась, и из-за нее выглянула низкорослая сухая старуха, курносая, с глубоко посаженными мелкими глазками.

— Ну вот она я. Хворая я... — запричитала Флорида.

— Ложись, коли болешь. — Тандетникова одной лишь кистью руки коротко взмахнула, и Флорида моментально исчезла из виду.

— По делу к вам, — Шатохин устремил взгляд на Великонида. — Известно, наверное, об ограблении домиков на Тангауровских болотах?

Тандетникова на вопрос не ответила. Поднялась, опираясь на трость, прошествовала в дальний от двери красный угол, где почетное место занимали внушительных размеров икона и складень. Слова молитвы ли, еще что-то она произнесла — шепот ее звучал неразборчиво.

— Обязательно найдем преступников. Иконы будут возвращены, — сказал Шатохин, когда наконец старуха отошла от образов.

— Дай бог...

— Ищем и найдем. Но заехали не за тем, чтобы это сказать, — продолжил Шатохин. — У вас много икон. Налеты могут повториться. Так что просил бы быть предусмотрительнее. Обязательно все постоянно держать в избе?

— Спасибо. Я поняла, — промолвила Великонида.

Шатохин, а вслед и лейтенант Поплавский поднялись.

— Болеет бабка Флора, как же, — первым заговорил Поплавский, когда отделились от дома. — Просто струхнула, спряталась. Свежие низки грибов заметили?

— Заметил.

— За час, может, до нашего приезда собраны, подвешены. Бабкой Флорой. Она у Великонида как служанка у госпожи. И обстирывает, и варит, и все-все. От зари до зари вертится. Великонида ею же и помыкает.

Шатохин и без Поплавского был хорошо информирован о Флориде. Смалу глубоко набожная, она подолгу на государственных предприятиях не могла удержаться, потому что по религиозным праздникам не выходила на работу. Мыкалась с места на место, изгоняемая за прогулы; Тандетникова, едва не сорок лет назад было, подобрала, взяла ее к себе в домработницы. За право молиться и иметь личную отдельную немногие дни Флорида считала хозяйку благодетельницей и угождала как могла. А уже после того, как Елена Викентьевна решила удалиться от суетного мира, посвятить остаток жизни богу и позволила Флориде быть рядом с собой, почитание переросло в безудержное преклонение...

Вопрос о том, осведомлена или нет о сыне Великонида-Тандетникова, не переставал занимать Шатохина.

— Великонида всегда такая? — спросил он у лейтенанта.

— Какая?

— Угрюмая. В черном.

— Зимой заезжал. Тоже в черном была. И встретила так же. Все они тут «весельчаки».

— Понятно, — сказал Шатохин, хотя ясности слова лейтенанта не прибавили ни на йоту.

— Вы серьезно говорили о возврате икон? — спросил Поплавский.

— Почему бы нет?

— Не возьмут они. В чужих руках побывали если, у них, считается, осквернены, опоганены.

— Их личное дело. Кроме есть заботы.

— Автомат?

— Именно. И автоматчики. Сколько здесь домиков, Женья?

— Еще семь.

— Придется объехать все, предупредить об иконах.

3.

Свидетелем того, как бабка Флора на рассвете шла по охотничьей тропке в обществе троих людей, был лесничий Мохов. Он же в этот день у Метляева озера, несколько часов спустя, видел Флориду уже одну. От начала, от села Пышкино-Троицкого до Тангауровских болот, протяженность тропки около ста двадцати километров. Лесничий видел старуху-отшельницу в пятидесяти двух километрах от Пышкино-Троицкого. Значит, Флорида была провожатой лишь половину пути. Кто вел дальше? Хромов и Поплавский считали, что вахтовик-железнодорожник из Наровки Анатолий Бороносин. Однако веских улик, указывающих на причастность к ограблению, не было. Он улетел в край-центр, заступил на очередную вахту.

Нужно заняться вплотную Бороносиним, установить, виновен или нет, но пока на очереди два срочных дела. Во-первых, попасть в Уртамовку. Иона Парамонович Корзилов, наверно, уже повстречался с пострадавшими староверами, о чем просил его Шатохин. Потом, обязательно побывать в селах Отяево и Боровки. Они ближе других находятся от Великонидино дома, там почтовые отделения, и Великонида, если вела переписку с сыном, получала и отправляла письма в тамошних узлах связи. Кто знает: вдруг да перед внезапной смертью Виталий Васильевич Тандетников отправил письмо матушке. Учитывая, что письма в отдаленные села плетутся по полмесяца, а востребуют их обитатели скитов не каждый день, может что-то и лежать на почте для Елены Викентьевны, интересное и оперативникам.

Фельдшера, когда приехали в Уртамовку, дома не застали; как отправился на болота к старообрядцам-потерпевшим, так не возвращался. Шатохин распорядился, чтобы Поплавский и Хромов ехали в деревни за почтой для Великонида.

Иона Парамонович объявился лишь к полуночи. Просьбу Шатохина он выполнил.

Долго не укладывались спать. За самоваром говорили о раскольниках, иконах, листали «Старую Русь», «Щит веры», «Старые годы»...

А около восьми хозяева позвали к телефону. Звонил Хромов и просил ни в коем случае не отлучаться. Они уже на поддороге к Уртамовке, горячее на исходе, сейчас дозавтрапятая и поедут дальше. Новость есть, но разговор совершенно не телефонный.

— Жду в кабинете участкового, — сказал Шатохин.

Под новостями подразумевалось письмо. Только не для Великониды, а адресованное в Москву.

Сбросили его либо вчера поздним вечером, либо ночью-рано утром. Заведующая Отяевским пунктом связи всегда перед закрытием заглядывает в почтовый ящик. Вчера в двадцать часов не было, а нынче в полседьмого лежало.

Не требовалось даже вынимать письмо из конверта, чтобы сразу ответить на вчерашний вопрос: ясно, что о трагедии на мосту через Оку Великониды не оповещена. Адресовано Тандетникову В. В., указано почтовое отделение и абонентский ящик — № 1742. На месте координатов отправителя только кривоватая неразборчивая подпись.

На тетрадном в клеточку листке довольно твердой рукой, с первого взгляда не подумаешь, что старческой, было написано:

«Мальчик мой дорогой!

Пишу, а на душе смута. Нынче поутру приезжали двое офицеров из органов. В два часа пополудни пишу, а все не могу сердце унять. Приезжали якобы лишь предупредить, чтобы опасались воров, прятали ценности. Но офицер, который давал такой совет, двоекратно сказал, что ищут и найдут (ты знаешь, о чем это). Спроста ли сказал? И нужно слышать, с какой твердостью. Дай бог, чтобы слова остались словами. Не ведаю, что им известно.

Будь здоров, мой голубчик.
Молюсь за тебя».

Все. Ни подписи, ни даты.

Заверяя Великониду в том, что налетчиков ищут и найдут непременно, Шатохин не преследовал никакой цели. Он даже не помнил, что произнес обещание дважды. Что ж, тем лучше. Как знать, возможно, не будь сказано этих слов, не было бы и письма.

— Взяли с почтарей подписку об ответственности за разглашение? — Шатохин строго поглядев на лейтенантов.

— Там одна заведующая.

— Взяли подписку у заведующей?

— Так точно, товарищ майор, — отчеканил Хромов.

— Часто посылают по этому адресу письма?

— В прошлом году одно. Так же в ящик было опущено. Больше не помнит заведующая.

— А получают?

— Ни разу... Мы же только в Отяево были. Может, в основном через Боровки идет переписка.

— Да, в Лиственничное нужно съездить. Тоже...

— Не нужно, — прервал Шатохин. — Ни в Лиственничное, ни в Боровки. Почта оттуда все равно мимо районного не идет.

— Письма для Великониды могут быть адресованы кому-то из местных жителей, — сказал Поплавский.

— Могут, — согласился Шатохин. — И все равно мелькать по району больше не следует. Сейчас же выезжаем в Нетесово. Всякую работу по этому делу прекращаем.

4.

— Я Тимоненко Алла. Работаю проводницей. — Женщина лет тридцати вошла в кабинет Шатохина буквально следом за ним. — За что вы хотите посадить Анатолия?

Женщина была настроена решительно. Голос ее звенел от волнения и раздражения. Не назови она своей профессией, Шатохин едва бы понял, что речь о Бороносине.

— Посадить я вообще никого не могу. Не в моей власти.

Можно было одернуть проводницу, прекратить разговор в таком тоне. Легче всего. Но что-то ведь ее привело. Просто выплеснуть раздражение в уголовный розыск не ходят.

— Сядем, поговорим спокойно, — предложил Шатохин, указывая женщине на стул. — Вы Бороносину кем приходите?

— Любовницей, — ответила проводница.

— Мг... Ваш друг не подозреваемый и не обвиняемый. Свидетель.

— Не надо... Сама была свидетельницей. И никто в меня, как в Толю, мертвой хваткой не вцеплялся.

— А в него кто вцепился?

— Вы! Поезд наш вчера вечером ушел в Кисловодск. Толе за три часа до отправления велели оставаться в ремонтной бригаде. Я из Померанцева вытряхнула, что из милиции звонили, рекомендовали его пока в рейсы не посылать. А сегодня Толя мне признался, что его из Нетесово из аэропорта выпускать не хотели.

— Кто конкретно не выпускал?

— Поплавский.

— А звонил по месту работы?

— Он же.

— А говорите — я.

— Вы — это милиция, — проводница с досадой махнула рукой. — Толя рассказывал, из-за чего все это. Как вы допрашивали его, тоже рассказывал. Только что называли свидетелем, а подразумевали-то: он тоже... Толя говорит: если настоящих преступников не найдете, на нем отыграетесь.

— Это зря.

— Не зря, — возразила проводница. — Теперь и говорят, и ищут в таких случаях. Ну, он сидел, ну, не для всех он хороший... Понимаете, все эти староверы, иконы — он о них говорит много. Но это для него безразлично.

— Безразлично, а говорит много, — заметил Шатохин.

— Ну и что, так разве не бывает? Считал бы иконы ценностями, с бабкиными бы так не поступал.

— Как?

— Прошлой зимой в сенях стекло разбилось, он дыру иконой прикрыл, чтобы снег не летел. Приколотил гвоздями. Другую раньше за так Померанцеву отдал. Еще одна была, я забрала. Жалко ведь... Люди на нее молились.

— В сенях приколотил, это в Нарговке? — спросил Шатохин, про себя отмечая, что при встрече начальник поезда о подарке Бороносина не упоминал.

— Где ж еще, у меня сенцев нет.

— Так там до сих пор?

— Ну да.

— А Померанцеву дарил при вас?

— Какая разница... Вы лучше скажите, почему Толю не пустили в Кисловодск?

— Посидите, пожалуйста, в коридоре. Я позову. — Шатохин взялся за телефонную трубку.

Через минуту в кабинете был Хромов.

— Известно, что Поплавский позвонил руководству Бороносина и рекомендовал до поры не выпускать его в поездку? — спросил Шатохин.

Лейтенант знал: начальник Нетесовского районного ОУРА звонил в его присутствии.

— Наделялись, что вахтовик быстро из свидетелей передвинется в обвиняемые? Дальше бы все шло законным путем, — так? — Шатохин говорил тихо и зло.

Хромов отмалчивался.

— Потом напишешь рапорт, а сейчас... — Шатохин открыл дверь, пригласил проводницу, спросил у нее: — С другой бригадой можете в рейс выехать?

— Хоть сегодня. Людей не хватает.

— Вот и поезжайте. С Бороносиним вместе. Если он, конечно, нужен будет, как работник, в другом поезде.

— Нужен. — Живые огоньки вспыхнули в глазах проводницы. — А вы справку дадите, что Анатолий не виноват?

— Не нужно никаких справок. И спасибо, что зашли.

Оставшись один, Шатохин раскрыл деловой ежедневник, которым почти не пользовался, начертил прямую линию, поставил на ней три жирные точки. Под каждой написал название: Пышкино-Троицкое, Метляево озеро, Гангауровские болота. В сторонке, выше линии, крестиком обозначил скит Тандетниковой.

Налетчики добрались рейсовым пассажирским авто-

бусом до села Пышкино-Троицкого. Дальше дорог нет, шли пешком. В Пышкино-Троицком или где-то поблизости их поджидала бабка Флора. Встретились, и вчетвером проделали путь чуть дальше Метляева озера. Прямоком. С Великонидой не встречались: незачем попадаться на глаза староверам-соседям Елены Викентьевны, да и пришлось бы делать крюк с лишнюю сотню километров.

Итак, грабители расстались с бабкой Флорой за Метляевым озером. Кто же дальше взял на себя роль провожатого?

Написал: «Бороносин». Тут же зачеркнул фамилию вахтовика-железнодорожника, поставил вопросительный знак. Подумав, зачеркнул и его. Поднялся из-за стола и пошел к Пушным.

— Давайте предположим, товарищ полковник, что после расставания с Ожиговой, с Флорой то есть, у налетчиков не было больше провожатых. Самостоятельно шли.

— Трудно поверить.

— И все же.

— Хорошо. Что это меняет?

— Дополняет. По сведениям, ни один из преступной группы от роду не бывал в тайге. Допустим, Тандетников снабдил их всеми маршрутными картами, старуха назвала тайные ходы в болотах между островами, ориентиры, и им этого оказалось достаточно. Не хватает одной мелочи: совершенно нет страха перед тайгой. А отрезок, на котором шли без Флоры, — самый опасный. Урман, хищного зверя много. Местные охотники туда стараются не ходить. А этой компании хоть бы что. Почему? — Шатохин сделал паузу.

— Слушаю внимательно, Алексей Михайлович, — велел продолжать Пушным.

— Помните, вчера докладывал: Иона Парамонович показывал потерпевшим снимки трех купленных у Кортунова икон? Своей признали только «Софию-Премудрость», две другие — чужие. Но тоже, по мнению специалистов, старообрядческие. Не в другом ли раскольничьем поселении взяты?

— То есть грабили и раньше?

— Именно! И не раз, не два. Профессионалы. Специализируются на ограблениях скитов.

— Но ни одного подобного преступления не зафиксировано.

— Чему удивляться. Тандетников перво-наперво усвоил, что к властям староверы не обращаются ни при каких обстоятельствах. Детально знал жизнь раскольников, точные даты их религиозных праздников. И здесь бы все сошло с рук, не взбунтуйся ненадолго Агафья?

— Предложения?

— Нужно проверить, не осталось ли после Тандетникова-сына сбережений. Мне почему-то думается, он не все истратил на девочку.

— Согласен. Заодно нелишне доходами Игольников, Кортунова, Могнолина поинтересоваться. А что у нас с искателем болотных трав?

— Сейчас разговаривал с его подругой. По-моему, Бороносин... Можно чуть позднее о нем?

— Можно.

5.

Поступили, наконец, данные дактилоскопической экспертизы: расколотую миску, икону «София, Премудрость Божия», консервную банку держал в руках Роман — Ефим Александрович Игольников. После проведенного на пристанях Куролино и Ореховый мыс опознания по фотографиям другого результата и не ожидали.

Куда эффективней была новая информация о погибшем сыне Великониды.

На абонентский ящик № 1742 в московском почтовом отделении связи поступала корреспонденция для Виталия Васильевича Тандетникова не от одной матери. В ящике было обнаружено письмо. Без обратного адреса. По штемпелю — из Архангельска. Незвестный из портового города, подписавший скромно буквой «Т», сообщал о затяжных днях и обострении ревматизма из-за скверной погоды, о

том, что нужно поехать основательно полечиться на водах, что обойдется недешево. Несмотря на недомогание и стесненность в средствах, он тем не менее рад будет встретить у себя старого приятеля 14 августа, но заранее предупреждает, что расхотать на покупки более 75 рублей для него слишком большая роскошь. Страдающий ревматизмом адресат выражал уверенность, что Виталий Васильевич не будет ставить его при свидании в неловкое положение, настаивать сделать покупки сверх означенной суммы.

Установили уже накануне изъятия и ознакомления с этим письмом, что Виталий Васильевич Тандетников был классным и заядлым бильярдистом, в ставках не мелочился, 29 июня, ровно за месяц до трагического для него исхода, проиграл пятьдесят тысяч.

В сбербанке, расположенном неподалеку от его квартиры на Кропоткинской, обнаружили всего один вклад на его имя на двенадцать тысяч рублей. Но должны быть еще, и не мало, просто хорошо спрятаны. Судить можно хотя бы по тому, что даже у несостоявшегося кладбищенского продавца буклетов Могнолина, недавно купившего «Жигули», в четырех сберкассах хранилось на сохранных свидетельствах облигаций еще не на одну такую машину. А Сергей Могнолин пешка по сравнению с сыном Великониды.

Сотрудники столичной милиции истолковали письмо из Архангельска так: написано постоянным партнером Тандетникова. Упоминаемые семьдесят пять рублей, это, конечно, — учитывая хотя бы сумму проигрыша на бильярде, — семьдесят пять тысяч. Если отбросить витиеватую преамбулу о погоде, ревматизме, лечении на водах, выйдет: куплю товару на эту сумму, и не требуй, чтоб хоть на копейку больше истратил. Не случайное очерченное ограничение? Тандетников пытался договориться с неведомым пока корреспондентом о более крупной сделке? Других поселений староверов, обладателей древних икон, у Тандетникова не было на примете, и проигрыш подтолкнул на рискованный шаг — отправить группу в Нетесовский район, грабить в непосредственной близости от пристанища матери?

Картина прорисовывалась все четче. Единственное, что оставалось совершенной загадкой: прежние маршруты десантников за старинными образами.

— Виктор Петрович, мне кажется, в Коломну ездили не зря, — сказал Шатохин.

— Вот как? — Пушных посмотрел вопросительно.

— Помните Ефима Лоскутова?

— Который дома покупал, статьи писал?

— Да.

— Заодно с ними?

— Не уверен. Вряд ли. По-моему, когда предупредили, урок впрок пошел. Не о том речь. Я еще, когда первый раз просматривал его статьи, обратил внимание, как он подробно описывает свои путешествия в скиты. Вот. Теперь выписки сделал. — Шатохин положил лист на стол полковнику.

Было пять коротких отрывков.

«В Мадогэ — крайнем населенном пункте района, где всего двенадцать жилых домов и куда хоть с трудом, но можно добраться автотранспортом, — пересаживаемся на коней. Едем верхом до Ергайского ельника, — там спешиваемся. Теперь путь пешком, но уже недолгий, семь километров на северо-запад», — прочитал Пушных первую выписку.

«В Мадогэ», «до Ергайского ельника», «семь километров на северо-запад» — было подчеркнуто. После пробела — новый текст, из другой статьи.

«Трудовая пчелка» — отделение колхоза. Нарекли его так потому, что занимаются здесь исключительно пчеловодством. Сюда уже от центральной усадьбы колхоза нет пешего пути, а нашей этнографической экспедиции и от этого тупикового местечка шагать да шагать прямоком через Весеневское болото до Маяка — фосфоресцирующего в темноте, догнивающего ствола дерева с единственным суком-обрубком...»

И здесь были подчеркивания.

— Прямо-таки путеводитель по скитам, — прочитав вторую выписку, сказал Пушных.

— Да. Будто боялся: заподозрят его, что не был там с экспедицией.

— Наверно, все же другое,— возразил полковник, продолжая читать дальше.— Сильные впечатления и желание поделиться ими.

— Мне потому и кажется: если скиты и там ограблены, он ни при чем. Просто, может, не имел права так конкретизировать.

— Почему, собственно, не имел права? — опять не согласился Пушкин.— Был в экспедиции, на своей земле.

— Вы же сами сказали: путеводитель,— напомнил Шатохин.

— Сказал. Но если он обязан шифровать, то для чего мы? Ладно. По всем этим «лоскутовским» местам сделаем срочные запросы. Пока имеем одни предположения. Возможно, там и ограблений не было.

Ограбления в старообрядческих поселениях, путь к которым с точностью описал учитель рисования Лоскутов, были. В трех из пяти. В Тюменской и Пермской областях. Воссоздать в деталях, как развертывались события, кто налетчики, не удалось: тамошние потерпевшие тоже с милицией разговаривать не пожелали, на снимки Игольников, Кортунова, Могнолина взглянуть отказались. Но в близлежащих от раскольничьих обиталищ деревнях кое-что знали. По рассказам, в предыдущих ограблениях участвовали в двух случаях по три человека, а однажды — это было неподалеку от угодий «Трудовой пчелки», — четвером орудовали.

— Еще и четвертый в честной компании. Сам Тандетников, конечно, не мог быть,— получив эту весть, сказал Пушкин утвердительно.

— Даже при желании,— поддержал Шатохин.— Он больше чем до гаража, полкилометра по асфальту, пешком не ходил.

— Кстати, напомни, Алексей Михайлович, как ты вышел на Лоскутова?

— Фотоиндивидуал позвонил по межгороду Зимаеву, а тот знаком с учителем.

— После твоего предложения еще принести иконы позвонил?

— Да. Сразу.

— Зимаев, Зимаев,— повторил полковник фамилию гравера из Коломны.

— Может, зря с него так быстро сняли подозрения,— сказал Шатохин.

— Может. Не главное. У тебя до встречи в Калинин с фотографом десять дней. Оставим ему дня четыре на обратную дорогу. Буквально через два-три дня должен выехать к нам. Если не передумал иметь дела с тобой.

— Не передумал, но...

— Какие сомнения?

— Вдруг Кортунов в другом месте взять иконы расчитывает?

— Еще один налет?

— Да.

— Нет уж. Не так просто организовать. Тем более теперь, без Тандетникова. Да и дрожат за оставленное. Вдруг пожар в тайге, дожди проливные... А потом, не забывая: все под тщательным наблюдением.

— Известно о дате выезда?

— Сообщат.

6.

Сообщили о том, чтобы готовы были встретить «гостей» спустя два дня после этого разговора.

А в тот же после разговора день произошло событие, заставившее еще раз прибегнуть к помощи фельдшера из Уртамовки.

Участковый Сергей Красников ходил на болота. Без задания. Просто проведать так и не встававшего после кровоизлияния полупарализованного старикашку Афанасия, бывшего кузнеца Василия.

Километрах в двух от Василиевой избы участковый заметил в траве и поднял тонюсенькую, длиной сантиметров тридцать, щепку. Хотел было ее бросить, но на миллиметровом ребрышке приметил краску. Участковый инспектор присмотрелся и сообразил, что в руках у него — отщепленная частичка иконы. На месте, где поднял щепу, обнаружил и мелкие древесные кусочки.

Красникова не посвящали, что грабители ускользнули налегке. Он не знал, что и подумать. А вот для лейтенанта Поплавского и для прилетевшего в Уртамовку Шатохина большой загадки не составило: скорее всего, среди тех немногих икон, которые налетчики унесли-таки с собой, была и крупная по размерам. Появляться с ней, даже с завернутой, на людях означало привлекать к себе внимание. Икону, по всей видимости, раскололи. Если, уходя с трудом от заслонов милиции, предпочли именно ее уносить, значит, стоила того.

Что за икона?

Иона Парамонович Корзилов долго изучал находку. Измерял, через лупу рассматривал красочный слой, пролистывал свою тетрадку с описаниями икон.

— «Богоматерь Умягчение Злых Сердец». От нее осколок,— сказал он.

— Из скита Агафьи, Настасьи? — уточнил Шатохин.

— Да. Точных размеров иконы не знаю. Примерно шестьдесят пять на пятьдесят сантиметров.

— На слайдах в числе четырнадцати ее нет.

— Любимая Агафьиная. Рассматривать разрешала, а прикасаться, фотографировать — ни под каким видом. Я упоминал об этом образе. Забыли?

— Забыл,— признался Шатохин.

— Между Куролино и Ореховым Мысом стоял Иветский острог. Казаками-первопроходцами основан был. Как все официальные остроги Российского государства, имел даже свой герб с изображением россомахи. По преданию, первый воевода получил одну из икон в дар Крестовоздвиженской церкви из рук самого царя Бориса Годунова.

— Икону Богоматери Умягчения? — спросил Шатохин.

— Нет. «Троицу Животворящую». Но Богоматерь принадлежала кому-то из основателей острога, может, воеводе, и она даже древнее «Троицы».

— Острог на реке был?

— Конечно. На яру. И ничего не сохранилось. В километре от берега Тасеевский луг начинается. Вся память об остроге. Луг этот — и не луг вовсе. Кус тайги, первыми служилыми людьми под хлебную пашню взятый.

«Значит, волка убили на территории прежнего острога», — отметил про себя Шатохин.

Решение разрубить на части ценнейшую, но «габаритную» икону налетчики приняли, надо думать, одновременно с решением избавиться до лучших времен от основной поклажи. Значит, награбленное в отшельнических домиках схоронено поблизости от места, где валялся отщепок от иконы? Отрезок, ограниченный домом Василия и остячками, Пыжинскими, юртами. Здесь более или менее сухая площадка, в диаметре всего пять-шесть километров. Но даже и на этой площадке пригодных для тайников точек немного. Так что тщательный поиск, пожалуй, мог бы увенчаться успехом.

Возможно, в первые после совершения налетов дни считалось бы крупной удачей отыскать тайник. Но не сейчас. Разговоры вокруг ограбления староверов поутихли, личности налетчиков известны, и они должны вскоре объявиться за своей добычей.

Находка участкового инспектора теперь, при изменившихся обстоятельствах, была очень своевременной. Оперативникам не было нужды гадать, где в тайге спрятан груз, координаты обозначались довольно точно: неподалеку от Пыжинских юрт и от избы Василия.

Невозможно предусмотреть, как будут складываться события, пусть столичные гастролеры приедут в крайцентр, там яснее будет, но обязательно нужно им дать возможность забрать из тайника иконы. А наиболее важные для

оперативников точки — Пышкино-Троицкое, Куролино, Ореховый Мыс, Тасеевский луг.

— Суть сейчас, товарищ полковник. Лесовиаохрана летает. Нужно договориться, чтобы в том районе не кружили,— высказал предложение Шатохин.

— Добро,— Пушных сделал пометку на листке.— Еще?

— Транспорт нужен. Вездеход,— Хромов привстал.

— Это само собой. По-моему, пока вам не отказывали. Вот где поставить его?

— В Уртамовке. Или ближе к Тасеевскому лугу.

— Лучше в Уртамовке. Или около села...

Тем временем, когда в кабинете начальника краевого уголовного розыска проходило оперативное совещание, в московском аэропорту «Домодедово» заканчивалась регистрация билетов на самолет, вылетающий в краевой центр. Известно было, что в Сибирь отправляется лишь один из участников ограбления скитов — Ефим Игольников. Напарники — Кортунов и Могнолин — остаются, но их места в «ТУ-154» займут, составят компанию архитектору Союзкурортпроекта некие Мустафин и Середец.

— Сколько же их всего! — сказал следователь Тиунов, когда полковник обьявил об этом.

— Мафия настоящая.— Лейтенант Хромов хлопнул руку об руку.

— Не знаю, как насчет мафии, но солидная компания...

Пушных рассказал: в абонентский ящик № 1742 на имя Тандетникова поступило еще одно письмо, теперь из Казани. А вечером того же дня взломали ящик, забрали письмо. Забрал приезжий из столицы Татарии. Похоже, сам автор письма. С большим запозданием узнал, что Тандетникова нет в живых, и поспешил явиться за своим посланием. Казанец, в отличие от архангельского старого приятеля Тандетникова, был краток: вложить пятьдесят—сто рублей в искусство он не против.

— Настоящая мафия,— повторил Хромов.

— Может, майору вообще не стоит принимать участие в захвате? — сказал Тиунов.

— Почему? Фотограф не прилетает,— возразил Шатохин.

— Да, но вы уверены, майор, что Игольников не видел вас вместе с Кортуновым? — Тиунов взял со стола снимок архитектора.— Или не знаком заочно, по фотографии, как вы — с ним?

— Уверен. Кортунову выгодно иметь своего покупателя, не афишировать его.

— Даже если не так,— вмешался полковник,— не вижу причин выводить Шатохина из операции. Встречи лицом к лицу в любом случае нужно избегать.

— До определенного момента.

— Разумеется.

7.

Роман, он же архитектор Союзкурортпроекта Ефим Игольников, и два его приятеля Мустафин и Середец, сведения о которых пока исчерпывались тем, что оба прописаны в Мытищах, прибыли в крайцентр в 20.20 по местному времени, а в 00.15 уже покинули город с пассажирским поездом, идущим на север края. Билеты до конечной станции. Семь часов езды. Там — пристань. Успевают на «Метеор», проходящий через Куролино и Ореховый Мыс и отплывающий в 8.00. В одном из этих сел должны покинуть борт. Не исключено, что проделают путь по всей линии «Метеора», до Лосиново Брода, который связан автобусом с Пышкино-Троицким. Но вряд ли. Если и устремятся на Пышкино-Троицкое, то уже забрав все спрятанное в тайге.

Сопровождавший участников второго десанта сотрудник из Москвы передал в аэропорту снимки Середца и Мустафина. Лет им немногим более двадцати, лица у обоих не ярые, не запоминающиеся.

Игольников и компания примчались к пристани на легкой машине частного, когда начиналась посадка, и штур-

ман в рупор предупреждал толпу не имеющих билетов, чтоб не мешали посадке: сколько мест на судне, столько человек уедут, ни одним больше все равно не возьмут. Инstrukция предписывает. Итак «Ракету» заменили на более вместительный «Метеор».

Московские гастролеры замялись между билетной кассой на высокому берегу и дебаркадером, где швартовался «Метеор», с тщетными уговорами и посулами. Деньгами сверх стоимости билета северян не удивишь. Едва не любой из толпы остающихся согласен переplatить, лишь бы не торчать здесь, не томиться ожиданием.

— Уехать хочешь? — Небрыйтый мужик в рабочей куртке с ромбом «Спецтехмонтаж» на рукаве бухнул на плечо Игольнику пятачку, дохнул в лицо свежим перегаром.— Бутылку и деньги гони, уедешь. До Оскобы,— назвал спецтехмонтажник последнее на водной линии село перед Лосиным Бродом.

— Три билета нужно.

— Три бутылки и...— хмельной спецтехмонтажник лениво оглянулся.— И тридцатку за три билета.

— Спирт пойдет? Ректификаат.

— Годится.

Рыскавшие по пристани спутники Игольникова уже стояли тут как тут. По его кивку один из них сунул плоскую литровую фляжку и деньги спецтехмонтажнику.

Он, прежде чем отдать билеты, отвинтил пробку фляжки, понюхал.

— Порядок.— Фляжка скользнула в боковой карман куртки.

Билеты наконец были у Игольникова. Он и компаньоны заспешили к «Метеору».

После почти шестичасового плавания «специалисты» по староверческим скитам высадились в Ореховом Мысу. В село не входили. Направились в лесок близ пристани — и с концом. Оперативники другого и не ожидали. Все-таки, наверно, стреляя по волку из автомата, прятал его потом Роман — Ефим Игольников. На отрезке: забытый Иветский острог — предместья Орехового Мыса.

Теперь, если расчеты верны, Игольников и его спутники должны вынырнуть на Тасеевском лугу. Появятся или нет? Сидели в томительном ожидании на ничейной заимке около Уртамовки.

Появились! Прошли по лугу, и в центре его устроились на отдых. Сообщили по радию об этом через три часа после того, как «Метеор» высаживал и брал пассажиров в Ореховом Мысу. При них ли автомат?

— Шустро ноги переставляют,— заметил Поплавский.

— Прилично,— согласился Хромов.— Спешат до темноты попасть к тайнику.

— Не успеют. Дальше болото, труднее топтать.

— Тренированные, успеют. Если тайник в том районе, где Красников щепку нашел. Третий, даже больше, прошли уже.

Шатохин слушал разговор лейтенантов рассеянно. Мысли были заняты предстоящей операцией. Пока развитием событий он был доволен, ждал продолжения.

А уходить с Тасеевского луга десантники не спешили. Минуту час, другой, третий — все оставалось на месте.

— Чего торчат? — первым не выдержал, с сердцем сказал Поплавский.

Шатохин сам давно недоумевал: не может быть, чтобы целью сегодняшнего дня Игольников поставил такую малость — достигнуть луга. Что-то замыслил. Что? Важно бы разгадать, пока архитектор с подручными на лугу. Снимутся с места, проследить за их дальнейшим передвижением невозможно. Опять тогда поиск вслепую?

Шатохин глядел на карту, где карандашом было очерчено, заштриховано предполагаемое местонахождение тайника — территория, захватывающая остяцкие юрты и дом Василия. От луга приблизительно двадцать пять — тридцать километров. Теперь не успеют, а могли бы при желании нынче засветло быть там. Что же сдерживает? Если предположить, что первая цель Игольникова — не тайник? Что

же? Скит Великониды? Вполне возможно. У Тандетниковой самые лучшие иконы в здешней округе. Взять — никакого риска. Защиты у Елены Викентьевны теперь, после смерти сына, абсолютно никакой. Все так. Но жилище Великониды и Флоры почти за сто пятьдесят километров от Тасеевского луга, и если туда стремление попасть, то не отлеживались бы в сене, а шагали бы да шагали. А может, причина задержки самая что ни на есть прозаическая: кто-то из троих сбил, натер ногу, не способен пока идти? Нет. Для кого угодно серьезно было бы, только не для профессионалов. С ними такого не случится. Мустафин и Середец профессионалы? Несомненно. Как фотоиндивидуал и кладбищенский продавец, как сам архитектор. Почему все-таки Игольников не приехал с прежними своими партнерами? Шатохин мало задумывался над этим. Объяснение было простое, убедительное: архитектор опасался, как бы Кортунов и Могнолин не примелькались. А вдруг иное? Что иное?

Где-то за час перед закатом, когда уже не ждал новостей, сообщили вдруг: Игольников и его спутники покидают луг, держат путь к болоту.

— Именно к болоту? — переспросил Шатохин.

Именно к болоту! В бинокль хорошо видно. Быстро, без остановок, без оглядки идут. Вот-вот исчезнут из поля зрения в кустарнике. Уже исчезли, доложил участковый инспектор Красников.

Еще раз Шатохин посмотрел на карту, где в центре заштрихованной площади краснел крупный овал — место, на котором Сергей Красников нашел отщепок иконы. Мысленно, в который раз, прикинул расстояние между Тасеевским лугом и отшельническими строениями на островках среди болота. Кажется, он разгадал замысел Игольникова. Никакой особой сложности. Склады в Нетесовском районе — первое, но единственное место, где преступная группа получила слабое, но сопротивление со стороны староверов. Тайник где-то поблизости от домиков. Доброго новая встреча не сулит. В пору сбора зрелой ягоды на болоте встреча особенно вероятна. Игольников хочет избежать ее, приблизиться к тайнику ночью, забрать спрятанные иконы и тотчас же уходить, чтобы на рассвете быть уже далеко от скитов. И уходить от тайника будут тем же путем, каким пришли. То есть вернуться на Тасеевский луг. Не могут же они, черт побери, знать всех болотных троп, свободно разгуливать по ним в темноте!

Лейтенанты Хромов и Поплавский, еще семь сотрудников Нетесовского райотдела милиции ждали после доклада участкового распоряджений Шатохина.

— Через два часа выезжаем к Тасеевскому лугу. Утром, часов в девять-десять, они опять будут там.

Коротко Шатохин изложил свои соображения.

— Хотите брать их на лугу? — спросил Поплавский.

— На лугу.

— А если не мешать им? — предложил начальник Нетесовского районного ОУРа. — Дать возможность выбраться из тайги. На пристани, или даже в лучшем в «Ракете» взять?

— Нет, — твердо сказал Шатохин. — Нет гарантии, что не столкнутся с кем-нибудь в тайге. Нужны им очевидцы?

8.

Расчет Шатохина оказался точным: четырнадцать часов спустя, в половине десятого утра, Игольников, Мустафин и Середец вновь появились на Тасеевском лугу. Вышли из кустарника немного правее того места, где вечером скрылись, покидая луг. У каждого за плечами по рюкзаку. Автомат на груди у идущего впереди. Скорее всего, у Игольникова. Чуть позже точно можно будет сказать: пока расстояние около четырех километров, лиц не разглядеть. Еще, кажется, охотничье ружье несут. Очень медленно движутся, но не шатаются от усталости, не валяются с ног.

Об этом докладывая Шатохину по радиосвязи лейтенант Поплавский. Он, Хромов и милиционеры расположились в лесу на территории бывшего Иветского острога. А сам

Шатохин не видел ни луга, ни выбредших на него, хотя преступная группа, выйдя с болота, находилась от него много ближе, чем от Поплавского. Вездеход, в кабине которого Шатохин сидел вместе с участковым Красниковым и сержантом-водителем Болтиным, приткнулся в густом пихтале на расстоянии равно не далеком как от Тасеевского луга, так и от болота.

Через пятнадцать-двадцать минут операция должна быть закончена. Шатохин посмотрел на сержанта-водителя, на Красникова. Оба молчали, у обоих лица сосредоточены, спокойны.

— Проверь зажигание, — велел Шатохин водителю.

Тот включил и выключил: в порядке.

— Товарищ майор, — голос Поплавского по радиации звучал неожиданно и необычно. — Здесь дети.

— Какие дети? Где?

— Рядом с нами. Восьмиклассники. Из Куролина.

У них сегодня день юного краеведа, и...

— Сколько их? — оборвал Шатохин.

— Пятнадцать. Вместе с учителем.

— Пешком пришли?

— Нет, автобус, «ПАЗик», недалеко.

— Немедленно пусть садятся в автобус и убираются...

Подожди, дай Хромову связь.

— Троих детей нет... Он с учительницей искать побегал.

— А эти? Икононосцы далеко?

— Теперь километра полтора будет, меньше даже.

— Ясно. Шум пока не поднимать, себя не обнаруживать. В крайнем случае будете созывать потерпевших через мегафон. Но не сейчас. Вспугнешь, икончики вбок куда-нибудь рванут, к лесу. Мы сейчас на луг выедем, к Игольнику.

— А нам что делать?

— Ждать. — Шатохин захлопнул дверцу вездехода.

Сержант последовал его примеру, закрыл дверцу со своей стороны, вопросительно смотрел на Шатохина.

— Давай!

Взревевший мотор после полсуток глубокой, не сравнимой ни с чем тишины тайги, оглушил. Хвойные лапы забили, застучали по кабине, по бортам.

Красников вытащил из-за сиденья два скорострельных карабина, один положил на колени Шатохину.

Вот-вот должны возникнуть впереди фигуры грабителей.

— Женя, далеко еще они? — спросил Шатохин.

— Метров пятьсот. Чуть правее взять нужно...

Голос Поплавского, дающего координаты, еще звучал, а грабители уже появились перед глазами.

Игольников стоял лицом к несущемуся навстречу вездеходу. Автомат держал в руке. Напарники находились чуть-чуть подаль, около зародов. Лица их тоже обращены были к машине.

— Гони, не сбавляй пока! — крикнул водителю Шатохин.

Сержант, крутнув руль вправо, мчал прямо на грабителей, разметывая колесами санные встречные вороха.

Считанные мгновения езды — и очутятся рядом. Шатохин уже ухватился за ручку дверцы, готовясь выпрыгивать возле Игольникова. И тут архитектор вскинул автомат.

Очереди выстрелов прозвучали негромко. Шатохин почувствовал, как мотнуло вездеход.

Игольников, выведя из строя машину, тотчас скрылся за конной. Приятели тоже пропали из виду. Вездеход еще продолжал движение, но все тяжелей. Шатохин припал к радиации:

— Новости, лейтенант? Хромов где?

— Здесь я, — ответил сам Хромов.

— Что с детьми?

— Двоих нашли. Говорят, третий на берегу, в палатке.

Послал за ним.

— Игольников на тебя сейчас пойдет. Не вздумай людей навстречу выводить, метко стреляет.

— Понял, Алексей Михайлович... Глядите, горит!

Шатохин и без подсказки заметил: зароды, возле ко-

торых только что стояли Мустафин и Середец, охвачены пламенем.

Архитектор и приятели решили обезопасить себя, скрыться, отгородившись от преследователей завесой дыма и огня.

Расчет верный. Достаточно искры, чтобы пересохшая скошенная отава, положенная в рядки, запылала. А рядки да валки тянутся по всему Тасеевскому лугу, где в промежутках между копнами и стожками, где вплотную подступая к ним. Шатохин мог представить себе, во что превратится луг в самом недалеком времени.

Нужно бы отдать распоряжение, чтобы отправляли автобус с куролинскими школьниками. Без него сообразят Хромов, Поплавский. Он выпрыгнул из подбитой машины.

— Товарищ майор! — Рация в пустой кабине оставалась включенной, его запрашивали, а он уже бежал, увлекая за собой участкового и сержанта-водителя, туда, где занимался пожар.

Жаром дохнуло, когда оказались у гудящей огневой линии. Огонь торжествовал. Горели уже несколько десятков копен. Красные языки ползли по дорожкам из несметанного сена, взмывали вверх, и над этими языками клубился белесо-черный едкий дым. Он заслонял пространство впереди.

Сделав глубокий вдох, Шатохин кинулся вперед. Огонь был опасен, но больше — густой дым. Рассчитывал на одном дыхании пробежать всю охваченную пожаром полосу, не тут-то было. Закашлялся, глотнул дыма, заслезилась глаза.

От жара, быстрого бега все тело стало липким. Удушье вызывало желание сделать выдох и набрать новую порцию воздуха в легкие. Он пересиливал себя, потому что знал: будет еще хуже.

Наконец дым и огонь перед глазами пропали, он выскочил на неохваченную пожаром часть луга. Появились следом сержант и участковый. У Болтина пиджак на спине горел. Красников два раза хлопнул по спине водителя, сбить привязавшийся огонь не удалось. Сержант выхватил из карманов пистолет, документы, снял и кинул пиджак на землю. Все делал быстро.

Шатохин тем временем высматривал, где архитектор, двое других грабителей. Они мелькали шагах в двухстах от линии наступающего огня. Середец и Мустафин бежали напрямик к месту, где их поджидала засада; Игольников — то ли условились так, то ли почувал, что в лесу на территории бывшего Иветского острога не исключена возможность попасть в западню, — забирал в сторону, бежал по лугу наискосок. Тоже к лесу, но туда, где оперативников не было.

— Ваши эти двое, — Шатохин указал на Середца и Мустафина.

— Товарищ майор, я с вами. У этих одна двухстволка, — попытался возразить Красников.

— Ты их карманы, рюкзаки проверял? — парировал Шатохин. — Выполнять!

...Архитектор бежал медленно, тяжело. Мешал груз, сказывалась усталость ночного похода по болоту. Шатохин быстро догонял.

Игольников обернулся, когда их разделяло всего-навсего около сотни шагов.

Увидеть за собой преследователя, тем более так близко, не ожидал. Однако прореагировал тут же. С автоматом в руках всем корпусом повернулся к Шатохину.

В нескольких шагах от Шатохина был жиденький сеной зарод. Шатохин метнулся к нему, чуть упредив автоматную очередь.

Очень уж какой-то короткой, ущербной была она, эта очередь. На слух Шатохин уловил это. Кончились патроны?

Он выглянул. Так и есть. Архитектор откинул пустую обойму и теперь пытался достать запасную, опрометчиво засунутую в вещмешок.

— Брось! Застрелю! — Шатохин кинулся к архитектору. Тот подхватил рюкзак, побежал.

— Брось автомат! — Предупредительный выстрел грохнул в воздух.

Игольников не бросил, не остановился. Ближайшая от него копна метрах в сорока. Если спрячется за копну, может успеть достать и переставить обойму. Нельзя допустить. Шатохин бежал изо всех сил.

Считанные шаги оставались Игольникову до стожка, и столько же Шатохину до Игольникова. На бегу Игольников сумел-таки развязать тесемки рюкзака, вытащил запасной рожок. Оставалось только приладить его к автомату. Шатохин размахнулся, кинул карабин под ноги Игольникову.

Архитектор споткнулся, кувирком полетел вперед. Автомат, обойму, рюкзак — все вынул из рук, падая. Несколько икон, помазок, зеркальце, зубная паста посыпались из раскрытого мешка. Но это секундой позднее. А в момент падения архитектора Шатохин услышал выстрел. Левую ногу выше колена обожгло так, что он присел, обеими ладонями накрыл обожженное место. Между пальцами сразу просочилась кровь.

Выстрелил карабин. Шатохин недоумевал, как могло случиться. Вроде, перед тем, как бросить, ставил на предохранитель. Без толку было гадать, ставил или нет. Факт, что карабин выстрелил и ранил вздольца.

— Битя Войцеховский! Немедленно беги к реке. Беги на солнце и выбежишь к реке, — зазвучал усиленный мегафоном женский голос, наверно, куролинской учительницы.

Игольников посмотрел в сторону, откуда раздавался голос, потом взгляд его скользнул по карабину.

— А ну, отползи дальше, — Шатохин вынул из оперативной кобуры пистолет, поставил на боевой взвод.

Игольников подчинился.

— Вот так... — Шатохин подвинулся вперед, подобрал карабин. — А теперь вставай, пойдём.

Шатохин сумел сделать несколько шагов. Острая боль в ноге остановила, усадила около рюкзака.

— Подожди, — велел он.

Игольников обернулся. Страх промелькнул у него в глазах.

— Подожди, — повторил Шатохин. Рукой, в которой был пистолет, тыльной стороной ладони вытер со лба пот.

— Я не стрелял. Не я ранил. Я не виноват, — быстро заговорил Игольников.

Шатохин молчал.

— Я пойду... Пара минут — и все. Поздно будет. Видите, что творится, — продолжал Игольников. Глаза его смотрели то на бушующее невдалеке пламя, то на оружие в руке Шатохина. — Можно? — С опаской еще раз взглянув на пистолет, не дождавшись разрешения, Игольников ступил, побежал прочь.

— Стоять! — голосом, не подчиниться которому нельзя, остановил Шатохин.

— Что, скучно одному? В компанию берешь? — Игольников овладел собой. Голос был спокоен, насмешлив.

— Слышишь голоса?

— Ну?

— Туда и беги.

Игольников кивнул, побежал. Шатохин недолго со странным безразличием смотрел вслед.

Голос учительницы, обращавшейся к Вите Войцеховскому, умолк. Мегафон перешел к Хромову.

— Алексей Михайлович! Товарищ майор! — звали теперь Шатохина.

Можно было откликнуться выстрелами. Нет! Поздно. Даже если бы теперь же сумели отыскать его, все равно поздно. Ему не помогут, и сами не сумеют уйти от огня.

Среди выснававшихся из Иголинковского рюкзака икон была сверху икона Божьей Матери. Лик Богородицы с прильнувшим к ней, обвившим ее шею ручонкой младенцем был четок и полон скрби.

Шатохин смотрел и смотрел на этот образ. Пламя бушевало рядом.

— Алексей Михайлович! Товарищ майор-о-ор! — Несся и несся над горящим Тасеевским лугом зовущий голос.

Повесть

**Владислав
КРАПИВИН**

Рисунки
Евгении Стерлиговой

2

Конечно, Витька рассказал о прямом переходе Цезарю. И не просто так рассказал, а с надеждой: вдруг и Цезарь сумеет? Ведь он же все чувствует и понимает. Когда говорили о Кристалле, о Мёбиус-векторе, когда, развлекаясь, строили в глубине компьютерных стереозкранов многомерные комбинации, Чек моментально схватывал Витькины идеи и тут же, смеясь, обгонял его и перестраивал по-своему — сложнее, веселее, интереснее. Что ему стоит постигнуть хитрости координационной сетки и межпространственных соединений? Только бы он решился...

Но Цезарь сказал:

— Извини, но, видимо, для меня это исключено... — Печально так сказал, со смущением, но открыто. И признался, что с младенчества боится высоты и «всякого такого».

— Один раз папа сунул меня в антиграв. Камера такая, тренажер невесомости у них в летном учебном центре. На минутку сунул, чтобы я чуть-чуть попробовал... Меня еле откачали... А здесь, при переходе, все это в сто раз сильнее. Я ведь понимаю. То есть предчувствую... Я бывал уже близко к этому. Ну, почти как на краю обрыва. Но шагнуть не смогу...

Витька неловко кивнул. Цезарь не заметил этого в темноте. Они разговаривали ночью, все на том же топчане в узкой тесной комнате. Сидели рядом, прива-

Продолжение. Начало в № 8

(179) лившись к стене и обняв колени. Не дождавшись ответа, Цезарь сообщил, словно покоряясь неизбежному:

— Видимо, никуда не деться от того, что я большой трус...

— Ты?!

— Конечно... Мы ведь и познакомились поэтому. Я боялся в темноте, помнишь?.. Но тогда я просто нервничал: мама и папа уехали, я тревожился за них... А бывало и такое, когда я совершенно отчаянно тряса за себя.

— Врешь ты все, — убежденно сказал Витька. Он уже многое знал о жизни Цезаря. — То есть, может быть, ты и тряса, но все равно делал, что надо.

— К сожалению, не всегда. В тот раз, в машине, когда Корнелий выпрыгнул на дорогу и стал стрелять по уланам, я знал, что нельзя оставлять его одного. А вместо того, чтобы прыгнуть за ним, скался... как перепуганный дезертир.

— Ты дурак! Ну зачем бы ты прыгнул? Какой был бы прок?

— Да, я сейчас это понимаю. Но тогда-то я был уверен, что прыгнуть необходимо. И не смог. Скорчился в машине.

— Ну и... любой бы скорчился... — проворчал Витька. — Ну, не любой, но многие... Я бы точно... Когда в тебя палат очередями... Чек, а почему родители оказались в Лебене?

— Их туда в институт привезли и стали выпытывать, почему у меня пропал индекс. А они откуда знают? Если у меня такое биополе: погладил рукой — и нет индекса... Ты ведь тоже снял индекс Корнелию. Только ты шариком, а я себе — ладошкой. Провел нечаянно...

— Я Корнелию тоже нечаянно. Руку залечивал, вот и получилось так... А ты у многих снимал индексы?

— Все нет! Первый раз у себя, потом у Рибалтера, у папы и мамы, когда бежали из Лебена... И еще у нескольких людей здесь в таверне. Я их не знаю... За ними следили, я и снял. Папа разрешил...

— Чек... А что, без разрешения папы это нельзя? — очень осторожно, чтобы Цезарь, упаси господи, не заподозрил насмешки, спросил Витька.

— Сейчас-то, наверно, уже можно... Папа сказал: чем скорее развалится эта машинная демократия, тем лучше. Она вся на том и держится, что у людей индексы... Но ведь нельзя снимать у тех, кто не хочет. А ходить и спрашивать не будешь...

— Цезарь! А если...

То, что они сделали, им самим потом казалось сумасшествием. Но это именно потом, когда подумали как следует... А сперва они дома у Цезаря отстукали на принтере сотню листовок:

«Граждане Реттерберга! Запомните! Все, кто посещает Верхний парк, может лишиться индекса. Там особое излучение. Это правда! Те, кто идет смотреть театр в Верхнем парке, — знаете: вы можете вернуться домой безындexным человеком. Если идете, помните: вы сами решились на это!»

И расклеили в разных кварталах и у парка.

Таким образом они успокоили свою совесть.

Верхний парк над рекой — старый, неухоженный — не был многолюдным. Главным образом туда ходили любители Театра Неожиданностей. Театр считался запрещенным, и все-таки люди собирались почти каждый вечер. Даже в ту зябкую ноябрьскую пору.

К открытой эстраде вело несколько запутанных и скользких тропинок — с лесенками, с мостиками через канавы. Одна канава — с крутыми, заросшими бурой травой стенками, с палыми листьями на дне — была очень глубокая. Витьке по макушку. Он и Цезарь в сумерках, когда к театру собирались зрители, сидели в канаве и время от времени жалобно просили:

— Дяденька, помогите вылезти...
— Как вас туда занесло, сорванцы?
— Мы часы уронили. Спрыгнули, а выбраться не можем...

«Дяденька» протягивал руки, причем кисти, как правило, вылезали из обшлагов. Цезарь хватал спасателя за левое запястье горячей излучающей ладошкой. Несколько мгновений было достаточно. Добрый прохожий шагал дальше, еще не подозревая, что пополнил число безындексных граждан Вест-Федерации.

Интересно, что число посетителей парка не убавилось и не прибавилось. Скорее всего, никто не принял листовки всерьез. Но Цезарь и Витька убедили друг друга, что раз идут — значит, хотят избавиться от индекса. Или, по крайней мере, не боятся этого.

Два вечера их диверсионная работа шла как по маслу. На третий день Витьке и Цезарю захотелось новенького. Они пошли по заваленным листьями плохо освещенному аллеям. Витька держал на мизинце светящийся шарик, Цезарь звонко покрикивал:

— Господи! Кому снять индекс? Всего пять грошей! Дело нескольких секунд!

В общем осмелели (а точнее, обнаглели) сверх всякой меры. Прохожие, конечно, посмеивались: дурчатся мальчишки. Начатались глупых листовок, вот и устроили аттракцион, собирают медяки на мороженое. Какую-то светящуюся штуку смастерили. Остроумные мальцы... Конечно, ходят слухи, что кто-то вернулся домой без индекса, но мало ли о чем болтают в трехмиллионном городе...

Те, кто более склонен к юмору, церемонно опускали монетки в вязаную шапку Цезаря.

— Ну-с? Дальше что?

— Руку давайте, — нахально говорил Витька. — Не бойтесь, шарик не горячий... Вот и все. Поздравляем вас. Отныне вы избавлены от власти безмозглых электронных начальников...

— Ну-ну! Предприимчивые детки!

Взяли деток минут через сорок. Веселый круглолицый мужчина в шляпе на затылке, в распахнутой куртке, швырнул Цезарю крупную монету, задрал обшлаг, надвинулся на Витьку:

— Давай, дружище! Смелее!

Витька нутром понял — беда!

— Чеки!..

Но Цезаря уже держали двое.

К счастью, Цезарь сильно присел, вырываясь. Шарик-молния (то ли по Витькиному мгновенному желанию, то ли сам) взлетел с пальца, вспыхнул над головами сыщиков белой трескучей звездой. Те завалились в кусты.

— Витька, за мной!

Цезарь тащил его через черные ломкие заросли долго, без остановок. Потом они отсиживались в глухой темноте какого-то подземелья (Цезарь, часто дыша, сказал: «Бункер под старинным фортом. Здесь не найдут...»).

Поздней ночью, понурые и разом поумневшие, они появились в таверне. Еще по дороге решили: надо приназваться, а то как бы не было хуже.

Самое интересное, что влетело им не так сильно, как они ожидали. Конечно, отец Витьке высказал многое: и «робин-гуды сопливые», и «чтоб ноги твоей здесь больше не было», и «скажи спасибо; что одышка, а то бы я тебя, террориста доморощенного...» Ну и всякое такое... Хуже всего были слова: «Ты же, балда, старше чуть не на два года! Где твоя голова? Если бы с мальчишкой что случилось, как бы ты жил?»

Витьку скорчило от запоздалого ужаса (такого не было даже в парке, когда поймали; даже при переходе...). «В самом деле, как бы я жил?.. Хотя при чем здесь я? Главное, что с ним, с Чеком, могла быть настоящая беда... Ведь за ним-то охотились уже не первый раз! Наверно, и пристрелить могли...»

(180)

Отец глянул через плечо.

— Нечего теперь сырость разводять...

Витька попросил совершенно искренне:

— Если у тебя одышка, скажи Киру, пусть он отлулит меня чем-нибудь тяжелым. Я не пикну.

Но Кир только поглядывал и покачивал головой: «Ох, Витка, Витка...»

О чем говорил с Цезарем примчавшийся среди ночи в таверну штурман Лот, Витька не знал. И не спрашивал. Цезарь на другой день ходил понурый и неразговорчивый. Но то, что Витька боялся больше всего, не случилось. Отец Чека не сказал сыну: «Не смей больше зняться со своим безмозглым другом». Этот молчаливый смуглый, не старый еще, но совершенно седой человек здоровался потом с Витькой, словно ничего не произошло. И мама Цезаря (маленькая, похожая на улыбчивую девочку) — тоже. А встречались они в таверне часто. Потому что было решено: после таких событий семье Лотов полезно опять некоторое время отсидеться в «Колесе».

Впрочем, время это оказалось коротким. Исчезновение индексов у граждан славного города Реттерберга (а потом и всей Вест-Федерации) шло со скоростью и размахом лавины. Выяснилось, что многие из тех, кто лишился индекса, обрели свойство снимать их у других. Ну и понеслось по нарастающей...

Нейрокомпьютерная система власти и суда трещала по швам. Трещали государственные и частные банки, лишены способов электронного учета и контакта с вкладчиками. Федерация содрогалась от забастовок и дебатов, неумело и шумно выбирала человеческий парламент...

Михаил Алексеевич сказал со странной ноткой:

— Вот что натворили... две бактерии.

Разговор шел в большой комнате у очага. Штурман Лот грел у огня худые коричневые руки. Он отозвался, не оборачиваясь:

— Это же закономерный результат. При чем здесь два мальчика?

И властям, и корпусу улан было теперь, конечно, не до мальчишек и не до их родителей. Цезарь с отцом и матерью вернулся домой... А Витьке в Новотомске попало, наконец, за многочисленные прогулы уроков.

3

Бывало, что дома, среди школьных будней, Витька отключался от всего, связанного с Реттербергом. Потому что никуда не денешься, надо жить как все люди. На уроках надо сидеть, задачи решать, сочинения писать. Никто из ребят, никто из учителей не знал, конечно, что Витька Мохов, ученик шестого «Г» — один из немногих (а может, и единственный) на планете Земля, кто практически освоил способ прямого межпространственного перехода. И никто в заснеженном Новотомске этого не знал. А если бы узнали, то не поверили бы. Потому что это никак не укладывалось в заведенную жизнь и было ей не нужно... И ничего никому не докажешь... То есть, может быть, и можно доказать, но зачем? Тем более, что переход — явление, которым занимается (хотя и не очень успешно) «Сфера». А о том, чем занимается «Сфера», зря болтать не принято...

Мама тоже ничего не знала. Думала, что отбившийся от рук Витька при каждом удобном случае уезжает к отцу в Реттерберг, который что-то вроде научного поселка недалеко от «Сферы»...

Зимой Витька появлялся в Реттерберге не так уж часто. Был на празднике рождественской елки, потом еще два раза. Они с Цезарем гоняли на коньках по ледяным аллеям Голландского сада, бродили по громадному, построенному на площади дворцу Снежной королевы... Было в этом ощущение какой-то случайности, краткости. Будто и не по правде все.

«Азлитар»-90

И, честно говоря, Витьке казалось иногда, что зимние визиты в Реттерберг словно приснились.

Но потом была весна, май, Башня... И наконец — лето.

Летом не было нужды в прямом переходе. Хотя и дольше, но легче, без всяких переживаний был путь по рельсам — от «Сферы» прямо до окраины Реттерберга.

Лето — вообще самое чудесное время. Во всех мирах и пространствах. Так считали и Витька, и Цезарь. И даже радость, с которой Витька встречал Цезаря, была в такие дни особенная — летняя. Полным-полно солнца и беззаботности.

...Беззаботности? «Ох, Витка, Витка...»

С платформы они стали проталкиваться к нешумному Мельничному переулку.

На Цезаре был туристский комбинезон из оливковой шелковистой ткани. С карманами и карманчиками, с хлястиками и пряжками.

— В поход, что ли, собрался?

— Да нет... перевоспитываю себя, — как-то слишком небрежно отозвался Цезарь. Эта ненастоящая небрежность Витьку тут же встревожила. И с какой стати Чеку перевоспитываться?

Цезарь сказал неохотно:

— Я этот костюм не люблю. Все кажется, если надену, опять что-нибудь случится... А нельзя же подчиняться приметам, надо отвыкать от глупостей.

Витька не считал, что все приметы — глупость. И спросил насупленно:

— А что у тебя... с ним?

— Ну... — Чек неохотно повел плечом. На рукаве, пониже плечевого шва была аккуратная штопка. Словно кто-то здесь вырвал из материи узкую ленточку. И Витька вспомнил, что как раз на этом месте, под штопкой, на беспомощно тонком плече Цезаренка шрам-ожог. И неудобно ему стало, печально и страшновато. И опять вспомнилось не к месту (или к месту?) — «пчела», дырка в стекле, крик петуха...

— Зря ты это надел...

— Почему? — Цезарь беззаботно скакнул с булыжника на булыжник на разбитой мостовой переулка.

— Что за польза от наряда, если от него настроение портится?

— А у меня уже не портится. Я почти привык. — Цезарь словно поддразнивал Витьку. И судьбу...

Терпеливо, но настойчиво Витька сказал:

— Посмотри. Эта роба тебе уже мала, ты подрос...

И правда, рукава были коротковаты, незастегнутые манжеты штанин болтались выше щиколоток. Цезарь скакнул опять.

— Зато карманов много. Я и фонарик взял, и спички, и зерно для Петьки насыпал.

— А что, мы в Луговой отправимся?

— Почему в Луговой? К Башне. Ведь Петька-то там кричит, из-под колокола. Мы оба слышали.

— Могло и показаться, — неохотно сказал Витька. Что-то расхотелось ему к Башне. То есть с Цезарем расхотелось. Боязнь какая-то.

— Как же может показаться сразу двоим? — наивно спросил Цезарь. Он еще не чувствовал Витькиных опасений.

— Очень просто, — буркнул Витька. — Петух орал где-нибудь в окрестностях, а я с дуру решил, что там. А тебе почудилось задним числом, когда я спросил.

Цезарь не заспорил против такой очевидной глупости. Сказал миролюбиво:

— Мы легко можем проверить, кричал ли Петька. Ты ведь знаешь, где.

Витька знал. Но спросил с новым беспокойством:

— А дома тебе что скажут? От Башни-то мы вернемся не раньше, чем через сутки.

Дорога была не близкая. У храма Девяти Щитов надо нащупать (ощутить нервами) дрожащую нить Меридиана, двигаться точно по ней через камни и буераки около мили, потом — первый локальный барьер. Оказываешься в безлюдной всхолмленной местности, идешь на северо-восток по берегу быстрой реки, находишь старую плоскодонку (их всегда много, хотя людей не видать), спускаешься по течению до похожего на присевшую кошку мыса, там снова барьер. Затем в километре от деревеньки, где всегда перекликаются собаки, надо подождать, когда тень от сухой березы упадет на черный горбатый камень, и шагнуть через эту тень... И тогда Башня рядом...

А обратно — через Луговой. Оттуда на Якорное Поле, с него по туннелю на Полуостров и там, с Южного вокзала мегаполиса (с тихого запасного пути) уходит два раза в сутки товарный состав и после незаметного перехода через барьер оказывается на рельсах Окружной Пищевой...

Цезарь сказал беззаботно (или почти беззаботно):

— Папа в рейсе, мама на сутки в столицу уехала. Я велел Биму передать им, что ушел с тобой. Они... не очень волнуются, если мы вдвоем.

«Гм...» — подумал Витька. Но подумал уже почти весело. Боязнь уходила, не устояв перед доверчивостью Чека.

Да и в самом деле, что случилось-то? Ведь все хорошо. Солнце, лето, Цезарь толкает рядом. И все это — настоящее, радостное. А страхи — смутные они были и пусты. Скорее всего, из-за досады после неудачного разговора с Люсей. Это, конечно, царапает душу, но... сколько можно-то? Надо радоваться тому, что есть. И тому, что будет. А будет встреча с ребятами у Башни. Петух орал, конечно, не из-за тревоги какой-то, а просто от полноты жизни. Но раз орал, значит, Пограничники там.

Орал ли все-таки? Скоро узнаем.

— Значит, в парк?

— Конечно! — решительно сказал Цезарь.

— А может, я схожу один? А ты дома подождешь...

— Фиг.

— Ты неправильно выражаешься, — поддел Витька. — Надо говорить «извини, пожалуйста, но фиг тебе».

Цезарь переливчато расхохотался, закидывая голову. Этаким мальчик-колокольчик из «Городка в табакерке». «А еще трусом себя считает», — подумал Витька со смесью досады и удовольствия. Но сказал для очистки совести:

— Лучше бы нам туда не соваться.

— Ты это каждый раз гозоришь.

Да, Витька это каждый раз говорил. Когда снова несла их нелегкая в Верхний парк. Не мог Витька без дрожи вспоминать, как агенты Охраны правопорядка чуть не сцапали там Цезаря. Почему он, Витька, мог тогда забыть, что не только собой рискует, а прежде всего Цезаренком? Приключений захотелось болвану! Закружило голову обманное чувство удачи и безнаказанности... Зато после того дня всегда звенела в нем настороженная струнка, если был он вместе с Чеком: радуйся, но не зевай...

— Идем, пожалуйста, — нетерпеливо сказал Цезарь. — Мы же быстро. И никому мы там не нужны...

Что ни говори, а Верхний парк обладал какой-то притягательной силой. Словно в заброшенных аллеях и глухих закоулках стоялся воздух прошлых времен — когда жили на свете рыцари, феи, мушкетеры и гномы. Можно было отыскать здесь подземелья старинных береговых батарей, заросшие часовни в честь Хранителей. Стояла на берегу полузабытая

бронзовая скульптура мальчишки, который когда-то спас город от вражеского десанта. Говорят, он посадил на бетонные сваи прокраившийся в реку монитор противника с чудовищной дальнобойной mortarой...

Мальчик стоял на низком, затерявшемся в траве постаменте, смотрел в заречные дали. Босой, с длинными растрепанными волосами, в просторной матроске с галстуком, в мягких штанах до колен. Был он ростом с Витьку... Однажды, в октябре, Витька и Цезарь подошли к скульптуре и увидели пацаненка лет девяти и такую же девочку, которая накрывала плечи бронзового мальчика старой парусиновой курткой. Ребятишки глянули на подошедших серьезно и без боязни. Мальчик сказал:

— Ему холодно осенью. Пусть будет одетый...

— Конечно, Юкки, — отозвался Цезарь. И объяснил Витьке: — Они здесь часто бывают. А откуда они — не знает никто...

В этом тоже была загадка.

Но главная загадка — Театр Неожиданностей.

Собственно, никакого театра не было. Просто ветхая эстрада без крыши, с железной рамой, на которой когда-то, наверно, крепился занавес. Теперь от занавеса не осталось и воспоминаний. Не было и задника. Декорацией служил заречный пейзаж с вечерним небом. Спектакли всегда ставились после заката.

Может быть, когда-то были здесь скамейки, но теперь зрители смотрели спектакли стоя.

Играли в спектаклях любители. Но, видимо, какие-то особые любители. Было что-то завораживающее в их стремительных ломаных движениях, вскриках, настоящих слезах, долгих, томительных паузах, когда на весь парк наваливалась тишина... Ставили очень разные пьесы: «Короля Артура», «Гамлет», «Барабанщиков», «Сказку о Гадком утенке», «Золушку», «Царя Эдила»... Случалось, что не хватало исполнителей, и тогда актеры стремительно протягивали к толпе руки: «Кто?!» Среди зрителей происходило движение, и один или несколько человек прыгали на сцену, включались в захватывающую игру — смесь декламации, странной пантомимы, фантазии и гипноза...

Почему-то не нравились эти спектакли властям. Иногда раздавались свистки, возникали уланы на своих черных мотодисках (они были похожи на чертей, оседлавших поставленные на ребро сковородки). Зрители, словно проснувшись, разбегались, ругали улан. Актеры же прыгали со сцены назад, в сторону реки. А несколько раз Витька и Цезарь видели, как актер вскидывал руки и словно прошибал собой близкое послезакатное небо. На миг в небе возникала пробоина — черный, заполненный звездами силуэт. Скорее всего, это был хитрый театральный эффект. Но может быть (почему бы и нет?), какой-то известный этим людям способ перехода. Или ухода?..

Так или иначе, была здесь загадка, и в мае Цезарю пришло в голову разобраться, в чем там дело. И Витька волей-неволей отправился с ним. Днем на эстраде и вокруг было пусто. В солнечном тепле порхали желтые бабочки. Пахло гнилыми досками. Никакого волшебства на сцене, конечно, не обнаружилось. Только одно открытие сделали они — сцена была вертящаяся: посреди квадратной площадки, вровень с ней — дощатый вращающийся круг. Механизм, как ни странно, оказался хорошо смазанным. Встаешь на кромку круга, толкаешься ногой, и он послушно, с мягким урчанием подшипников катит тебя, как карусель.

Витька и Цезарь порадовались неожиданному аттракциону, покатались. Витька даже забыл о неудобности, которую всегда ощущал здесь после того ноябрьского вечера. А Цезарь вообще радовался, как дошколенок. Только на каждом обороте он почему-то ойкая и подпрыгивал.

— Ты чего скачешь?

(182)

— Тень по ногам щелкает. Как резинка...

Витька был в джинсах, а Цезарь уже по-летнему, в шортиках. И смешно потирал друг о дружку цыплячи незагорелые ноги.

Неужели правда щелкает тень?

Темная полоса тянулась через площадку от железной стойки до центра круга. Витька повел над ней ладонью. И — будто лопнула тугая бумажная ленточка.

— Странная тень... Чек, это и не тень вовсе. Солнце-то вон где! А это... так, полоска.

— А почему она не движется, когда вертится круг?

— А правда... Но если тень, то... не солнце ее делает.

— А что?

— Не знаю... Что-то...

— Витька, смотри. Это была бы нормальная тень, если бы посередине круга стоял шест. Как раз от него. Как на солнечных часах. Смотри, здесь и цифры были!

На краю дощатого диска и правда краснели остатки стершейся краски. Приглядишься — следы чисел и линий...

— Но ведь никакого шеста нет! Вот, пусто! — Витька скакнул на центр круга. Цезарь за ним... И здесь, в середине круглой площадки на них упала особенная, очень прозрачная тишина.

И в этой тишине отовсюду, не мешая друг другу, зазвучали голоса и звуки:

«Московское время девять часов пятнадцать минут...»

«Внимание, «Сфера!» Эксперимент «Дельта» имеет своей особенностью...» (Это Скицын в радиорубке!)

«Уважаемые господа! Особая комиссия муниципалитета Реттерберга извещает, что лица, лишившиеся биоиндексов, должны получить магнитные регистрационные карточки не позднее...»

«Сашка, негодник! У тебя экзамены на носу, а ты!..»

«...а ежели ты, воевода, со своими сотнями встанешь в Каменном урочище, им и совсем не пройти...»

Витька присвистнул. Цезарь смотрел на него с веселым непониманием.

— Узелок, — сказал Витька. — Ерстка...

— Что?

— Если рассматривать с точки зрения теории Кристалла, здесь какой-то узелок на ребре граней. Аномалия.

— Спасибо, очень понятно, — слегка обиделся Цезарь.

— Не очень... Это вообще непонятно. Но Скицын и Румянцев предсказывали, что такие штуки могут быть. Сбегание волн разных граней в одной точке...

Причем из разного времени... Смотри, тень на девятке. А если... — Витька отбежал на край. Толкаясь пяткой, повернул круг так, что тень легла на стертое число двенадцать.

— Витька, часы!

В центре круга отчетливо слышалось, как бьют башенные часы неизвестных городов. В какой-то приморской крепости ухнула полуденная пушка.

«Уважаемые граждане Вест-Федерации! Двенадцать часов. Служба погоды сообщает, что осадков не ожидается...»

«...орбитальная станция «Марс-двадцать два». Информация для рейсовых грузовых судов: сектор номер четыре закрыт в связи с археологическими изысканиями. Внимание...»

А сквозь голоса — равномерное, редкое и знакомое «щелк... щелк... щелк...», отдающееся в глубине большого колокола.

— Маятник, — прошептал Цезарь. Потому что уже был один раз у Башни.

...Потом они приходили сюда еще несколько раз. И теперь шли снова, потому что этого хотел упрямый Цезарь.

— Чек... А почему твой отец сказал, что если ты

«Аэлита»-90

со мной, то он не беспокоится? Бедь после того случая, осенью... казалось бы, он должен наоборот...

— Почему же наоборот? — Чек глянул ясными удивленными глазами. — Он меня сперва отругал, а потом говорит: «Скажи спасибо Виктору, которого ты втянул в эту авантюру. Ведь он мог сразу уйти в свой прямой переход, а ему это в голову не пришло, тебя спасал, дурня...»

— Как это я мог уйти? — изумился Витька. — Без тебя, что ли?

— Я понимаю... Ну, папа про это и говорил.

— А почему он сказал, что ты втянул меня в авантюру? Ведь это я тебя...

— Да? — очень удивился Цезарь. — Я всегда был убежден, что наоборот...

Они выбрались к эстраде, где, как всегда, было пусто и тихо. Темная черта — «тень от ничего» — лежала на досках.

— Во сколько он орал? — деловито спросил Цезарь. — В шестьнадцать по-вашему? Значит, в двенадцать пятьдесят по Реттербергу... Вот так... — Он, толкаясь сандалией, подвел под черту стершееся число 13, потом слегка отодвинул назад. И отбежал к центру диска. Витька стоял уже там.

Сначала был слышен один маятник. Он равномерно разбивал прозрачную тишину редкими толчками (и в колоколе у Башни отдавалось эхо). Потом зашелестели, захлопали крылья, и отчетливо, будто в соседних кустах, закричал петух.

Цезарь сказал озабоченно:

— Он не сам по себе. Он кричит так, когда Филипп командует: «Голос!»

«Пожалуй...» — хотел сказать Витька. Не успел.

— Эй, вы! Что вы там делаете! — Неизвестно откуда возникла у эстрады дюжина улан. Со всех сторон. Скрестив руки, балансировали на дисках. Все в черном, лишь на одном вместо шлема офицерский берет песочного цвета.

Офицер сказал опять казенным голосом:

— Что вы там делаете? Идите сюда.

Цезарь, сам того не заметив, притиснулся к Витьке. Сейчас — не вечер в ноябре, не убежишь.

А может быть, ничего особенного? Просто здесь нельзя играть? Отругают и отпустят?

Спешным горячим шепотом Цезарь сказал Витьке в щеку:

— Я его знаю... Он был там, в тюремной школе...

— Тогда держись, — выдохнул Витька. — Надо вытерпеть, Чек... — Он рывком поднял Цезаря на руки. Будто раненого. И тот прижался — отчаянно и доверчиво. Понял.

— Эй! — слегка забеспокоился офицер. — Что с ним?

— Сейчас... Подождите... — сказал Витька. И пошел к уланам, на край площадки.

На белесом лице офицера усилилось беспокойство.

— Эй...

— Сейчас, — опять сказал Витька. Прижал Цезаря изо всех сил и шагнул со сцены. В пустоту.

Часть вторая

БАШНЯ И МАЯТНИК

Ярмарка

1

Идти на весеннюю ярмарку Филиппа уговаривали всем домом.

— Там будет ох как интересно! Даже я, старая, иду, — постанывая, убеждала бабушка. И держалась

(194) за поясницу. — Что за дети нынешние, прости господи. Ничего им не надо, ни пряников, ни каруселей... «Нынешнее дитя» оттопыривало губу.

— Айда, Филя, — гудел отец. — Мы там с тобой в электронные шахматы сыграем, будет такой аттракцион.

— Ты же не умеешь в электронные...

— А ты поучишь батьку...

— Ты все равно уйдешь пиво пить.

— Ну и... а потом в шахматы.

— Не пойду...

— А между прочим, — глядя в пространство и будто даже не для Филиппа, а просто так, задумчиво произнесла мама, — будут, говорят, новые игрушки со Стекланного завода. Целые «городки в табакерке»...

— У вас допросишься! В прошлый раз обещали вечный фонарик, а что было?

— Но если не продавали!

— Во-во! И сейчас так скажете.

Мама потеряла терпение, после чего была приглашена соседка Лизавета тринадцати лет. Сокращенно — Лис.

— Дурень, — сказала Лис. — Все же идут.

— И Ежики?

— Вот бал... Извини. Но ты же знаешь, что Ежики вернулся с мамой домой, на Полуостров.

— Ничего я не знаю, — искренне огорчился Филипп. — Как вернулся? Туннель же заблокирован.

— Для кого? Для Пограничников?

Филипп засопел, досадуя на себя за глупость.

— Пойдем, а? — мягко сказала Лис. — Что ты дома-то будешь делать, когда останешься?

— Буду на стадионе змея запускать.

— Один?

— А чего...

Этого-то все и боялись. Оставить Филиппа одного, значит, не радоваться ярмарке, как все люди, а «быть на нерве». Думать: «Не выкинул ли он опять какой-нибудь фокус?» Талантов же фокусы у третьеклассника Филиппа Кукушкина больше, чем надо.

— Нам без тебя на ярмарке будет скучно, — с ненатуральной сладостью в голосе сообщила Лис.

— Да? А кто меня чехлом от зонтика лупил? Не было тогда скучно? А все смотрели, даже не заступились!

— Рэм заступился! И Ежики!

— Это потом, когда ты три раза меня... — Филипп засопел опять. Громче и серьезнее.

Лис насупленно сказала:

— Нашел чего старое вспоминать... А зонтик, думаешь, не жалко? Нашел из чего парашют делать...

— Зонтик ей жалко! А человека...

— Ну, с «человеком» же ничего не случилось. А зонтик...

— А тебе хотелось, чтоб наоборот, — злорадно подытожил Филипп. — Нормальные-то люди радуются, когда человек спасся, а она... чехлом...

— Палкой надо было, — в сердцах сказала мама.

— Да! Ну и идите на свою ярмарку...

— И чего обижаете друг друга-то, — стала мирить всех бабушка. — Перед праздником! Хорошо ли?.. Пойдем, Филюшка, с нами. А я тебе для этого дня рубашку новую пошью, вот гляди-ка, матерьял какой, все смотреть на тебя будут да радоваться...

На стол с шорохом лег отрез пунцового ситца. Роскошного, с отпечатанными на нем желтыми и белыми монетами — разной величины, разных стран и времен. Были тут франки, динары, пфенниги, рубли, талеры, доллары, песо и совсем непонятные дырчатые денежки с иероглифами. И на них, на монетах, — львы, орлы, корабли, всякие портреты, слоны, гербы и даже кенгуру. И конечно, цифры и названия стран... Ну, прямо коллекция.

— А? — улыбнулась бабушка. — Вот будет рубашка... А хочешь, целый костюмчик летний.

Филипп раздумчиво склонил черную кудлатую голову. Облизал перемазанные чем-то губы.

— Ладно... Костюм. С брюками.

— Спятил,— сказала Лис.— Из такой материи брюки?

— Это он, чтоб колени не мыть перед ярмаркой,— разъяснила мама.

— Он их все равно никогда не моет...

Филипп не реагировал на эти безответственные заявления. Его холодное молчание было яснее слов: я, мол, сказал свои условия, а дальше — как хотите.

— Ох, да ладно вам,— решила бабушка.— Пускай, коли ребенку хочется...

Так и получилось, что на ярмарку Филипп отправился в красной с монетами рубашке и таких же великолепных брюках, отороченных к тому же черным блестящим шелком с перламутровыми пуговками. У всех попутчиков этот наряд вызывал изумленные взгляды и порой шумные высказывания, в основном одобрительные.

Попутчиков оказалось немало. Почти все население Лугового, растянувшись по неширокому асфальту, шагало на ярмарку. Можно было ехать на автобусе по недалекому отсюда шоссе, но до Гусиных лугов всего-то километра три, а майская погода стояла — ну, просто лето красное. Вот и двигались пешком.

К асфальту ручейками-притоками сбегались через рощицы и поле проселки и тропинки — от хуторов, от ближней деревни Горенки, от села Стародубова, которое северным краем смыкается с поселком Луговым.

Сам-то Луговой появился здесь не так давно, лет десять назад. Сперва по соглашению с местными властями два приезжих инженера поставили среди лупуховой пустоши энергосборник и радарный импульсатор. Зачем это, никто особо не спрашивал. Эксперимент, наука. Главное, что станция платила совету ближнего районного городка с красивым названием Соловьи положенные отчисления. Потом появились вокруг радара домики и лаборатории. И понемногу стало выясняться, что инженеры и другое население здесь не приезжие, а скорее, ссыльные. Всякими неправдами их, судя по всему, срывали с насиженных мест и перебрасывали в этот небогатый и не очень развитый край. Где эти насиженные места, никто представить точно не мог. В местных учебниках географии таких названий не значилось. За какие грехи этих людей разлучали с детьми или семьями, тоже было неясно. Зато ясно было, что люди хорошие, работа их местному населению не вредит, а сами они приносят всякую пользу. Поставили в Стародубове хорошую школу и дали учителей. Открыли больницу с такой хитрой аппаратурой, какой не то что в Соловьях, но и в далекой отсюда столице не увидишь... Кое-кто из местных жителей стал перебираться в Луговой и находил там работу.

Про энергостанцию рассказывали всякое. Люди, мол, там хотят главного: пробить обратную дорогу через какое-то пространство, вернуться домой и отобрать своих ребятишек у злыдней, которые засадили их в специальные школы, чтобы дети жили и учились без родителей. Что ж, бывает, видать, и такое...

Работа шла туго, путь не пробивался. Могучие одноразовые импульсы образовывали каналы, но всего на несколько секунд. Это не решало вопроса. Тогда попробовали пробить стабильный туннель с Якорного Поля (место недалеко от Соловьев, но странное — не всякий туда находит дорогу). Туннель получился, его соединили с подземной транспортной сетью какого-то не известного здешним жителям Полуострова. Но пользы опять вышло мало, потому что оказалось: оттуда на Якорное Поле кое-как попасть можно, а туда — шиб. Так бы и тянулось это дело, если бы в конце прошлого лета не пробился через туннель

мальчишка — Матвейка Радомир, у которого жила здесь сосланный мать. К матери куда хочешь про- бьешься. Он шархнул навывлет все энергетические толщи и межпространственные барьеры и вышел даже не на Якорное Поле, а прямо у Лугового. Инженеры охнули и принялись что-то считать и анализировать, а туннель с той поры сделался доступным для каждого, будто простой подземный переход под улицей.

Кое-кто из ссыльных вернулся на Полуостров и поднял большой шум в тамошнем парламенте. Возникло громкое «дело Кантора» — бывшего ректора специального лицея. Кантор этот был в руководстве какой-то политической шайки. Он кое-как отмотался от тюрьмы и куда-то исчез. А из туннеля полезли в Луговой всякие делегации с предложениями научных контактов и мирного сотрудничества. И с намеками, что поскольку, мол, в Луговом живут в основном граждане Полуострова, то и должен этот поселок ему, Полуострову, административно подчиняться.

Здесь, однако, терпеливые и добродушные соловьевские власти проявили решительность. Жители Лугового — тоже Улыбчивым чиновникам из параллельного пространства предложено было идти обратно с миром, после чего туннель надежно перекрыли и открывали только с особого разрешения районного Отдела по контактам и научного Совета станции. Мало того, объявлено было даже, что и визиты на Якорное Поле нежелательны. Дорогу туда и до той поры знал не всякий: локальный барьер пространства — штука хитрая. А теперь энергостанция добавила к нему искусственную силовую блокаду.

Но все это мало касалось Филиппа, Лис, ее одноклассника Рэма и нескольких других юных жителей Лугового, для кого Якорное Поле было любимым местом. И локальный барьер, и блокада оказались для них не прочнее мыльной пленки. Взрослым приходилось смотреть на это сквозь пальцы. А что оставалось делать?

Сотрудники станции пытались, правда, обследовать ребят: откуда у этих мальчишек и этой девчонки такой дар природы? На каких частотах система их биополей входит в резонанс с окружающим энергополем? Но приборы не показывали никаких отклонений, сами же ребята лишь пожимали плечами: «Не знаем, как это получается...» А Филипп с самодовольной ноткой разъяснил:

— Потому что мы Пограничники!

— Но ведь пограничники охраняют границы, а вы их наоборот...

— Ага,— нахально сказал он. А потом, когда на него наклеивали датчики, зорал, что боится щекотки, и удрал. А от Ежики отступились, когда он пообедал, покрылся капельками и сказал, что как только начнет про такое думать, ему видится летящий на него поезд...

В общем, странно все это было. Но, с другой стороны, жителей Соловьевского района странности не удивляли. Такое уж, видать, это было место. С давних пор творилось тут всякое. То обнаруживался на местных лугах невесть откуда взявшийся табун золотистых низкорослых лошадок с гривами до копыт и очень умными глазами; то шлепался на болото крупный летательный аппарат с иллюминаторами по поясу и люди из него — с продолговатыми глазами, оливковой кожей и странным акцентом — скупали в раймаге неходовой консервированный напиток «Фрукты-ягоды»; то ясным утром, без намека на дождик, возникало в небе чудное переплетение десятка радуг...

Газеты о таких штуках писали неохотно или не писали совсем. Потому что, если нельзя что-нибудь объяснить и нельзя доказать, что это «что-нибудь» не бывает, остается одно — не упоминать совсем. Мол, и так люди привыкнул. И привыкнул. К разговорам о туннеле, и тому, что время в Соловьях ежегодно отста-

ет от столичного на шестнадцать с половиной минут, что при цветении черемухи здесь никогда не бывает холодов; и к тому, что во время ярмарки появляются иногда люди с нездоровым говором, в странных одеждах и с чудными товарами...

Семейство Кукушкиных двигалось по дороге неторопливо: у бабушки побаливала спина. Филипп шел впереди, но тоже не спешил. Иногда его обгоняли знакомые ребята, в том числе и одноклассники. Они отпускали шуточки по поводу наряда. Естественно, из зависти. Филипп не реагировал.

Потом Филипп увидел, что сбоку пылит рясой по асфальту священник Стародубской церкви. Моложавый, с соломенной бородкой, в модных квадратных очках и твердой шляпе из синтетической соломки.

— Здрассте, дядя Дима! — независимо сказал Филипп.

— Приветствую... О-о! Ты будешь украшением ярмарки... Здравствуйте, — отец Дмитрий раскланялся и со всеми Кукушкиными. — Софья Митрофановна, как ваша поясница?

— Грехи наши...

— Грехи грехами, а к доктору Платонову зашли бы все-таки. И пояс игольчатый рекомендую...

— Дмитрий Игоревич, я записала вас к протезисту на среду, — сказала мама. Она работала медсестрой в зубоврачебном кабинете. — Раньше никак... Филипп занесет талон. Все равно ведь не сегодня завтра побежит к вам, не удержится.

— Благодарствую...

— Наверно, надоед он, — неловко сказала мама. — То и дело торчит у вас...

— Помилуйте! У нас обоюдный интерес. Просто других партнеров такого уровня нет в округе... Да вы не волнуйтесь, Екатерина Михайловна, разговоров на религиозные темы у нас не бывает. Стихийный атеизм этого отрока настолько неколебим, что перед ним бессильна была бы целая духовная академия. У нас один с ним общий интерес — игра...

— Филя у нас голова, — сказал отец. — Он меня в шахматы обшелкивает за дважды два.

— Все бы ему игра, — вздохнула мама. — Да еще лазать, куда не следует...

2

Именно стремление Филиппа лазать, куда не следует, было причиной знакомства его с отцом Дмитрием. В конце прошлого лета настоятель Стародубской церкви застал юного Кукушкина в своем саду сидящим в развилке яблони и дерзко жующим налитой «танькин мячик» — местный знаменитый сорт. Несколько других «мячиков» незванный гость держал в подоле майки.

— Спускайся, дитя мое, — сухомерно пригласил владелец сада. — Побеседуем, так сказать, на одном уровне.

Филипп счел ниже своего достоинства трусливо отсиживаться. Сбросил в траву яблоки и слез. И ощутил на своем запястье прочные пальцы настоятеля.

— Чадо, — ласковым баском спросил отец Дмитрий. — Ведама ли тебе древняя заповедь, Божья и человеческая, которая гласит: не укради?

Вырваться без надежды на успех было глупо и стыдно. Реветь — тоже стыдно. И, главное, преждевременно, Филипп глотнул разжеванный кусок, потом сказал сумрачно и с вызовом:

— Подумаешь, три яблочка...

— Сын мой, — усмехнулся в бородку отец Дмитрий. — Бывало, что и одно яблочко, не вовремя сорванное, меняло судьбы миров и народов. Например, яблоко познания, коим сатана в образе змия искушал Еву... Слыхал?

1981
— Слыхал... Это поповские сказки, — заявил Филипп. Он тут же струхнул от собственной дерзости, но принципы надо было отстаивать.

— Отчего же обязательно сказки? — Голубые глазки отца Дмитрия за квадратными стеклами заблестели от любопытства. Филипп зажал в себе робость и заявил:

— Потому что никакого бога нет.

— Да? — отец Дмитрий словно обрадовался чему-то. — Но не Он ли предал тебя в мои руки, дабы возымела место справедливость?

— Не он... Просто я зазевался.

— Ну что ж... — Отец Дмитрий погрузился. — Оставам тогда богословскую тематику и займемся грешной земной проблемой: что с тобой делать, А?

В тоне священника Филипп уловил какой-то нехороший намек и на всякий случай смирил гордыню:

— Я больше не буду...

— Да? — Бородка подозрительно зашевелилась. Не поймешь: смех в ней или еще что. — Но хотелось бы знать: искренне твое раскаяние или вызвано лишь страхом возмездия?

— Чего-чего? — стыдливо бормотнул Филипп.

— Я к тому, что мне надо решить: в соответствии с какими строками Писания поступить с тобой. Много в нем сказано о милосердии и прощении грехов своим ближним, но есть и такое поучение: «Урок же ему — урок. Лоза же ему — лоза»... Знаешь, что такое лоза?

Филипп догадывался. И понимал, что это гораздо неприятнее, чем пыльный чехол от Лизаветинского зонтика.

— Не-е... — выдавил он.

— Что «не»? Не лоза?

— Не имеете права, — угрюмо заявил Филипп.

— Это отчего же? Если сказано в Писании, что...

— А оно тоже... неправильное! Раз бога нет, значит, и оно...

— Дитя мое, — назидательно произнес отец Дмитрий. — Для тебя оно неправильное, а для меня истинно. Ведь не я у тебя, а ты у меня... гм, в гостях. В чужой монастырь со своим уставом, как известно, не лезут... даже через забор. А посему — пойдём...

Зареветь было самое время. Филипп так бы и поступил, если бы имел дело с простым хозяином сада. Но отец Дмитрий был как бы идейный противник, и остатки гордости удержали Филиппа от унижительных воплей. Слабо упираясь, он семенил за настоятелем.

Тот привел пленника в комнату с узким, защищенным витой решеткой окном, сказал «посиди, чадо» и удалился, шурша одеянием. Щелкнул замок. Филипп беспомощно переступил босыми ногами и стал озираться.

Было сумрачно, тлел в углу огонек лампы и темнели неразличимые лики в искрящихся золотистых обрамлениях. Могучие кожаные книги стояли на полках аж до самого потолка. На покрытом бархатной скатертью столе рядом с магнитофоном «Феникс» дрыхнул серый сытый кот. На подоконнике стоял берестяной туесок с черникой и какая-то странная штука — клетка из тонких проволочных решеток с множеством разноцветных шариков. Створки окна были распахнуты, но решетка начисто исключала возможность бегства.

— Чик!.. — орал в саду невидимый воробей.

Чик!.. — Он явно намекал Филиппу на предстоящие неприятности.

Раздались шаги, у Филиппа опустилось в желудок сердце, но отец Дмитрий явился не с орудием возмездия, а с корзинкой, полной «мячиков», самых отборных.

— Господь Бог милосерд, хотя его и нет по твоему убеждению. Возьми и ступай с миром... Корзину потом не забудь принести.

— Да не надо... вот еще...— забормотал Филипп.— Мне и так хватило уж...

— Бери, бери... А коли захочешь снова, иди через калитку, она незаперта. На заборе же можно и штаны порвать, знаю по себе...

— Через калитку неинтересно,— насупленно признался Филипп.

— Ну... дело вкуса, конечно. Можешь и через забор... Держи корзину-то.

Филипп взял. Вздыхнул. Сказал «спасибо». Потоптался.

— А это что?— подбородком он показал на странную клетку с шариками.

— Это?... Это, брат, игра такая. Хитроумная. Вроде пространственных шашек. Когда они ходят не по доске, а в трехмерном объеме, да еще с учетом проекции на дополнительные пространства... Понял что-нибудь?

— Чего не понять-то...

— Ну, дитя мое, от сомнений в себе ты не заблещешь... Даже я в этой штуке не сразу стал разбираться, хотя сам ее придумал. Давно, когда еще преподавал высшую математику в Южноморском политехе...

Филипп, стучая коленками по корзине, подошел к подоконнику. Провел глазами по блестящим проводкам.

— А если вот эти шарики... синий и красный вот так... пересекающая диагональ свободна для большого черного?

— Постой-ка, чадо,— быстро сказал отец Дмитрий.— Давай-ка поставим эту штуку на стол... Брысь ты, четвероногое... Вот так. Черный большой— это «дамка» с правом скользящего хода и поворота. А это... Нет, давай все в исходное положение.

Филипп уперся невымытыми локтями в бархатную скатерть. Подпер щеки.

— У меня будут черные и желтые...

С той поры отец Дмитрий и обрел достойного соперника в игре, которую постигнуть до конца не могли даже ведущие аналитики Станции...

Матери Филиппа отец Дмитрий сказал правду. Споров о религии они больше не вели. Только иногда, охваченный победным азартом, Филипп нетактично поддевал соперника:

— А что же вам бог-то не помогает?

— Только ему и дела такой ерундой заниматься,— ворчал отец Дмитрий, переживая очередной проигрыш. А когда, наконец, выиграл два раза подряд, на радостях показал Филиппу длинный розовый язык.

— А еще это... служитель культа,— сказал Филипп, крайне раздосадованный поражением.

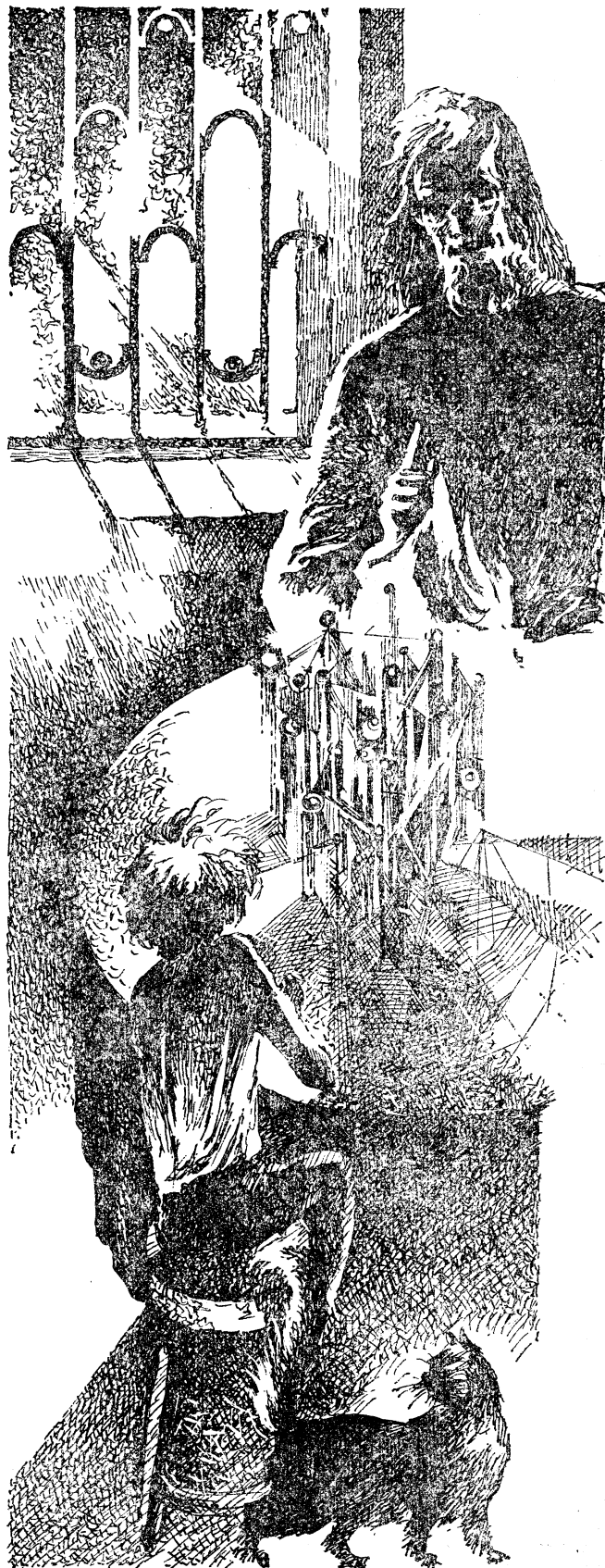
— Грешен. Падок на соблазны и мирские радости... давай еще разок, а?

3

Ярмарка разноцветно и горлесто заполнила Гусиные луга. Уже издали слышен был ее праздничный гул: рекламные крики динамиков, духовые марши и электронные «дзынь-бухи», слитный шум голосов, который прорезали чьи-то веселые и тонкие вопли. От всех этих волнующих звуков сердце колотилось, а ноги шагали все быстрее. Конечно, Филипп уже ни капельки не жалел, что пошел сюда. И вот ярмарка прихлынула вплотную, обняла со всех сторон. Обдала запахами свежих красок, фруктовых леденцов, бензина, лошадей, сиреневых букетов, соломы, стряпни и хлопучесного пороха. Оглушила, завертела...

В такие минуты хочется сразу оказаться везде, все увидеть, все купить, все попробовать. Мама и бабушка ухватили Филиппа за обе руки. Иначе, дело известное,— не сыщешь. Он даже не спорил, только вертел черной кудлатой головой— ошеломленно и

(187)

«Аэлита»-90

молчаливо. Машинально жевал печатный пряник с гербом города Соловьи (непонятная птица, а под ней два скрещенных музыкальных рожка).

Было отчето закружиться голове. Справа, в пяти шагах, на сцене театра-автофургона плясали игрушечные актеры кукольной труппы «Добрый Карабас». Ниток не было — видимо, в массивной крыше фургона пряталось гравитационное устройство с заданной на весь спектакль программой... Слева небритый дядька в удивительно разноцветных лохмотьях показывал электронного попугая, который вытаскивал из коробки карточки с предсказаниями судьбы и картаво орал что-то про пиастры. Сам дядька тоже орал:

— Граждане! Если через три дня предсказание не сбудется, плюньте мне на шляпу!

Адрес дома с крыльцом, где будет выставлена для этой цели шляпа, красовался на плакате на груди у дядьки...

На длинных прилавках громоздились разноцветные груды корзин, матрешек, шкатулок. Искрились и переливались хрустально-прозрачные звери, посудины, игрушки и бусы — продукция Соловьевского хрустального завода.

Тетки в пестрых сарафанах щедро и почти задаром — по копейке штука! — раздавали сверкающих сахарных петушков на пластмассовых стерженьках с названием фирмы (потом десять таких палочек можно обменять на одного петушка).

Худой коричневый старик в белой чалме продавал длинноногих чубатых верблюжат — ростом Филиппу до пояса, пушистых и с ласковыми глазами. Филипп ринулся к ним всем сердцем. Но оказалось, верблюда искусственные, с программным управлением...

Реяли над головами большущие разноцветные шары с клоунскими рожами. А выше их Филипп краем глаза вдруг зацепил сверкающий самовар. Тоже — летающий?

Нет, самовар висел на верхушке высокого желтого столба. По столбу натужно лез парень в синей майке и красных штанах. Метрах в трех от самовара он остановился, посидел неподвижно несколько секунд и поехал вниз.

...— Филлюшка, ты куда?

— Филипп, что за новости!

Но он молча волок бабушку и мать через толпу. К столбу.

Там, у подножья, сидя по-турецки на коврике, командовал полный бритоголовый мужчина с темными, как сливы, глазами и похожим на банан носом. Он продавал билетам желающим лезть за самоваром. Впрочем, после съехавшего парня желающих не было.

— Пуп-то мозолить, — говорили в толпе. — Ишь, надрываешься тут для него... Он, глядишь, билетами-то на машину себе заработает, пока кто самовар его хватит...

— Сколько стоит билет? — неласково сказал Филипп Банану (так он мысленно прозвал хозяина столба и самовара). Его задергали с двух сторон: «Филлюшка, да ты что! У нас есть самовар... Филипп, ну что опять за фокусы! Хочешь шею свернуть?».

Банан поднял глаза-сливы.

— Десять копеек... Ай нет! Какой красивый мальчик! Лезь так. Детки бесплатно... Какой храбрый мальчик! Покажи им всем, что такое ловкость.

Филипп сунул в карман остатки пряника. Лягнув ногами воздух, сбросил растоптанные полкеды. Подвернул выше колен свои роскошные штаны.

— Фили-ипп... — сказала мама. Бабушка что-то шептала и постанывала. Отец посоветовал:

— На ладони поплыви.

Филипп деловито поплывал. Облапил руками-ногами гладкое дерево. Полез рывками, будто приклеиваясь к столбу.

Вокруг притихли. Только отец лупил кулаком о ладонь и басовито вскрикивал:

(198)

— Филя, давай! Жми, сынок!

Мама его дергала за рукав. Она была воспитанная, а отец, хотя и занимал интеллигентскую должность старшего бухгалтера в группе снабжения Станции, часто «вел себя, как грузчик с автобазы». Мама в такие минуты его стеснялась.

— Филя, не сдавайся!

Он и не сдавался. Лез. Сперва было не очень трудно ему — цепкому и легонькому. А на полпути стало ой-ей-ей, приходилось отдыхать. Но что это за отдых, если нельзя ни насколочко расслабить мускулы... Ладно, еще разок. Еще... Заболело в животе, руки и ноги немели и слабели... Ну, еще чуточку... Внизу шумел уже не только отец, а все зрители. Давай, мол, пацан, покажи этому наживале. А чего там «давай», когда уже сердце из затылка выпрыгивает и в глазах что-то черно-зеленое... Обидно до чего: самовар-то вон он, всего за полметра. Еще бы рывочек, другой — и тогда приз и слава, и восторг ярмарочной публики...

Не осталось сил для рывка. Филипп всхлипнул и обморочно поехал вниз.

...Нет, насмешек не было. Наоборот, одобрительный гул: «Во малец! Выше всех забрался... Чемпион! Еще бы маленько... Да ему и так приз полагается, за рекорд!»

Филипп сунул ноги в полкеды. Сказал, ни на кого не глядя:

— Конечно... У него он чем-то намазан, столб-то. Скользкий, как мыло...

— Ай, мальчик, зачем так говоришь! Ничего не мазано, все честно!

— Ты, дядя, не крути! — нажимали два крепких мужичка (видать, приятели отца). — Знаем мы твою «не мазано!» Мальчишка выше всех залез, ему все равно премия положена! За достижение!

Зрители вокруг шумно поддерживали эту идею.

— Ай, граждане-товарищи! Почему премия? Хороший мальчик, да, но ведь не забрался! Если каждому, кто не забрался...

— Это не каждому! Это ребенок! Детям везде скидка полагается, сам говорил!

— Ну какая скидка? Не достал самовар...

— Пускай не самовар! Давай какой-другой приз! Пацан заработал!

— Какой такой другой, граждане?.. Ай, ну хорошо! Хороший мальчик, пусть! Я все понимаю! Рекламал. Гляди, мальчик, выбирай! — Банан, сидя по-турецки, плавно повел вокруг себя ладонями. На разостланных мешках стояли и лежали блестящие сапожки из искусственного сафьяна, плюшевые альбомы с чекалкой, расписные кухонные доски, кованые сундучки и резная портретная рама с потертой позолотой.

Филипп, уже отдышавшийся и ободренный подержкой масс, прошелся взглядом по этому добру. Спросил ревниво:

— А это что? — И дернул подбородком в сторону большущей круглой корзины — перевернутой и накрытой мешком.

— Ай, ну что ты, мальчик! Это совсем не для тебя...

— Давай-давай, дядя, показывай! — заволновались зрители.

— Что за люди!.. Пожалуйста, граждане... На, мальчик, смотри. Хочешь? — Банан поднял корзину.

У врытого в землю колышка привязанный марлевой тесемкой топтался огненный петух.

Зрители на миг притихли. Такой красавец! Крово-авалый зернистый гребень был тяжел, как царская корона. Перья отливали всеми оттенками надренной бронзы и меди. Шпоры на красных лапах — как у старинного драгуна. Ослепленный пестротой и светом, петух помотал гребнем, вопрошительно сказал:

«Азита»-90

— Ко-о?
И вдруг вздыбил перья, рванулся, поднял крыльями вихрь. Что-то хрипло прокричал. Рванулся снова. На людей! Кое-кто попятился даже.

— Во... приз...
Филипп не попятился. Хотя, конечно, сердце боязливо застучало. Петух медленно поворачивал голову, словно выбирая среди зрителей жертву. Топорщился, греб свободной лапой пыль. Но великолепие этой птицы было в сто раз сильнее, ярче его свирепости. И Филипп в двух метрах от петуха сел на корточки.

— Петя... Петя...
«Петя» обратил на мальчишку огненный взор. «Ох, беда», — понял Филипп, но поздно. Петух рванулся, оборвал завязку. Филипп кувыркнулся назад и бросился от этого густка перьев и злости. Под перепуганные и насмешливые вопли, под хохот...

За несколько секунд мальчишка и петух пролетели сотню шагов среди прилавков, ларьков, телег и автофургонов. На задах какого-то павильона поскользнулся Филипп на устилавшей землю соломе. Брякнулся, перелетел через голову. Сел. А петух... он тоже затормозил. Он ходил боком в трех шагах, клочкотал, как раскаленный чайник, рыл солому когтями и тряс гребнем. И глядел на Филиппа глазами с оранжевым ободком. Филипп сообразил, что сию секунду петух еще не бросится. Чего-то ждет. Может, вырабатывает тактику? Обдумывает? Используя спасительную отсрочку, Филипп торопливо сказал:

— Ты чего, дурак? Я с тобой по-хорошему...

— Ко-о? — недоверчиво отозвался петух. В его оранжевом глазу, кажется, поубавилось непримиримости.

— Ты такой красивый, — полушепотом приласкал его Филипп.

— Ко-о... — согласился петух со скромным самодовольством и перестал рыть солому. Перья пригладились.

С ласковым упреком (в точности как Тамара Семеновна в их третьем классе) Филипп заговорил снова:

— Ты такой умный, а так себя ведешь. Ты же сам себя подводишь...

Петух шевельнул крыльями (так люди смущенно поводят плечами). Бормотнул. Что, мол, такого я сделал-то...

Филипп нащупал в кармане огрызок пряника, раздавил его пальцами на крошки.

— Петя, иди... На, поклуй.

Петух перекинул на другой бок гребень. И другим глазом глянул на Филиппа. Потоптался. Подумал. Подошел.

Клюнул.

Деликатно так поклевал крошки на ладони, будто и не гонялся только что за этим мальчишкой.

— Ко-о...

— Хороший...

— Ко-о...

Филипп осторожно прошелся пальцами по шелковистым перьям. Погладил мизинцем гребень. И... то ли от его руки тепло передалось петуху, то ли от петуха Филиппу, или вообще это было что-то другое, но стало ясно: отныне Петька и Филипп никогда не сделают друг другу ничего плохого.

Не обращая внимания на сбжавшихся людей, Филипп выдернул из полукедов шнурки, соединил морским узлом, привязал конец к петушиной лапе.

— Пойдем, Петя...

Навстречу спешило все семейство Кукушкиных.

— Ты с ума сошел!

— Филюшка! Господь с тобой...

— Ай да Филя!

— Вот, — сказал Филипп Банану. — Всё. Я его забирал!

— Филипп! Ты рехнулся? — Это мама, конечно. —

(199) Петуха нам еще не хватало! Где он будет жить? Товарищ... э... продавец!..

— Ай, мальчик! Ты молодец, но это нельзя! Это не приз! Другой товар!.. Бери, что хочешь: вот сапоги, вот сундук. Петуха нельзя!

— Сами же сказали, а теперь нельзя! — взревел Филипп.

— Шутка была! Петух по другому списку. Вот, смотри, преискурант! Хочешь, доплачивай десять рублей. Или старый рубль серебром...

Филипп мокрыми глазами обвел толпу. Но то ли сменились уже зрители, то ли изменилось их строение.

— А ты потряси рубаху-то, — послышался добродушный совет. — Глядишь, и насыплешь денег, сколько надо. Вон их на тебе...

— Мама! — отчаянно сказал Филипп.

— Не выдумывай!.. Отдай дяде веревочку.

— Па-па!

— Ну, Филя... Если мама...

Вот так! Когда на столб лезешь, «Филя, давай!» А тут — «если мама»... Филипп закусил губу, чтобы не ревать при всех, рывками раскрутил вниз штанины и пошел прочь, ни на кого не глядя. Семейство Кукушкиных, смущенно окликав сына и внука, двинулось за ним. К счастью, очень скоро повстречались в толпе Лис, Рэм и Глеб — старший Рэмкин брат.

— Ребята, скажите хоть вы ему! — взмолилась мама. — Петуха захотел... Пусть он с вами погуляет, а нам еще надо в продуктовые ряды... Иван, ты где?.. Ну конечно! Сбежал уже пиво пить. Теперь не дожидешься...

Филипп остался с ребятами. Но смотрел неласково. А как еще на них смотреть? Вчера только Лис угваривала: «Нам без тебя скучно будет», а сегодня слиняла куда-то без него... Но Лис быстро сказала:

— Погляди, что мы тебе купили.

Она протянула стеклянный мутновато-прозрачный шар величиной с отборный «танкин мячик». Внутри что-то шевелилось и переливалось. Шаромультик! Эти игрушки делали на Стеклянном заводе по какому-то хитрому и таинственному рецепту. Берешь такой шарик в руку, пристально смотришь на него, и внутри появляются всякие фигурки, звери, кораблики, домики. То ли от тепла, то ли от действия биополя. Если постараться, можно увидеть то, что задумал. И даже целое кино прокрутить силой своего воображения. Редкая была игрушка, многие о такой мечтали. И Филипп... В другое время он возликовал бы, конечно, и простил бы Лис все прошлые обиды. Но сейчас только сдержанно вздохнул:

— Спасибо...

В шарике, который лег ему в ладонь, появился огненный петушок. А в голове — мысль: что если попытаться продать шаромультик за десять рублей? Или за старый серебряный рубль, какие ценились в Соловьях наряду с бумажными червонцами?

Но кто купит у мальчишки?

Филипп глазами пробегался по толпе. И вдруг сказал быстро:

— Стойте, я сейчас!

Через некоторое время с ярмарки домой двигалась такая компания. Впереди Филипп с тяжелым и смиренным Петькой на руках. За ним — Лис, Рэм и Глеб. Потом охающая бабушка, смущенный отец (найденный в пивном павильоне «Оазис») и мама. Рядом пылил отец Дмитрий с набитым покупками спортивным рюкзаком. Он был тоже смущен.

Мама говорила:

— Ну, право же, Дмитрий Игоревич, вы сами как дитя. Один подлетает: «Дайте взаймы», а другой сразу...

— Но, Екатерина Михайловна, не взаймы я, а от души. Ибо сказано, что ежели во благо ближнему, то...

— Во благо этому ближнему! А нам какво? Где мы будем держать такое чудовище?

— Что одно чудовище, что два...— хихикнула Лис.

— Екатерина Михайловна! Да я же и не уразумел сразу, что за петух-то... Оно ведь как было. Чадо подбегает: «Ой, скорее, очень вас прошу, а то кто-нибудь раньше меня купит». Я полагаю, игрушка какая-то, а не живая божья тварь... А в кармане с давней поры лежал этот рубль серебряный, с орлом еще, экспонат музейный, можно сказать. Я и не думал, что когда-то понадобится. А тут вижу: сам Господь предрасположил.

Филипп шевельнул лопатками, давая понять, что, хотя он и благодарен отцу Дмитрию, но тем не менее отвергает его религиозную трактовку событий.

— Господь...— вздохнула мама, примиряясь с неизбежным.— Деньги Филипп занесет сегодня. Рубля такого нет, конечно, так что бумажную десятку...

— Помилуйте, Екатерина Михайловна! Я бескорыстно, чтобы дитя радовалось...

— Занесет, занесет... Все равно, небось, отправится к вам в эту сумасшедшую головоломку играть...

— Ага, мы придем,— сказал Филипп и ласково подул на Петькины перышки.

Стеклоянные ступени

1

Сначала все шло обыкновенно. Гэм и Глеб выпросили на Станции несколько ящиков от аппаратуры, ловко разобрали их на рейки и сколотили во дворе у Кукушкиных большой курятник. Точнее, петушатник, потому что это было персональное жилище для Петьки. Петька там ночевал. А днем ходил по всему Луговому, ухаживал за курицами, время от времени лупил местных петухов—то есть вел обычную жизнь первого красавца и кавалера. Почти никого из людей к себе не подпускал. Только к матери и бабушке Филиппа относился снисходительно, поскольку они подсыпали в петушатник зерно и ставили воду. И еще он побаивался Лис (может быть, из-за лисьего имени этой девчонки, а скорее всего—вслед за хозяином). С некоторым уважением относился и к отцу Дмитрию. Возможно, и впрямь понимал, что благодаря ему попал к Филиппу.

Когда Филипп и отец Дмитрий в садовой беседке двигали по пересеченным проволокам похожие на зерна разноцветные шарики, петух, стоя на перилах, смотрел на это дело с одобрением и порой что-то советовал Филиппу:

— Ко-о...

С Филиппом они жили душа в душу. Где бы Петька ни гулял, стоило Филиппу посвистеть или покричать, как пышный кавалер оставлял млеющих от восторга хохлаток и пеструшек и мчался к своему другу. Часто они гуляли вместе (конечно, уже без всякого шнура на ноге). Бывало, что Петька в порыве нежности и преданности взлетал от Филиппу на плечо. Это, по правде говоря, было не очень приятно: лапы у него когтистые, сам тяжелый. Филиппа перекашивало на один бок, жесткие перья терли щеку и ухо. И все-таки это здорово: пройтись по поселку с такой грозной и роскошной птицей на плече. Правда, находились дураки и завистники, кричавшие в спину: «Ха-ха! Два петуха!» Они, очевидно, намекали на яркий костюм Филиппа. Но известно, что умные люди на глупые шутки внимания не обращают. К тому же стоило обернуться, как насмешники драпали.

И все было прекрасно до одного странного случая. Шел Филипп с петухом на плече по главной улице Лугового (пустой по причине жары и рабочего времени), и вдруг Петька затоптался, заклекотал по-

(190)

орлиному, махнул крыльями, перепугав и чуть не свалив хозяина с ног. Взмыл и... растворился в ясном воздухе—в тишине, солнце и запахе доцветающей сирени.

— Пе-еть!— заорал Филипп в пустоту. Потом потерпел и обиженно сел на край плиточного тротуара. Прямо хоть плачь, хоть голвой стучайся: «Что с ним? Куда он? Неужели насовсем?»

Оказалось—не насовсем. Вскоре Петька шумно спланировал из пустоты и затоптался рядом. Он был, кажется, смущен, однако прятал это под некоторой развязностью. Ничего, мол, не случилось, не стоит и говорить...

— Ты где был, паразит?

Петька сделал вид, что внимательно оглядывает окрестности.

— Через барьер куда-то мотался? Умеешь, да? А кто разрешил?

— Ко-о...— уклончиво сказал Петька.

— В следующий раз только попробуй смотаться один!

Петька попробовал. Через сутки. Сидя на своем петушатнике, он издал тот же орлиный клич и вскинул крылья, но Филипп ухватил его за лапы.

...Махнуло ветром. Черным ветром пустоты, как во сне. Помчались мимо не то искры, не то звезды. И сам Филипп куда-то помчался—то ли вверх, то ли вниз. Душа замерла сразу и от жутости падения и от восторга. Филипп заорал и зажмурился. Но глаза тут же «растопырились» опять. Пальцы отчаянно сжимали петушиные лапы. Петька разгонял крыльями черноту. И тоже орал—не то от ужаса, не то от радости.

...Они приземлились на странной лестнице. Она висела среди звездного пространства и плавными поворотами уходила вверх и вниз. Там и там в бесконечности. Филипп крепко щелкнул о ступень новыми (лишь накануне купленными) сандалиями, поскольку сел. Ступени были из очень скользкого стекла. Петька дернулся, вырвался, встал рядом, неловко заскреб лапами по стеклу. Сорвался, покатился по ступеням—этакий вопящий «кукареку» шар из огненных перьев. Филипп хотел вскочить, тут же грохнулся и тоже заскользил по лестнице, пересчитывая ступени. И через всю свою перепуганность и боль от ушибов замечал все-таки, что при каждом толчке, на каждой ступени он видит разное.

...Очень синее небо, а в нем похожие на планеты зеленые и коричнево-голубые шары.

...Переплетение громадных зеркал, в которых отразилось множество Филиппов и Петек, причем в разных позах.

...Скрученные винтами белые постройки и мосты над скалистыми бухтами, в которых клубилась темнота.

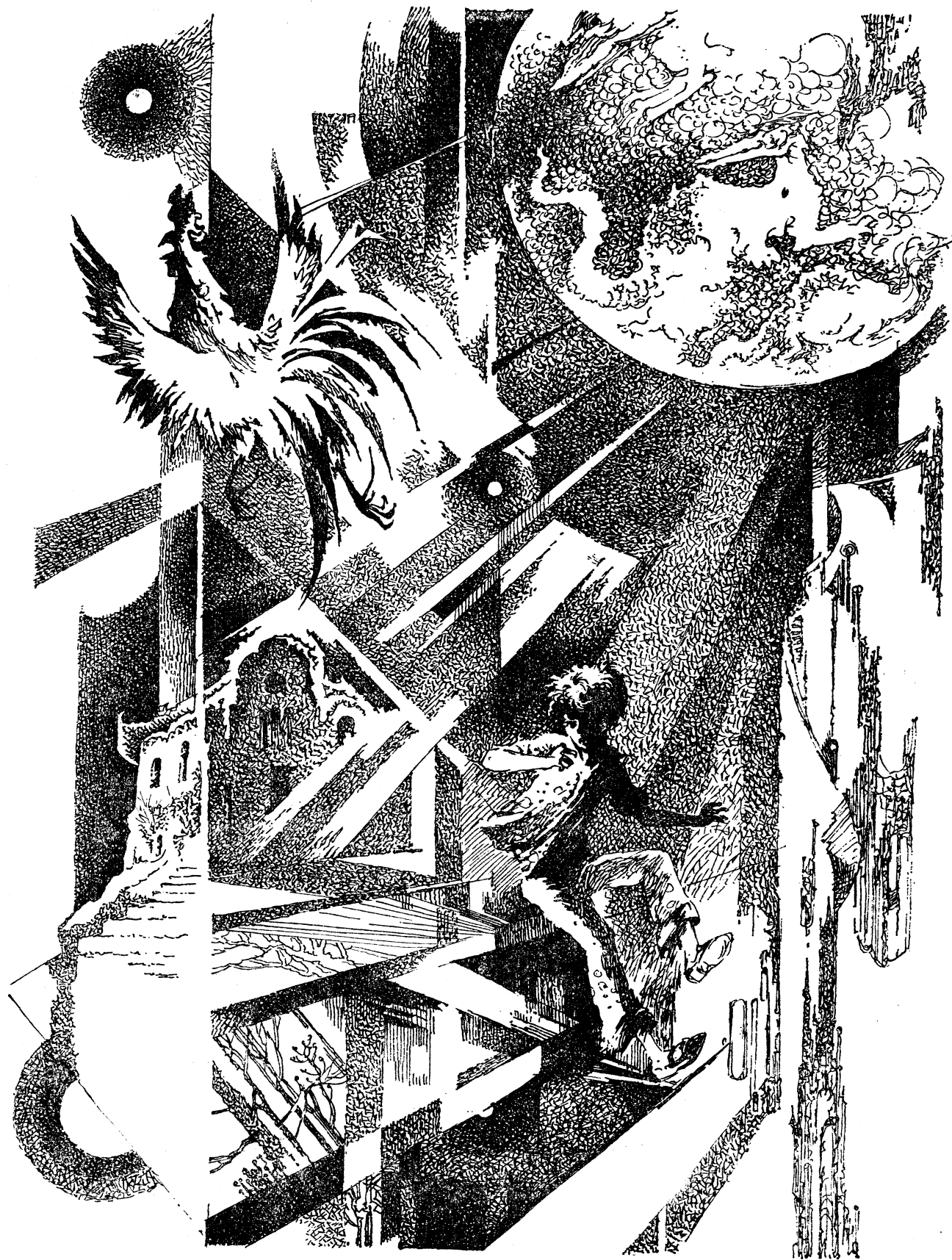
...Повисший в оранжевом пространстве жидкий, как исполинская капля воды, прозрачный шар, в котором плавали какие-то чешуйчатые звери.

...Поле с желтой травой, где сшибались в дикой скачке всадники в блестящих, как самовары, латах...

Наконец Филипп треснулся крепче прежнего и увидел себя на громадном—до горизонта—поле из ровного темного стекла. Глубоко под стеклом шевелились не то растения, не то шупальца. Это было страшновато, и Филипп глянул вверх. Светили сразу три солнца—два белых и голубое. Они слепяще отражались в стекле. Кое-где подымались высоченные белые сооружения, похожие на перевернутые шахматные фигуры—узкая часть внизу, а наверху—круглая площадка. На одну такую площадку опустился с высоты большущий черный шар—мягкий, приплюснутый, с неприятным крысиным хвостом...

Петька плюхнулся рядом с Филиппом и опять

«Алига»-90

скреб лапами по стеклу. Наконец встал. Махнул крыльями, и... нет его!

— Ты куда?! — завопил Филипп.

«...Да... да... да...» — звонко заголосило отовсюду эхо.

Ох как жутко стало Филиппу. Он отчаянно скользил, поднялся, брякнулся опять на коленки... Где он? Что теперь будет? Ясно одно — реветь и звать на помощь бессмысленно. А подлый Петька рванул куда-то в одиночку. Куда?! Филипп зажмурился от горького отчаяния. И снова как бы увидел лестницу. Но не просто так, а в перекрестье светлых нитей... что-то очень напоминающих. Может, игру в многомерные шашки? На скрещении нитей дрожали цветные огоньки, словно что-то подсказывали. Так бывает, если заблудишься среди улиц, на которых раньше не бывал, и вдруг видишь знакомое: трамвай с известным тебе номером или привычную телевышку за чужими крышами... Такими были эти огоньки. И Филипп не успел разобраться, что означает каждый из них, потому что ближний — оранжевый, трепыхающийся — был, безусловно, беглец Петька... Догнать бы только!

Филипп, скользя, опять встал. И опять зажмурился. Вытянул вслед за Петькой руки. Он знал, что надо лишь оттолкнуться для прыжка. Но подошвы снова раскатились. Филипп, наконец, догадался, сбросил сандалии. Босыми ногами стоять на стекле было надежнее. Оно оказалось прохладным и плотно прилегало к ступням. Филипп стремительно присел и прыгнул... в темноту, расчерченную светлыми нитями бесконечной координатной сетки. За петухом...

Они приземлились прямо во дворе. Филипп сказал:

— Ты у меня еще побегай, котлета по-киевски. Доиграешься... — Он был очень сердит. Но Петька повел себя виновато и лживо. Ходил следом, говорил свое «ко-о» извиняющимся тоном и словно объяснял: «Я же хотел как лучше».

А может, он и правда хотел научить Филиппа свободно путешествовать по космической лестнице и по всяким дальним краям?

...В следующий раз Филипп не стал хватать Петьку за ноги, а просто рванулся следом. И опять они оказались на лестнице. Петька держался рядом. Босой Филипп не скользил... Прежде всего он, зажмурившись, отыскал среди переплетений сетки точку вчерашней посадки на стеклянном поле. Надо было забрать сандалии, а то бабушка и мама покоя не давали: «Где ты, растяпа, их посеял?»

Дело едва не сорвалось. Потому что, приземлившись на площади под тремя солнцами, Филипп увидел перед собой черный мягкий шар. Высотой метра два. Это была голова! С мясистым носом, толстыми губами и зелеными задумчивыми глазами (каждый — величиной с тарелку). От макушки тянулся тонкий-тонкий хвост. Кончиком хвоста шар держал сандалии Филиппа на уровне глаз, рассматривал.

Филипп шлепнулся. Толкаясь пятками, отъехал на задку подальше. И тоненько сказал «здрасьте». Шар отвел сандалии от глаз и глянул на Филиппа. И тому очень захотелось домой. Но... без сандалий-то совсем со свету сживут. Филипп глянул на них и робко сказал:

— Это мои. Я вчера оставил...

Голова улынулась, показав белые (размером со стакан) зубы и розовую внутренность метрового рта. Петька перепуганно завопил и кинулся в пространство. Филипп не кинулся, потому что обмер. Голова, улыбаясь, поставила перед ним сандалии, беззвучно взмыла и села на площадку ближней башни.

— Спасибо... — слабым голосом сказал Филипп и поспешил за Петькой.

(192)

...Потом они бывали в разных местах. Гуляли по громадному городу со стоечными домами, непонятными машинами и причудливо одетыми людьми, которые говорили на каком-то птичьем языке, а на мальчишку с петухом не обращали внимания. Приземлялись на берегу зеленого озера, в глубине которого можно было разглядеть стеклянные здания с огоньками. Бродили по каменным коридорам с выбитыми на стенах непонятными надписями. Видели (правда, издали) стада косматых мамонтов на желтой равнине под бледно-полосатым холодным небом...

Конечно, Филипп хвастался перед ребятами своими путешествиями. Конечно, те не верили. До той поры, пока он однажды не исчез вместе с Петькой у них на глазах. Через десять минут он принес им керамическую плитку с улыбочивой шестипалой и крылатой кошкой — от пустого красивого здания, которое одиноко стояло посреди волнистых песков под зеленым безоблачным небом, где светило маленькое солнце и висел великанский бледный полумесяц.

Тогда поверили. Рэм сказал:

— Ты там осторожнее, шею не свихни. — А что он мог еще сказать? Все равно не удержишь, не запретишь. А Лис заметила:

— Ты небось там все стены исписал: «Здесь был Филипп».

— Сама такая... — обиделся Филипп. Что он, в самом деле, совсем дурак? В третьем классе уже проходили охрану памятников и заботу о природе...

2

Иногда Петьке все же удавалось удрать одному. И Филипп отправлялся на поиски. Теперь это было нехитрым делом: с крыльца или с забора бултых в пустоту! Оглянешься в полете, прикинешь среди пространственной сети, где искать беглеца — и туда. А он — то с дикими курами среди лиловых зарослей и громадных, похожих на беседки грибов, то червей ищет на берегу белого, как молоко, пруда, в котором басовито квакают исполинские, больше самого Петьки лягушки...

А однажды Филипп выследил Петьку на обыкновенном дворе, у дощатого дома рядом с железнодорожной насыпью. По двору ходили белые пыльные куры, но Петька был не с ними. Он беседовал с мальчишкой. Мальчишка этот — старше Филиппа года на три, худой, в пятнистых шортах и майке, загорелый, хотя всего лишь начало лета — сидел на корточках и говорил Петьке:

— Цып... Кригер... Откуда ты взялся? Это ты?

Петька снисходительно кивал гребнем и говорил свое «ко-о», будто соглашался. Не нападал!

— Это не Кригер, а Петька, — ревниво и дерзко сказал Филипп. — Он мой!

Мальчишка встал. И обезоружил Филиппа улыбкой.

— Здравствуй... Твой? Ну и хорошо. А где ты его нашел?

Так Филипп Кукушкин познакомился с Витькой Моховым, а скоро и с Цезарем Лотом. Те не стали заявлять хозяйские права на петуха, хотя Витька твердо был уверен, что это Кригер, занесенный в Луговой в результате неудачного (или, наоборот, удачного) эксперимента.

— Главное, что живой! — радовался Витька.

Филипп все же спорил сначала:

— А почему он тогда к вам ни разу не прилетел обратно?

— Я тоже удивляюсь... Может, напугался после того опыта и не хочет. А может, забыл дорогу... Все равно это он! Смотри, он откликается на Кригерал!

Так и звали потом — то Кригером, то Петькой. Витька и Цезарь оказались люди что надо! Над костюмом с монетами не смеялись, «исумытиком» не

«Алигатор»-90

сбывали, разговаривали всегда так, будто они и Филипп одинаковые по возрасту. И все объясняли понятно. Витька сказал, что полеты в темном пространстве со звездами называются «прямой переход», и очень завидовал, что Филипп переносит это дело шутя. Сам Витька при каждом переходе непонятно от чего мучился, а Цезарь и совсем летать не мог. Но все равно они были отличные ребята, и Филипп даже сказал однажды Витьке:

— Ты похож на Ежики...

— На каких ежиков?

— На Ежики. Так одного моего друга зовут. Он тоже такой же... никогда не дразнится. Только он сейчас уехал на Полуостров. Через туннель. Жалко...

— А разве ты не можешь его навестить?

— Через туннель? Мама не пускает...

— Да нет же! Переходом!

— А как?.. Я... не знаю, куда...

Понадобилось несколько часов, чтобы обсудить все свойства прямого перехода и сделать кое-какие выводы (Цезарь, бедняга, конечно, только слушал да вздыхал). Стало ясно, что переходом этим попасть можно не в любую точку, не набум куда-то, а лишь в такое место, где тебя кто-то ждет, или туда, где ты кого-то или что-то ищешь, или с кем-то хочешь встретиться. Короче говоря, надо знать, куда стремишься...

— Петька, выходит, тоже знал,— заметил Филипп.

— А ты думал! Кригер — не дурак, зря не полезет... И обрати внимание: он ведь ни разу не сунулся в какой-нибудь мир с метановой или аммиачной атмосферой или с большими опасностями. Только туда, где можно жить и дышать...

— Ох, ребята,— вдруг встревожился Цезарь,— а если Филипп в каком-нибудь уголке Вселенной подцепит вредные бактерии и занесет к людям эпидемию? Всякое может быть.

— Почему это именно я? — обиделся Филипп.

— Но Витька ведь так далеко не летает...

Филипп подумал.

— Не-е... По-моему, межпространственный вакуум,— он сказал эти новые для себя слова очень солидно,— уничтожает всякую заразу... А я уцелел. Значит, я хороший.

— При чем здесь ты? — удивился Цезарь.

— Лис вчера сказала, что я хуже, чем...

Посмеялись. Потом порассуждали (в основном Витька) о различии между прорывом через локальные барьеры и прямым переходом. Пришли к выводу, что разница такая же, как между почтой восемнадцатого века и радио. У прямого перехода все другое — и физические законы, и скорость... Барьеры и туннели между гранями, видимо, кое-кому были известны еще в древности. А вот чтобы мгновенно просверлить толщу Кристалла...

— Ну, расхвастались,— вдруг сказал Витька, посмотрев на Цезаря.— Сами еще, как слепые котята...

Ну, конечно, не такие уж они были слепые. Ведь пространственную сеть с координатами они в полете видели оба — и Витька, и Филипп. Витька объяснил, что если Филипп захочет и постарается, то сможет, наверно, отыскать в этой сетке и Полуостров, где живет Ежики.

Филипп поверил. И попробовал. Полуостров и дом Ежики он «вычислил» и побывал там. Причем один, без Петьки. Но это случилось позже. А сперва они побывали на Якорном Поле. Филипп и Витька, без Цезаря.

Наверно, Цезарю было обидно. По крайней мере, так думал Витька. И пришлось немало поломать голову, пока наконец не нащупали путь от Реттерберга до Якорного Поля не прямым переходом, а через локальные барьеры и вдоль Меридиана. Не близкая оказалась дорога, но все-таки однажды на поле, где лежали в сорняках ржавые якоря и стояла

(193) старая кирпичная крепость-кронверк, сошлись Филипп, Витька, Цезарь, Лис, Рэм и Ежики.

Разные и чем-то похожие друг на друга. Может, тем, что знали о переходе и умели проходить сквозь барьеры? Одни больше умели, другие меньше, но все равно каждый мог шагнуть хотя бы через одну границу пространства. Потому и Пограничники.

Они понимали друг друга, и потому им было хорошо вместе. А может быть, и не только поэтому. Просто на стыке, на границе разных пространств судьба свела своими тропками людей, которым предназначено было стать друзьями. Тут не разберешься. Да никто и не думал разбираться. Сходились вместе и радовались друг другу...

Два раза собирались на Якорном Поле, а потом Филипп вывел их к Башне...

3

Лето было бесконечным. Казалось, кто-то растянул его, чтобы вместились как можно больше событий. Стояла еще первая половина июня, а с Филиппом случилось такое множество приключений, что хватило бы на целый год: и полеты с Петькой, и новое знакомство, и визит на Полуостров, и встречи на Якорном Поле... А потом было вот что.

Однажды Петька удрал опять, и Филипп нашел его среди степи с клочковатым кустарником и пестрой травой. В траве кое-где стояли серые каменные идолы ростом со взрослого дядьку, но в три раза толще и с неласковыми лицами без ртов. Они были горячими от солнца. Солнце, белое, как расплавленное серебро, светило в бледном от зноя небе. Густо пахло какими-то цветами.

Петька разгребал землю у подножья идола. Он покосился на Филиппа, сказал свое «ко-о» с большим недовольством, замахал крыльями и пропал. Видимо, сбежал домой, уклоняясь от неприятных объяснений.

Филипп оглянулся. Место было неинтересное, разглядывать особенно нечего. Он зажмурился, чтобы сигануть вслед за Петькой. В глазах плавали от солнца зеленые пятна, сетка не появлялась.

Вначале Филипп не испугался. Вдохнул поглубже, зажмурился еще раз... и почувствовал себя как в душном, обложенном ватой мешке. Жара и сладкий запах кружили голову, лишали сил. И Филипп с нарастающим ужасом понял, что нет у него прежней силы, прежнего умения бросаться в пустоту между разными пространствами. Знойный воздух степи обволакивал, растворял его в себе.

Он встряхнулся, отчаянно заорал:

— Петька-а-а!

Но голос увяз в солнечной тишине. Степь держала мальчишку в плену.

Филипп заревел. Ужасно захотелось домой. И не то чтобы он понял умом, но ощутил душой, в какой страшной, непреодолимой дали оказался вдруг от своего Лугового... Это ощущение было таким жутким, что даже слезы остановились. И тут же высохли на щеках под белыми лучами. Филипп, раздвигая высокую траву с желтыми зонтиками цветов, побрел, не зная куда... Хотел еще раз крикнуть Петьку, но голос осекся...

Он шел довольно долго и вдруг услышал сзади равномерные толчки. Это рысью догонял Филиппа всадник. Полуголый мальчишка на рыжей длинногривой лошадке.

Нельзя сказать, что все в жизни встречи с незнакомыми мальчишками проходили у Филиппа гладко. Но сейчас он просто возликовал. Все-таки живой человек, настоящий! Не какой-то каменный идол или громадная башка с крысиным хвостом. Тем более, что похож был мальчишка на знакомого четвероклассника Стасика Блинцова, человека незадиристого и разумного. Курносый лицом похож, короткой бело-

(194) брысой стрижкой, редкими веснушками, глазами с золотинкой. Плечи у мальчишки шелушились от загара, на груди на цепочке висело что-то круглое и блестящее. Вместо штанов — не то повязка, не то юбочка с бахромой.

Это все разглядел Филипп, когда лошадь стала в двух шагах. Мальчик смотрел с седла спокойно и по-хорошему. Даже понимающе как-то.

— Хто-у... — сказал он негромко. Или это означает «кто ты», или приветствие на здешнем языке.

— Филька я, — насупленно объяснил Филипп. — Кукушкин. Заблудился... Из Лугового я. Понимаешь? — А что он мог еще сказать?

Мальчик, наверно, не понял. Но и не удивился. Проговорил что-то еще по-непонятному. Филипп виновато пожал плечами. Тогда всадник протянул руки: лезь ко мне. Нагнулся, ухватил Филиппа за локти (сильный такой!), дернул вверх. И Филипп оказался на лошади, впереди седла. Лошадь оглянулась, весело фыркнула, обдав ветром Филькины босые ноги.

И поехали... Было тряско, не очень-то удобно, зато здесь, выше над землей, сонно-сладкий запах цветов был слабее. Слово сквознячком повеяло, и у Филиппа появилась надежда. Он хотел спросить: куда едем и зачем. Но мальчик сказал:

— Ха-атта! — И лошадь перешла на галоп. Верхушки трав захлестали Филиппа по ступням. Он ойкнул, вцепился в гриву. Налетела встречная тень, хотя в небе — ни облачка. Что-то лопнуло, зазвенело, будто проскочили сквозь натянутую пленку. Филипп увидел, что уже вечер — желтый закат над пологими холмами, которых до сих пор не было. Увидел странную, косо стоящую башню. Было прохладно, пахло осокой...

Лошадь стала, мальчик соскочил, помог слезть Филиппу. Повел по сторонам тонкой рукой с расщепленным локтем. Сказал что-то по-своему, но Филипп его понял. Не слова, а смысл понял: «Сейчас иди, не бойся. Отсюда дорога куда хочешь...»

Филипп зажмурился. И точно — все теперь было, как полагается. Светилась в пространстве сеть, дрожал в ней желтый огонек — дом в Луговом.

Филипп открыл глаза, встретился взглядом с мальчиком и почему-то смутился, засопел. Мальчик смотрел, словно спрашивал: «Ну что? Все хорошо теперь?»

— Ага... — сказал Филипп. — Спасибо... А ты кто? Ты сюда придешь еще? — Ему не хотелось почему-то расставаться.

Мальчик понял или не понял, но кивнул. Вскочил в седло, показал на башню, потом вокруг. Сказал что-то, улыбнулся, стукнул голыми пятками о лошадиные бока. Поскакал и пропал за башней, будто не было...

Прежде всего Филипп слетал домой. Изловил Петьку и посадил его за вредность на целый день в петушатник. И сразу вернулся к башне. Задрал голову.

— Как ты не падаешь, а?

...Потом, когда ребята стали собираться здесь регулярно, они все разглядели внимательно. Однако многое осталось непонятным.

На свете давно известны падающие башни: Пизанская, Невьянская, Дум-тоор в марсианской Долине Льда и так далее. Но эта из всех из них была, без сомнения, самая падающая. По всем законам гравитации следовало ей грохнуться и рассыпаться. А она стояла неколебимо. И, видимо, очень давно. В какие-то неведомые времена и неведомо кто сложил башню из громадных плохо отесанных глыб. Четырехгранная, с полукруглым входом без дверей, с черными щелями окон-бойниц на разной высоте, она сильно суживалась вверх, и увенчивала ее крыша в виде пирамиды, с кривым ржавым копьём. Скорее всего,

крыша была из полуистлевшего теса, но как следует не разглядишь: высища-то метров пятьдесят. Стояла башня так косо, что сперва и подходить было боязно. Потом привыкли. Тем более, что внутри башня вовсе не казалась наклонной. Стены уходили вверх строго вертикально и терялись в желтоватой полумгле — потолка не было видно. Надо сказать, что вообще башня внутри казалась гораздо просторнее, чем снаружи, а высота представлялась совсем какой-то недостижимой. И вот из этой-то клубящейся и словно чуть-чуть подкрашенной закатом полумглы спускался ржавый граненый, толщиной в руку, стержень маятника.

О маятнике особая речь. Он был громаден. Литой, из потемневшей меди, метровый шар был надет на стержень невысоко от пола. Точнее — от круглой, размером почти с цирковую арену площадки, усыпанной крупным гравием и огороженной низкими гранитными брусками. Страх подумать, сколько этот шар весил.

Маятник двигался. Вечных двигателей, конечно, не бывает, но, видимо, качала его какая-то скрытая энергия, или запас изначальной инерции был так велик, что сохранился на века. Шар плавно ходил над площадкой — семь секунд туда, семь обратно. Когда он останавливался на миг у гранитного поребрика, что-то звонко щелкало и отдавалось эхом, словно окончательность маятника цепляла металлическую пластинку. Но никакой пластинки не было.

Никто не мог разглядеть: прицеплен стержень к потолку или уходит в какие-то надзвездные дали. Возможно, что и уходил. В бесконечность. По крайней мере, двигался он вертикально, без заметного угла наклона. А нижний конец его, под шаром, шел над площадкой в середине и у края на одной высоте — сантиметрах в десяти от гравия.

Лис высказала мысль, что это маятник Фуко. Рэм возразил, что маятник наверняка сделан в те времена, когда Леона Фуко, знаменитого инженера и ученого, не было на свете. К тому же, как известно, маятник Фуко не зависит от вращения Земли. Если он ходит долго, заметно, как линия его качания постепенно перемещается. Точнее, это поворачивается Земля, а линия остается в пространстве неизменной. Здесь же острие стержня под шаром неизменно ходило между желтыми и черными камнями, вмурованными в гранитную окружность.

— А ты уверена, что здесь Земля? — тихо спросил у Лис Ежики.

— А что? Вон бабочка-крапивница летает...

— А может, этот маятник ходит вдоль Меридиана? — осторожно предположил Витька.

— Какого? — недовольно сказала Лис.

— Генерального...

— Что это за штука?

— Ну... считается, что направление вдоль ребер Кристалла. То есть границ, которые лежат между пространствами. Его не везде можно определить, только в редких местах... Это условное понятие, конечно.

— Понятие условное, а шарик-то ого какой... материальный, — заметил Рэм.

— К сожалению, мы едва ли сможем расшифровать надпись, — сказал Цезарь.

Шар по экватору был опоясан медной широкой лентой с отчеканенными знаками. Они напоминали старинные готические буквы, но были совершенно непонятны. Приклепанная к шару в нескольких местах лента кое-где отошла. Один конец был сильно отогнут.

— Будто кто-то отодрать хотел... — задумчиво сказал Филипп. — А может, и правда хотели... Великан какой-нибудь или чудовище.

Всем стало немного не по себе. Но вскоре убедились, что никаких великанов и чудовищ здесь не водится. Водились птицы в кустарнике, что разбросан

был тут и там (в нем оказалось много сушняка, и это пригодно для костров). Водились бабочки, жуки и стрекозы, а в мелких озерах, почти лужах, по вечерам кричали лягушки.

Кстати, когда бы здесь ни появлялись ребята, обязательно стоял ясный, желтый от заката вечер. А стоило всем собраться — и быстро наступала ночь. Черная, с яркими звездами. Проходила она тоже очень быстро, буквально за два часа. Потом на эту маленькую, окруженную близкими, но туманными холмами равнину приходил жаркий безоблачный день. Тоже очень короткий. И все сутки получались часов шесть. Может, и правда другая планета? Или один из темпоральных эффектов Меридиана?

К башне с одной стороны примыкала кубическая каменная пристройка. Может быть, когда-то в ней жил смотритель маятника. С другого бока стоял квадратный, сложенный из гранитных брусьев столб. Метрах в пяти от земли он соединялся с башней могучим рельсом, на котором висел черный от старости колокол. Большой, двухметрового диаметра. Языка внутри колокола не было. Хочешь позвонить — бросай камушком. Впрочем, звук был глухой, впечатления не производил. Зато, если встанешь под колоколом и что-то скажешь, разносится по всему полю. А может, и не только по нему. А если по просьбе Филиппа заорет Петька-Кригер, то хоть ложись и зажимай уши.

Петьке, кстати, нравилось это место. Он часто сидел под колоколом, на желтом, источенном временем камне, похожем на череп динозавра.

Несколько раз Филипп созывал Пограничников тем, что командовал Петьке: «Голос!» Без команды Петька орал здесь редко. Наверно, его смущала необычная краткость суток.

Сперва башня казалась неудобной и даже подавляла своей таинственностью. Но скоро ее полюбили. Она стала башней их — Пограничников. И называли они ее теперь как бы с большой буквы. Правда, внутри собирались нечасто. Только если уж очень донимала дневная жара, шли в каменную прохладу пристройки. Там, будто скамейки, лежали буквой П гранитные брусья. Очень удобно. И все-таки чаще всего ребята сидели снаружи, вокруг маленькой костровой площадки. Потому что неловко было шумом и разговорами беспокоить маятник, меривший семисекундными отрезками вечность.

Маятник уважали. Говорили рядом с ним вполголоса. Лишь Филипп, если был один, позволял себе нахальство. Вспрыгивал на шар и садился, растопырив ноги. Качался туда-сюда, млея от удовольствия. Казалось бы, что за радость для мальчишки, который за один миг может «качнуться» в невероятные края? А вот поди ж ты... Одна была неприятность: соскальзывая с шара, Филипп часто цеплялся за отогнутый конец медной ленты и рвал штаны.

Если посчитать, сколько раз собирались у Башни, то вроде бы и немного. Но всем казалось, что случается это давно и многократно: и разговоры у костра, и небо в густых звездах, и негромкие «щелк... щелк...» маятника. И теплое, прочное ощущение, что все — свои, все — друзья... И смесь русского и реттербергского языка, на которой они говорили, тоже скоро сделалась привычной.

Таким вроде бы неизменным все это стало, что Витька очень удивился, испугался даже, когда из темноты шагнул однажды к костру незнакомый мальчик.

Небольшой, ровесник Филиппа. В летнем парусиновом костюмчике с якорем на кармане, в пыльных красных кроссовках. Светло-русый, давно не стриженный, с неприметным лицом, на улице и не обративший внимания на такого. Но здесь... Откуда?

Витька смотрел на незваного гостя просто обал-

дело. Но... через несколько секунд сообразил: не такой уж он незнакомый. Виделись один раз — в Верхнем парке, у скульптуры. А остальные Пограничники — те просто-напросто обрадовались:

— Юкки!

Он заулыбался, хорошо так:

— Я иду, вижу огонь... Я погреюсь с вами, можно?

Его усадили у костра. Ежики выкатил из золья печеную картошку. Юкки сидел на корточках, молча ел, мазал угольной кожурой губы, слизывал с коленок картофельные крошки.

— Как дела на Дороге? — спросил наконец Рэм.

— По-всякому, — тихо ответил Юкки. — Идешь, идешь... Много людей...

— А... сестренка? — осторожно сказал Ежики.

— Она в Райдосаре сейчас, я узнал... Встретимся; не привыкать... Не в этом дело, — Юкки заметно погрузнел.

— А в чем? — нерешительно спросил Ежики.

— Вообще... В дороге. Куда она? — Юкки вдруг улынулся, зевнул. — Я тут посилю, ладно?

Рэм дал ему свою ветровку.

— Закутайся и ложись...

...Однажды в полдень появился князь. Пеший. Лошадь вел на поводу. Здесь уж все удивились. Кроме Филиппа, который неизвестно почему заорал «ура». Впрочем, и он тогда не знал, что это князь. Тот сказал с акцентом, но довольно понятно по-реттербергски:

— Колокол разносит шум. Я услышал. И еще мне говорил про вас Юкки... Можно к вам? — И улыбнулся, как улыбаются смиренные ребята, когда не уверены, что их примут в компанию. Щуплый такой парнишка, губы в трещинах, зубы со щербинкой...

У костра

1

Красное солнце, едва Витька взглянул на него, скатилось в дымку над размытыми очертаниями холмов. Розовато-желтый закат растянулся по близкому волнистому горизонту. Башня, стоявшая в двух сотнях шагов, казалась черной, Витька смотрел на нее через траву. Головки травы тоже казались черными. Не двигались. Было очень тепло, душно даже. Пахло всякими растительными соками и стоячей водой...

Витька лежал на спине. Цезарь — поперек его груди, лицом вниз. Не шевелился. Но Витька ощущал сквозь рубашку редкие толчки его сердца. «Живой все-таки...» — как-то отрешенно подумал он. В ушах тонко звенело, в голове — словно мокрая вата.

Слабо дергая ногами, Витька выбрался из-под Цезаря, перевернул его на спину. Лицо у Чека белое, мокрые ресницы слиплись, на щеках размазалась влага. Рот приоткрыт и нижняя губа оттопырена, как у обиженного во сне малыша.

Тяжелая вата в голове исчезла. Вместо нее — горькая озабоченность и страх: «Опять я втянул его в скверное дело...» Витька резко встал, поискал глазами в траве бурые головки клопомора. Сорвать, разломить стебель, сунуть Чеку под нос — едкий запах продирает мозги не хуже аммиака... Черт, как назло ни одного кустика...

Цезарь слабо шевельнулся, Витька с тревогой глянул на него. Цезарь лежал, неловко согнув руки и раскинув ноги. И... Витька охнул и сморщился. С досадой и жалостью. На комбинезоне Цезаренка внизу живота и между штанин темнело широкое сырое пятно... Ну что тут поделаешь, бывает такое. Пусть смеется или дразнится тот, кто не испытывал прямого перехода. А Витька-то знает. Стыдно вспоминать, но

(196)

и с ним однажды это было, только не в первом случае, а, кажется, в третьем. Сколько трудов стоило потом скрыть это от других, в таверне...

А Цезарю как? Он же не простит ни себе, ни Витьке, когда очнется... Вот еще забота!

Цезарь двинул ногами, шевельнул головой. Витька беспомощно оглянулся. Потом подхватил Цезаря (обвисшего, странно тяжелого) и понес, заплетаясь в траве. Шагах в двадцати было озерко. Крошечное, метров десять в ширину. Витька продрался сквозь осоку, увяз в илистом дне, застонал сквозь зубы (вода была ледяная от ключей) и плюхнул Цезаря.

Тот дернулся. Забарахтался. Ошалело сел в воде. Витька рывком поднял его на ноги. Цезарь содрогнулся, растолпил ресницы, затряс плечами, раскидывая брызги. Сказал, шатнувшись:

— Ты что? Зачем?

— Я хотел тебя головой макнуть, чтобы ты очухался. И не удержал... Ну, ты как?

— Спасибо, я очухался, — вздрагивая, сообщил Цезарь. — Хотя и не совсем... Ты не мог придумать другого способа?

— Не мог. Я перепугался... — Витька потянул его из воды. Цезарь сначала заспроотивлялся почему-то, потом быстро вышел. Опять помотал головой. Сказал жалобно:

— Извини, но ты псих...

Витька радостно засмеялся. Это был уже настоящий Цезарь.

— Сними все, высушись у костра.

— Какой костер! Спички размокли.

— Твои размокли, а у Башни все равно кто-нибудь костер разведет.

— Значит, мы у Башни?

— Ты что, не видишь?

— Ох, правильно... Значит... это была прямой переход?

— А что же еще... — сказал Витька виновато.

Цезарь помолчал, постоял. Сбросил набухший комбинезон, мокрую майку. Задрожал крупно и беспомощно. Витька накинул на него свою рубашку.

— Плавки выжми... — И отвернулся. Помимо всего, Чек был ужасно стеснительным.

Потом они выкрутили комбинезон и майку. Рубашку Цезарь вернул.

— Спасибо, я уже согрелся. Здесь тепло... — И вдруг сел в траву. Скорчился. Маленький, костлявый. Сказал шепотом:

— Я и не предполагал, что это так... ну, совершенно ужасно.

— Все ведь позади, Чек...

— Да... но все равно...

— Зато ушли от улан.

Цезарь снизу вверх печально смотрел на Витьку. — Благодаря тебе. Один бы я ни за что не решился, если бы даже умел. Сдался бы им...

— Человек никогда не знает заранее, на что может решиться, — насупленно сказал Витька.

— Я, к сожалению, знаю. Когда очень страшно, я съеживаюсь.

— Это ты опять про машину, что ли?

— В том числе...

— Вовсе ты там не съеживался! — обрадованно разозлился Витька. — Ерунду мелешь! Ты орал: «Пустите меня к Корнелию!» — и сдуру на всем ходу пытался выпрыгнуть на шоссе. А отец с матерью тебя тащили назад за ноги!

— Кто тебе сказал такую чушь?

— Рибалтер! Давно еще!

— Он не мог видеть, он сидел за рулем, ко мне спиной.

— Ему рассказали твои мама и папа... Если бы ты не высовывался, как бы тебя зацепило по плечу?

— Странно... Мне такого не говорили. И почему я сам не помню?

«Аэлита»-90

— Потому что ты вбил себе в голову: «Трус, трус...» Все бы такие трусы были... Пошли.

И Чек повеселел. Пошел, размахивая скрученным в жгут комбинезоном. Но иногда все же хмурился и вздыхал.

У Башни их радостно встретил Филипп. А Петька-Кригер, стоя на камне под колоколом, покивал и одобрительно сказал «ко-о».

Филипп, оказывается, уже набрал веток и сухого репейника.

— Только спички я забыл,— он сокрушенно хлопал себя по бокам. Был Филипп, как и раньше, в своем «монетном» костюме (уже изрядно потрепанном), но босой, и штаны подвернуты выше колен — так оно все-таки привычнее. И, конечно, неумытый. Глядя на него и улыбаясь, Цезарь сказал:

— А наши спички размокли.

— Чепуха! Давайте сюда!

Он присел, положил коробок и горку мокрых спичек на лопух, сдвинул над ними ладошки. От коробки пошел пар, спички высохали на глазах.

— Вот это излученьице,— сказал Витька Цезарю.— Это тебе не индексы слизывать...

Втроем они запалили костерок.

— Хорошо...— солидно произнес Филипп.— А то мы с Петькой тут все без огня да без огня. А возвращаться домой неохота, сразу поймают: «Иди градки полоть!»

— Значит, ты тут давно?

— Вторые сутки. Здешние... Скоро все наши придут. И будут меня ругать, что сбежал. Они на плоту, вниз, по речке, а я так, сразу...

Витька с завистью глядел на чумазого пацаненка, для которого прямой переход — «так».

— Значит, Кригер не зря орал? Все Пограничники собираются?

— Да... Юкки просил собрать. Что-то важное сказать хочет.

— Извини, но говорили, что Юкки опять ушел на Дорогу...

— А что такое Дорога?— серьезно возразил Филипп.— Сегодня человек там, завтра опять здесь... Ой, вон наши идут!

Из-за Башни появились Рэм, Лис, Матвей по прозвищу Ежики и незнакомый мальчишка — с прической щетинистой, как у Цезаря, только потемнее и покороче.

— Привет! Это Ярик,— сообщил Ежики.— Видите, он тоже сумел через барьеры пробраться... Найдется для него медный петушок?

— Ярик, привет,— небрежно сказал Филипп, делая вид, что ничуть не боится Лис.

— Иди сюда, обормот,— потребовала Лис.— Здравствуйте, мальчишки... Иди сюда, чудовище! Мы его там ждем, ждем, чтобы вместе ехать, а он...

— Пора бы привыкнуть,— скандальным от испуга голосом заявил Филипп.

— Ребята, можно я ему вспылю? — жалобно спросила Лис.

— Можно,— сказал Рэм.

— Нельзя,— сказал Ежики.— Что вы все цепляйтесь к маленькому.

— Маленький!.. Чучело немытое. И опять штаны разодрал! Не крутись, все равно вижу. Иди сюда...

— Шиш тебе.

— Иди, дурень, зашью.

— Дай честное слово, что больше ничего не сделаешь.

— Иди, говорю... Ну, даю, даю... Иди, а то хуже будет!

И Филипп, который в секунду мог умчаться в дальние миры (или, по крайней мере, к себе в Луговой), вздохнул и пошел. Лис присела на плоский ка-

(197) мень, поддернула джинсы, уложила «чудовище» животом к себе на колени. Из-под воротника блузки достала иглу с намотанной ниткой. Пока она работала иглой, ребята сошлись у огня и толковали, что вдруг вздумалось Юкки собирать народ раньше назначенного срока.

— Юкки зря не скажет, он человек серьезный,— подал голос Филипп.

— В отличие от тебя... Лежи спокойно!

— А мне твердо лежать на твоих суставах...

— Господи, что за создание!

— Никакого господи не бывает... А-а!

— Не дергайся, дурак!

— Честное слово давала!

— Это не я, это тебя Бог покарал... которого нет... Лежи! А то так и будешь ходить в драных штанах при всех... Вон смотри, князь едет.

— Подумаешь,— буркнул Филипп.— Князь вообще не носит штанов, и то... Ай!

Князь Юр-Танка подъехал на смирной своей кобылке, прыгнул с седла. Одет он был не как владыка княжества, а как обычный мальчишка из прибрежного города Юр-Танка-пала, в котором почти круглый год лето. Хоро — широкий набедренный пояс, с которого сзади и спереди свешиваются короткими фарточками концы полосатого чупа — пропущенного между ногами куска ткани. Правда, в ткани блестела дорогая серебряная нить, а босые ноги от щиколоток до колен закрывали чеканные поножи. Да и на груди золотая цепочка с медальоном или образком...

— Юрик, привет! — Филипп даинулся от Лис навстречу князю. — Привез петушков? А то у нас новичок! Юр-Танка взял его тихонько за плечи.

— Привет, Филипп, здравствуй... Здравствуйте, все.

Ему обрадовались так же искренне и нешумно, как держался он сам. Обступили. Рэм взял его руку в обе ладони.

— Здравствуй, князь. Почему тебя не было прошлый раз?

— Воевали,— сказал Юр-Танка невесело, но просто, как о надоевшей черной работе.

— Хал? — спросил Рэм.

— Хал... И его племянник Саддар, у него тяжелая конница...

— Когда только это безобразие у вас кончится,— сказала Лис.

Чуть заметно Юр-Танка улыбнулся:

— Кончилось уже... Они не рассчитали, влезли в долину между Желтыми холмами и Хребтом Змея. Думали, что мы далеко... А мы их взяли с двух сторон — ни уйти, ни развернуться для боя.

— И что? — подпрыгнул Филипп.

— Командиры говорят: «Пришла пора, искрошим их, князь, и будет мир»...

Тихо сделалось, только огонь потрескивал да переступала копытами лошадь. Юр-Танка глянул на одного, на другого, опустил глаза.

— На крови что за мир... Я поехал вот так, без доспехов, без меча. Один... Говорю: «Хал, зачем опять пришел? Ты был когда-то союзником отца...» А он злющий, старый, глядит из-под шлема: «Почему приехал, как в гости? Я не убью — другие убить могут... Проводите его, пусть дает команду своим сотням, а мы сумеем умереть как надо...» Я говорю: «Хал, зачем! Ну, будут опять кровавые ручьи, вороны жирные будут, а для чего? Что мы делим-то между собой?» А он: «Как что делим? Дикую долину!» А в Дикой долине — только буераки да камни, даже пахать нельзя. Ни княжеству нашему, ни Хал-дагею она, если подумать по-хорошему, не нужна... Я говорю: «Она и одной-то жизни не стоит... Если возьмешь ее, спрячем мечи? Подумай...» Он отвечает: «Что думать, князь. До

этой ли Дикой долины мне теперь? Воля твоя. Выпустишь — уйдем...»

— Выпустил? — нетерпеливо спросил новичок Ярик. На него посмотрели: не дело перебивать князя. Юр-Танка потерся ухом о голое облезлое плечо.

— Ага... Сотники и воеводы крик подняли. Нельзя, мол, случай терять. Выпустим, а потом он опять... Если, говорят, князь не желает, сами решим. Я говорю: «Посмеете — уйду. Насовсем». Они: «Куда, князь?» — «Знаю, — говорю, — куда. Где не врут, не убивают». — «Как уйдешь! Ты сын Юр-Око-Танки Славного, мы тебе на огне клялись!» — «Тогда исполняйте...» Ну, ушел Хал и Саддара увел... Через неделю из Хал-дагея гонцы: «Давай, князь, Дикую долину больше не делить, пусть коней пасут и охотятся все, кто пожелает. А посредине, где в прежние времена граница была, храм поставим в знак мира...» Сошлись люди, поставили церковь...

Филипп деликатно помолчал сколько надо, тронул князя за локоть:

— Юрик, можно я покатаюсь? Я недалеко...

— Покатайся, конечно.

Было еще светло от заката. Гнедая кобылка князя послушно стояла неподалеку. На круп наброшен был темный плащ с меховой опушкой, у седла — сумка, маленький лук и колчан. Филипп обрадованно помчался к лошади. Довольно умело влез в седло.

— Но-о...

— Сломает шею, — сказала Лис. Юр-Танка улыбнулся:

— Не бойся.

Все подсели ближе к огню — кто на камни, кто в траву. Ежики и Ярик подбросили веток. Рэм сказал: — Князь, ты ведь христианин. А Хал — язычник. Как же одна церковь? Он не нарушит обещания?

Юр-Танка не удивился вопросу. Объяснил, глядя в огонь:

— Она общая. Церковь Матери Всех Живущих... Мать была у каждого, хоть он христианин, хоть язычник... Говорят, кто в эту церковь приходит, будто на какое-то время со своей матерью встречается. Если даже ее не помнит...

— Говорят... или правда? — очень осторожно спросила Лис.

Юр-Танка шевельнул губами:

— Правда...

Потом несколько минут никто ничего не говорил. Зачем лишний раз трогать грустное...

Подъехал к огню Филипп, разбил молчание:

— Юрик, ты как свой лук растягиваешь? У меня мускулов не меньше, а я больше чем наполовину не смог...

— Кто тебе разрешил! — вскинулась Лис.

— Я же вхолостую!

— Здесь не в мускулах дело, — улыбнулся Филиппу Юр-Танка. — Я потом покажу.

— Ладно... А давай меняться! Ты мне лук, а я тебе шарик стеклянный. В нем что хочешь, то и увидишь. Волшебная такая штука.

— У меня уже есть такой. Радомир подарил в прошлый раз.

— У-у. Ну, давай на что-нибудь другое.

— Давай на петуха, — очень серьезно предложил Юр-Танка.

— Ну... придумал тоже, — расстроился Филипп. Ребята запересмеивались.

— Я пошутил, — сказал Юр-Танка. — Оружие можно только на оружие менять. Такой закон...

— Не хочешь — не надо... А можно, я тогда выстрелю? Один разок. Как получится. А?

— Выстрели. Только не в нашу сторону и тупой стрелой.

— С такой пробочкой на конце, я знаю.

(198)

— Все ты знаешь, — опять улыбнулся Юр-танка. Все смотрели, как Филипп отъехал и пустил стрелу. Потер отбитое тетивой предплечье, толкнул пятками лошадь, поехал за стрелой. Скоро вернулся.

— Улетела куда-то. Темно уже, не видать.

— Ужасно бестолковый, — вздохнула Лис. — Верно, Юрик?

— Нет, Филипп хороший, — тихо возразил Юр-Танка. — Вот если бы у меня был такой брат...

Все снова примолкли. А Филипп сказал с седла: — Я тебе шарик не за лук отдам, а за так. Он тебе все равно пригодится, когда ты Ежики потрешь.

— Спасибо... Брось сюда плащ, Филипп. Мы расстелим, лучше будет сидеть.

2

Пока шли разговоры, Витька то и дело поглядывал на Цезаря: совсем ли пришел он в себя? Какой-то уж очень молчаливый стал. Но нет, кажется, все в порядке. Высушил у огня и натянул комбинезон. Сходил к сухостою за сучьями, подбросил в костер. Присел рядом с Витькой. Вдруг спросил:

— Как ты думаешь, уланы специально следили за нами?

— Что? — Витька не понял сразу. Уланы, Реттерберг — все это было так далеко сейчас. — Нет, не думаю... Скорее, просто патруль. Они между собой грызутся, вот и рыскают везде...

— Может быть, — неуверенно вздохнул Цезарь. — Но зачем же мы тогда бежали?

— Тот, которого ты помнишь по спецшколе... Он же узнал тебя. Мало ли что...

— Да, пожалуй.. Но, скорее всего, я зря перепугался.

«Скорее всего, не зря», — подумал Витька. Но сказал:

— Я тоже.

Когда развернули княжеский плащ, оказалось, что он очень большой. Из тонкой, но ласково-пушистой ткани. Все расселись на нем, кроме Рэма, который сидел на камне и следил за костром. Узкое лицо его с большим пухлогубым ртом казалось оранжевым от огня. Рэм глянул на всех поверх пламени.

— Что примолкли?

А примолкли просто так. Бывают такие минуты у костра.

— Жалко, Филипп где-то шастает, — вздохнула Лис. — А то порадовал бы опять нас историями: где бывал, что видел... Не поймешь, когда он правду говорит, когда сочиняет...

— По-моему, Филипп всегда говорит правду, — возразил Юр-Танка.

— Если бы... Витя, почему ты не слетаешь с ним хоть разок, не проверишь?

— Страшно, — сказал Витька и почувствовал, как вздрогнул Цезарь (они сидели теперь спина к спине). — Себе дорожке...

Все помолчали, понимая, что Витька вроде бы шутит, но в шутке прячется правда...

Опять подъехал из темноты Филипп.

— Юрик, а чего она не хочет быстрее скакать? Я говорю «но! но!», а она еле-еле...

— Потому что она умная, — объяснила Лис.

— Потому что она девчонка, — мстительно сказал Филипп. — Все девчонки вредные... А вон еще одна! Ты чего к петуху лезешь! Кто разрешил?!

Это было так неожиданно, что многие повскакали. И увидели при отблесках огня, что под колоколом сидит девочка и кормит Петьку.

Негодный Петька охотно клевал что-то у девочки с ладони и благодарно ворковал.

«Аэлита»-90

— Ты откуда взялась тут! — опять заорал Филипп. Скорей от удивления, чем от злости. И оттого, что никто не разделяет его досады. Девочка поднялась. Ростом с Филиппа, с темными кудряшками, большеглазая, серьезная. В темном платье. Сказала тихо и безбоязненно:

— Я жду Юкки. Он должен скоро прийти.

— Сестренка, — узнал Цезарь. — Вить, мы же ее видели...

Юр-Танка быстро подошел к девочке, сказал что-то на своем старинном наречии. Та ответила так же. И сама о чем-то спросила. И засмеялась негромко. Князь и девочка подошли к остальным. Юр-Танка попросил:

— Филипп, слезь пока. Она хочет покататься.

Филипп набычился и прыгнул в траву. Юр-Танка мигом оказался в седле, протянул руки. Рэм шагнул, посадил девочку. Юр-Танка объяснил, словно извиняясь:

— Мы поедем, поговорим кое о чем...

И они скрылись за кругом света.

— Подумаешь, секреты у них, — проворчал Филипп. Он показал кулак Петьке и сердито сел на край плаща. Остальные тоже расселись. На прежние места. Лишь Витька лег на спину, и Чек рядом с ним.

Ночь не принесла прохлады. Теплый воздух с запахом нагретых трав по-прежнему лежал в этой плоской котловине среди невидимых холмов. Где-то печально ухала бессонная болотная птица. Петька под колоколом дремотно бормотал. Небо нависало такой густотой звезд, что страшновато делалось. Это было то же небо, что в храме Итта-дага. Но там его ограничивал круг храмовой башни, а здесь оно обнимало ребят со всех сторон.

— Не одно небо, а будто несколько, — сказал Витька. — Будто наслаиваются друг на друга... Вон в Медведице, в ковше, сколько лишних звезд намешано... То есть не лишних, а... в общем, других.

— А Яшку видно? — спросил Цезарь. — Что-то я не найду.

— Вон, правее «медвежьего хвоста», беленькая...

Ежики быстро подполз к ним на коленках.

— А какой Яшка? Какая?

— Звездочка такая новая. У нас в «Сфере» ее Скицын предсказал. А ему про нее прадед говорил, академик. Он еще полвека назад вычислил, что она должна появиться...

— Пра-адед, — разочарованно сказал Ежики. — Тогда не то.

— Что «не то»?

— Да так... Все равно не совпадает по времени. Полвека... Видимо, Ежики не хотелось объяснять.

Рэм сказал от костра:

— Совпадает, не совпадает... Что мы вообще знаем про время? Мы просто боимся про это говорить.

— Боимся? — удивилась Лис. Ребята затихли. Филипп незаметно придвинулся к Лис.

— Ну... или стесняемся как-то, — неловко разъяснил Рэм. — А разве не так?... Потому что непонятно многое. А чтобы понятно стало, надо друг друга спрашивать, будто в душу залезать.

Витька неуверенно сказал:

— А что... Мы и так ничего не скрываем друг от друга.

— Не скрываем, а... просто не хотим. Боимся не объяснимого.

— Например? — недовольно спросил новичок Ярик.

— Хорошо... Скандал с индексами в Реттерберге когда был? Витька и Цезарь считают, что в прошлом году... Ежики когда к нам в Луговой пришел? Тоже в прошлом году. А у него на Полуострове в ту пору считалось, что индексная система в Федерации развалилась давным-давно. И что Корнелий Глас — это старый деятель командорской общины... А Цезарь гово-

рит, что Корнелий создал свою группу в начале этого года.

— Да, зимой, — тихо отозвался Цезарь.

— С командорами вообще какая-то чепуха, — продолжил голос Витька. — Слухи одни... Кто их видел? Я — только на фресках, в развалинах...

— Мы сейчас не о командорах, а о времени, — строго сказала Лис. — Рэм прав. Столько всего... Вот, например, Юкки. У него совсем другое время... Он знает сколько ходит по всяким дорогам? Еще моя мама встречала его, когда была девочкой. Но ведь он не карлик, не маленький старичок, просто мальчик.

— Это фокусы темпоральной петли, — скорманно сказал Витька. — Наверно, это можно объяснить, если...

— Никакая тут не петля! — дерзко вмешался Филипп. — Он просто не хочет расти, пока не найдет, кого ищет... Я тоже не хочу.

— А кого он ищет? — спросил новичок Ярик. — Сестренку?

Филипп сердито фыркнул:

— Сестренку! Он ее уже тыщу раз терял и находил. И она его тоже. Просто у них одна Дорога и на ней приключения всякие, попутные... А ищет он такое... такое... Я вам не скажу.

— Потому что сам не знаешь, — поддела Лис. Филипп не обиделся. Повозился и устроился кудлатой головой у нее на коленях.

Ярик осторожно спросил у Лис:

— А может, твоя мама встретила другого Юкки?

— Может быть, — неожиданно согласилась Лис. И, ероша волосы Филиппу, добавила задумчиво: — Это ведь не меняет сути.

Все промолчали, хотя неясно было: почему не меняет?

— Все-таки нам повезло, — сказал Рэм. — Будто кто-то нарочно постарался, чтобы мы встретились. Чтобы из разного времени собрались у этой Башни.

— Это я нашел Башню, — сонно напомнил Филипп.

— Ты, ты... — сказала Лис. — Давай спи, а то скоро утро.

— Я не хочу спать... Юрик показал Башню мне, а я привел всех...

Рэм заметил, оглядываясь за спину:

— Что-то долго они катаются. Похитил князь невесту, как в сказке...

— А они по правде поженятся, когда вырастут, — уверенно заявил Филипп. Лис опять вздохнула ему в голову.

— Ох и фантазер же...

— Вот увидите!

— А откуда мы увидим? Что он, на свадьбу нас позовет?

— Может кого и позовет. Кто не вредный...

— А кто вообще бывал в княжестве? — спросил Цезарь. — Мы так мало про него знаем...

— Я был один раз, — сообщил Филипп.

— Да, — подтвердила Лис. — Он соорудил себе из полотенец хоро-чуп вместо штанов и отправился. И притащил оттуда старинный глиняный кувшин. Бабушке, чтобы не ругала за полотенца.

Филипп не стал с ней спорить. Сказал спокойно:

— Я был с князем в Юр-Танка-пале. Юрик притворился, что обыкновенный мальчишка, и мы гуляли... Там крепость такая большая. И море, и пристань. И корабли с разноцветными парусами. А на улицах вместо милиции дядьки в шлемах и панцирях. Но ребят ниоткуда не гоняют...

— Ты везде успел... — усмехнулся Рэм. — А кроме Филиппа, никто не был. Напрашиваться неудобно, а князь не зовет... Может, стесняется, что у них средневековые...

Витька почему-то обиделся за Юр-Танку:

— В средневековые люди не глупее были.

— Я не говорю, что глупее. Просто техники никакой...

— Однако церковь на границе построили всего за месяц. Без всякой техники,— заметил Ярик.

Быстро светало. У Башни всегда светает быстро. Через пятнадцать минут из-за холмов выплзет малиновое солнце и тут же разгорится белым светом. Но все по-прежнему сидели у костра: не хватило короткой ночи. Рэм подбросил веток.

— Рэм, а почему ты решил, что Юр-Танка христианин? — спросила Лис.

— У него же образок. Там Божья Матерь и Младенец...

— Он в прошлый раз говорил, что это его мама,— как-то ревниво заметил Ежики.

— Он говорил «похожа на маму»,— сказал Рэм. Филипп завозился и проговорил с непонятным упрямством:

— Он же не может же знать, похожа или нет. Она умерла, когда ему года не было. Разве он помнит?

— Портреты могли остаться,— терпеливо объяснил Рэм.

Филипп, видимо, от досады, что не все ему известно про князя (хотя и друг считается!), возразил капризным голосом:

— Старинные портреты не бывают похожие. А фотографии у них там нету.

— Извини, Филипп, но ты несносен,— сказал Цезарь.

— А ты уж очень сносен!.. «Извини, пожалуйста».

— Нет, ребята, я все-таки ему всыплю,— печально пообещала Лис, и Филипп кубарем откатился от нее. Лис велела: — Иди сюда!

— Вон Юкки идет,— быстро сообщил Филипп.— И какой-то дядька.

Юкки вел за руку высокого мужчину. Было уже совсем светло, золотилась крошка холмов, и все хорошо разглядели незнакомца. Это был высокий очень старый человек. Седой, с длинным лицом и залысинами. В сером отутюженном костюме, который казался совершенно неподходящим тут, среди кустарников и камней.

Все встали. Юкки подвел незнакомца, посмотрел на него, на ребят. Сказал:

— Вот... Пришли...

В это время быстро подъехал Юр-Танка с девочкой. Девочка прыгнула в траву, подбежала к Юкки. Встиснулась между ним и незнакомцем, взяла их за руки. Молчаливая, неулыбчивая. Незнамец свободной рукой провел по ее кудряшкам. Посмотрел на Юр-Танку. Тот, держась за стремя, наклонил голову.

— Здравствуй, князь,— сказал незнамец негромко.— Здравствуйте, все... Я хочу с вами поговорить. Можно?... Вы меня не знаете, но я вас знаю...

Все чувствовали неловкость, которая бывает, когда взрослый человек просится в детскую игру. Рэм ответил наконец:

— Пожалуйста.

Лис встряхнула и стала сворачивать плащ Юр-Танки. Потом, ни слова не говоря, отдала князю сверток. И остальные молчали. Тогда Юкки звонко проговорил:

— Ребята! Это же обязательно... Это про нас про всех!

Витка глянул на Цезаря, встретился с ним глазами. Оба поняли: «Что-то будет...» Витка сказал решительно:

— Давайте пойдём в Башню. Здесь такой сейчас делается солнцепек...

Командоры

Расселись в пристройке, на каменной П-образной скамье. Здесь стояла сумрачная прохлада. Между этой гранитной комнатой и главным помещением Башни не было стены. Все видели, как туда-сюда медленно ходит

[289]

медный шар, опоясанный неразгаданной надписью. Он был зеленовато-черный, только сверху у стержня медь светилась, начищенная штанами Филиппа. Там горела желтая искра, солнце уже пробивалось в узкие окна. Луч упал и на лицо незнакомца, высветил резкие вертикальные морщины, впадины коричневых щек, бледную голубизну глаз. Человек этот не зажмурился, не отвернулся, только провел по лицу ладонью, словно стирал прилипшую паутину.

— Кто он такой? — громким шепотом спросил Ярик. На него посмотрели, и он смутился. А незнакомец наконец улыбнулся:

— Я скажу, скажу...— Он придвинул к себе с одной стороны Юкки, с другой его сестренку. Опустил очень худые руки между колен, смотрел перед собой. Но говорить не спешил.

Маятник отмерял тишину: семь секунд — щелчок, семь секунд — щелчок. И долго это было, но все молчали и почти не двигались, потому что понимали — пришло что-то очень важное. И вот, дождавшись очередного щелчка, незнакомец заговорил. Подышал на кисти рук (словно хотел согреть под коричнево-пятнистой кожей тонкие кости и жилы) и сказал:

— Меня зовут Павел Находкин... Павел Евгеньевич Находкин... Я был командиром звездного крейсера «Бумеранг», который впервые преодолел барьер скорости света... Впрочем, это неважно. Пожалуй, важнее другое: я похож на вас. Я ужасно стар, но внутри себя очень похож на вас, потому что крепче всего на свете помню, как был таким же, какие вы сейчас. Помню сильнее, чем время звездолетов... Хотя и это не так уж важно. Самое главное вот что: я один из последних настоящих Командоров... Вы слышали о Командорах?

— Еще бы... — негромко, но дерзко отозвался Ежики. И они с Яриком сели ближе друг к другу.

— Я имею в виду не лжекомандоров, от которых ты пострадал на Полуострове, Матиуш... Кантор и его помощники думали использовать ребят с редкими способностями для своей политики. Это были обманщики и преступники.

— Извините, а «Белые гуси»... — подал голос Цезарь.

— Ты говоришь о группа Корнелия Гласа и Рибалтера, Цезаре? Это героическое дело. Они заняты охраной детства. Они стараются защитить любого попавшего в беду ребенка, это, конечно, невозможно, но все равно они... в общем, молодцы они, что тут спорить. Но я о другом. Я говорю о командорстве в чистом виде. С давних пор были на свете люди, которые посвящали себя одной цели: сохранять для будущего мальчиков и девочек, которым природа подарила особые свойства. Тех, кто как бы разламывал рамки привычной жизни и науки. Это были дети, которые надолго опередили свой век, и защитить их было нелегко. И не всегда удавалось. Ведь в тех, кто читает мысли других людей, зажигает взглядом огонь, чует рядом с собой другие миры или умеет за миг перенести себя на сотню верст, многие видели колдунов и врагов человечества... Да и потом, когда стыдно стало верить в колдунов и отыскивать где попало врагов, люди смотрели на непонятное с подозрением... Даже сейчас... Витя Мохов, не потому ли обсерватория «Сфера» до сих пор на секретном режиме?

— Наверно, потому, — сказал Витка с непонятно отчего возникшим злорадством. И опять страхом кольнуло воспоминание о «пчеле».

— А в самой «Сфере»... — слегка монотонно продолжал Павел Евгеньевич Находкин. — Когда Михаил Мохов опередил программу и поставил задачу, непонятную для других, перед ним оказалась прочная стенка. Все были против...

— Кроме Скицына... — буркнул Витка.

— Да, пожалуй... И Михаил Алексеевич ушел. Но Витя, все-таки... все-таки уговори его вернуться. Едва ли он один добьется многого...

«Азлит»-90

— Я говорил, он не хочет,— прошептал Витька. И опустил голову, потому что все посмотрели на него.

— Времена меняются, мальчик. Поговори еще, он, может быть, поверит тебе.

— Ага...— тихо выдохнул Витька. Он не обижался на этого человека и не стеснялся ребят, просто скребло в горле.

Находкин сказал, словно спохватившись:

— Я отвлекся... Я говорил, что люди часто не понимают. Мне самому, когда был мальчишкой, приходилось скрывать, что отчаянной силой желаний могу перебросить себя в пространстве хоть на какие расстояния... Впрочем, и потом, когда я перебросил «Бумеранг» по линии полета, обгоняя свет, сказали, что нельзя. Что, мол, не пришел еще для таких дел черед и я опережаю время.

— А почему его нельзя опережать?— слегка скандально сказал Филипп.— Что такого...

— А я не знаю, почему,— вдруг улыбнулся Находкин. Весь пошевелился, тряхнул плечами и стал немного моложе.— Но вообще-то со временем шутить опасно... Много-много лет назад в славном городе Реттерберге, который тогда назывался Реттерхальм, один мальчишка перевернул без спроса особые песочные часы—хронометр Комингса. И нарушил нормальный бег времени. Из-за этого опоздал на обеденный перерыв городской трамвая, произошло его крушение, одного из местных ребят (его звали Галиен Тукк, Галка) сочли виновником этой беды, выслали из города, он попал на броненосец... Капитан броненосца, судя по всему, был одним из Командоров, цель событий удалось кое в чем изменить, но остановить их было уже нельзя. И в результате Реттерхальм оказался в другом пространстве, превратившись в нынешний Реттерберг...

— Галка—это тот бронзовый мальчик над обрывом?—спросил Цезарь без обычного «извините».

— Да, в Верхнем парке Реттерберга, недалеко от эстрады с вертящейся площадкой, похожей на солнечные часы... Впрочем, это и так часы. Только тень на них—вовсе не тень, а черта темпорального фиксатора на Генеральном меридиане... Два мальчика, развлекаясь, вертятся на этом круге, причем то в одну, то в другую сторону. Стоит ли удивляться после этого, что в совмещенных пространствах время пошло туда-сюда... Как говорили во времена моего детства—«враздрыг»...

Витька посмотрел на Цезаря, Цезарь на Витьку.

— Мы же не знали,—сказал Витька, тыкаясь лбом в колени.

— А я что!—почти весело отозвался Находкин.— О том я и говорю. И мальчик в Реттерхальме не знал, когда переворачивал хронометр. И, наверно, многие мальчишки в разных краях и пространствах, ничего не зная, вертят шестерни в непонятных механизмах, забравшись в таинственный подвал, или хватаются за маятник загадочных часов... Или зеркальцем ловят луч звезды и бросают его на пересечение с Меридианом... Кстати, о звездах. Так ли уж странно, что в прошлом году мальчик Ежики швырнул в небо живой камушек-кристалл по имени Яшка и через сто лет Яшка этот столкнулся с летящей песчинкой и вспыхнул звездой, а прадед Михаила Скицына, которому сейчас девяносто пять, знал об этой звезде еще в детстве... Где-то очередной раз опоясала грани Кристалла временная петля... Помнится, я мальчишкой швырнул с речного обрыва монетку, а она была не монетка, а колоссальный энерго-накопитель. И время сошло в кольцо. Правда, всего на сутки, но эти сутки решили очень многое. В частности то, что я сейчас здесь, с вами... А в тот вечер, в лесу, по дороге в Черемховск, я первый раз встретил Юкки. И вот ее...—Находкин ласково качнул за плечо Юкину сестренку. Девочка осталась серьезной, а Юкки улыбнулся чуть-чуть. Ребята переглядывались: правда, значит, что говорила Лис...

Находкин костлявой своей, похожей на птичью лапу рукой провел по волосам Юкки. Сказал ребятам:

(201) — Малыш не раз водил меня по разным граням. Сам-то я не научился до сих пор. В одном пространстве—хоть куда, а с грани на грань—только с проводником. Вот Юкки и был моим поводырем, хотя у него своя Дорога... Впрочем, сейчас Дороги, кажется, кончаются. И для меня, и для него...

Витька посмотрел испуганно. Юкки и девочка были, однако, спокойны.

— Я потому и собрал вас,—строже сказал Находкин.— Собственно говоря, попрощаться... Странно, да? Вы же меня не знаете... Но дело в том, что я-то знаю вас всех, я уже говорил. Вот так-то, друзья Пограничники... Я и другие Командоры (хотя я, по сути дела, уже последний из старой гвардии) старались держать вас... как бы сказать...

— Под колпаком?—ехидно спросил Филипп. Лис дотянулась до него.

— Павел Евгеньевич, не обижайтесь на дурака.

— Я ничуть... И Филипп не дурак... Нет, не «под колпаком», Филипп. К сожалению, это было невозможно. Просто в круге своего наблюдения. Мы помогли вам, чем могли, хотя это и не было заметно. Однако пора сказать честно: время нашего командорства кончилось. Как бы это объяснить понятнее?... Мы—будто старые, достаточно мудрые и довольно сильные слоны. Но слоны не могут охранять жаворонков и стрижей. Вы—летаете, где хотите. Из мира в мир, легко и свободно...

— Ох уж...—сказал Цезарь.—Простите, что перебил.

— Я понимаю тебя, Цезаре. И все-таки... Теперь за вами не уследишь. Вы на пороге новых времен, новой жизни, совершенно непохожей на нынешнюю. Пока взрослые исследуют межпространственные поля, спорят о Мёбиус-векторе и со страшными усилиями строят между гранями туннели, вы шутя обгоняете их, нащупав нервами или душой какой-то главный закон Кристалла. Как птицы без всякой техники и приборов нащупывают при дальних перелетах магнитное поле Земли... Скоро вас будет очень много. Вы учите переходу друг друга. Я говорю эти слова в изначальном смысле: друг учит друга (а в том, что вы стали друзьями, есть и моя заслуга). Вот и Ежики привел с собой Ярика. Сперва через локальные барьеры, потом научит и напрямую переходу... Не бойся, Ежики, ты при этом переходе больше не увидишь встречного поезда, его убрали с пути... А Витя Мохов научил уже Цезаря...

— К сожалению, не научил!

— Да?.. Ты просто плохо знаешь себя, Цезаре... Впрочем, я не утверждаю, что наука будет даваться легко. Но все-таки найдутся способные ученики. И если каждый научит двух друзей, а каждый из тех—тоже двоих и так далее. Это пойдет с той же скоростью, с какой шло исчезновение индексов в Реттерберге...

— Я научу Лис и Рэма,—сказал Филипп.—И Юрика, если он еще не умеет. Только пускай Лис не придирается...

«Не все захотят,—подумал Витька.—И не все сумеют...»

— Не все захотят и не все сумеют,—словно откликнулся Находкин.—Но все равно это будет лавина...

— Но тогда, может быть, лучше не учить?—рассудительно отозвался Рэм.

— Это нельзя остановить. Время пришло... И поступи сам: ты откажешься от владения прямым переходом, если надо кому-то помочь? Ну, например, выгнать Филиппа из пространства номер сто сорок три, если он там заблудился или застрял?

— Бедное пространство,—сказала Лис.—Пусти козла в огород...

— Замечание, право же, очень здравое. К тому я и клоню... Юные первопроходцы кинутся по разным мирам с жадной открытий и приключений. И... вспомните перевернутые часы или брошенную монетку. Раньше думали, что для больших событий нужны большие

усилия. А оказывается, достаточно бывает одного щелчка, чтобы по граням мироздания пошли трещины... Но я боюсь не за мироздание, ему к трещинам не привыкать. Я боюсь за вас. И за тех, кто пойдет за вами... Как вас уберечь?

— От чего? — непривычно смиренно спросил Филипп.

— Разве я знаю, от чего? Разве можно предвидеть степень риска?.. И не будет никого рядом, кто сказал бы: «Стоп! Оглянись и подумай...»

— Но... Павел Евгеньевич, мы и сами... не такие уж глупые,— осторожно проговорила Лис.— Правда, есть некоторые...

— Вот и остается надежда на вас, ребята,— устало сказал Находкин.— Да... И еще на то, что вы подрастаете, прежде чем настанет время Большого Прорыва. Дай Бог, чтобы успели... И тогда, больше вы или нет, вам придется быть новыми Командорами...

Он замолчал надолго. Сидел, зябко потирая кисти рук.

«Щелк... Щелк...» — ходил туда-сюда медный шар. Солнце быстро шло в небе над Башней, и косой луч из узкого окна заметно для глаз двигался в пустом помещении. Скользил по ребятам, высвечивая их по очереди, словно помогал Командору Находкину рассмотреть и запомнить каждого.

Рэм — узколицый, светловолосый, высокий и ломкий. Уже не мальчик, а скорее юноша. Он молчаливее и рассудительнее других. Может, просто потому, что старше? Достаточно ли прочности у него в душе?.. Лис. Она и в самые дальние пространства возьмет с собой иголку и нитку, чтобы зашивать штаны непутевому Филиппу... Такому ли уж непутевому? Вот он, забыв обиды, привалился к локтю Лис давно не чесанной головой, присмирел. Губами шевелит, будто повторяет про себя что-то важное, заклинание какое-то... Князь, верховный владыка Юр-Танка-пала и окрестных земель. Будто четвероклассник, придумавший себе немудреный средневековый наряд к летнему карнавалу. В прошлый раз, когда гоняли среди камней мяч, трахнулся ногой о валун и всхлипывал, как обочный мальчишка (а Филипп его тихонько утешал). А потом, на полях княжества — броненосные конные сотни, старый Хал, Дикая долина, спор с воеводами. «Тогда — исполняйте!» И церковь Матери Всех Живущих...

Ежики и Ярик. Недавно судьба их крепко потрянула и раскидала по дальним краям. И теперь не нарадуются, что снова вместе. Все время рядом. И даже одежды одинаково — в серых курточках-капитанках с нашивками морского клуба. И салатные пятна старой бактерицидки одинаково наляпаны на пыльных, кофейного цвета ногах. Только волосы разные: у Ежики мягкие и летучие, у Ярика — щетинка. Им бы поменяться именами или прическами... И еще разница: Ежики знает переход и, кроме того, может напряжением нервов поставить защитное силовое поле. А Ярик в таких делах пока новичок. Сидит, с интересом трогает на капитанке медного петушка, подаренного Юр-Танкой...

Потом луч подошел к Цезарю, и Витька встряхнулся. И понял, что не старый Командор, а он, Витька Мохов, смотрит по очереди на ребят и размышляет о них...

Павел Евгеньевич словно дожидался, когда луч упадет на Цезаря.

— Друзья мои, наверно, я говорил непонятно. Но многое непонятно и мне самому. Кроме одного — я свое дело сделал. А вам — продолжать... Вам, кстати, нужен будет командир... Не в общем смысле командир, вы все равные и друзья. Но нужен будет главный Командор, когда придут... новые времена... Кто?

Рэм опустил глаза и незаметно, будто про себя, помотал головой...

Юр-Танка почему-то виновато улыбнулся. Филипп стрельнул глазами и что-то быстро зашептал на ухо Лис.

— Раз мы все здесь одинаковы, зачем главный? — насупленно сказал Ежики.

— Пока — ни за чем. Потом увидите... У меня есть давний знак командорства, очень простой. И очень старый. Видимо, еще от Командора Элиота Красса с броненосца... Я хочу отдать кому-то из вас.

Все молчали.

— Я думаю, пусть возьмет Цезарь,— тихо сказал Павел Евгеньевич.

— Почему?! — Цезарь вскинулся, как от укола.— С какой стати?.. Простите...

— Ты никогда никого не бросишь в беде.

— Во-первых, это неправда! — звонко сказал Цезарь.— То есть я не знаю. А во-вторых, почему вы думаете, что другие могут бросить?

— А я и не думаю. Наоборот... Но есть опыт, который позволяет мне решить... Это ведь не в обиду другим. Да никто и не возражает, по-моему. А?

Никто не возражал. С облегчением, с веселостью даже все повскакивали, встряхнулись, шумно заговорили, что так и надо.

— Бери, Чек,— сказал Витька, тоже чувствуя облегчение и радость.— Это справедливо.

— Это справедливо? — он чуть не плакал.— Вы просто не знаете...

— Цезарь, но если мы все так хотим,— негромко перебила его Лис. Тогда он притих, тоже встал.

— Я совершенно не представляю, чем это продиктовано.

— Временем,— вздохнул Командор.— И, наверно, судьбой... Если время можно порой крутить туда-сюда, то судьбу не обкрутишь... Подойди ко мне, Чек.

Из нагрудного кармана пиджака Находкин достал что-то маленькое, висящее на черном шнурке. Блеснула медная искра. Все сдвинулись, подтолкнули вперед Цезаря. На шнурке качалась форменная пуговица. На ней был отчеканен ободок из витого тросика, якорь, за ним две скрещенные шпаги, а сверху — половинка вставшего лучистого солнца.

— Разглядели? — сказал Находкин.— Вот и хорошо... — Он встал и аккуратно надел шнурок Цезарю на шею.— Носи и береги... Командор Лот.

— Но я... совершенно не представляю, что мне делать в этой роли.

Все засмеялись. Не обидно, а словно обрадовались чему-то. И Находкин, улыбаясь, объяснил:

— Никто, пожалуй, не представляет. Пока... Живи, расти, там поймешь... А я, ребята, пойду.

Смех утих.

— Пойду я,— опять сказал Находкин.— Князь Юр-Танка, возьми меня с собой... Правду ли говорят, что есть у вас церковь, где можно увидеть... свою маму?

— Да... — сказал Юр-Танка в навалившейся тишине.

— Возьми меня с собой, мальчик... Я ее видел в последний раз, когда мне было шесть лет...

Ни слова не сказав, ни на кого не посмотрев, Юр-Танка взял Находкина за худую руку. Юкки и девочка разом вскинули на Командора глаза.

— Их тоже возьмем, князь. Ладно? Ты же всегда хотел, чтобы у тебя был брат или сестра. Вот и будут, сразу двое... Юкки станет наконец трубачом, пора заканчивать и эту легенду как полагается...

— Хорошо,— еле слышно отозвался Юр-Танка.— Идем.

Все, даже неугомонный Филипп, сообразили, что не надо прощаться, не надо ничего говорить. Находкин вышел первым. В дверном проеме он (темный на фоне солнечного дня) поднял над плечом руку, махнул слегка, сильно согнулся и шагнул в сторону. За ним ушел Юр-Танка — также махнул ладонью. И за ними Юкки и девочка повторили этот жест.

И — пусто у входа.

А медный шар маятника ходил от стены к стене — вечный, непонятный. «Щелк... щелк... щелк...»

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

СВЕРДЛОВСК: «Аэлита»-90

Виталий БУГРОВ, Игорь ХАЛЫМБАДЖА

Чем новым — по сравнению с предыдущими годами — ознаменовала себя девятая «Аэлита»?

В очередной раз перекрыты все былые наши рекорды. По количеству участников, по числу представленных клубов и городов. По числу секций и семинаров. Призов и лауреатов. Иностранных гостей...

На «Аэлиту»-90 приехало 547 человек из 124 городов и поселков — представители 157 КЛФ. Охват — от Петропавловска, что на Камчатке, до Львова и от Мурманска — до Баку и Тбилиси. Вся страна, включая и «полузаграничную» Прибалтику... В празднике, кроме того, участвовали до двухсот свердловчан (среди них и 4 свердловских КЛФ), а также гости из Болгарии (А. Славов, Л. Николов, А. Карапанчев, Ю. Илков, Р. Панайотова, С. Николов, Т. Яламов) и Польши (М. Соучек).

Естественно, не могло быть и речи о том, чтобы всю эту массу разместить в гостиницах города. Гостиничный сервис в нашей стране вообще давно уж стал притчей во языцех; в столице Урала он упел просто катастрофически. Два-три года назад для нас не составляло неразрешимой проблемы расселить по гостиницам пусть и не полтысячи, но все же 200—250 фэнов; теперь мы и для неполного десятка писателей с превеликим трудом, едва ли не до дна исчерпывая резервы пресловутых «связей личного характера», выбиваем... нет, и не люкс даже (фантасты, к счастью, народ неприхотливый), а самое заурядное пристанище — двухместные номера... К счастью же, и фэны в нашей стране заботами общества о себе тоже не избалованы.

Стараниями бывшего секретаря ВС КЛФ В. Орлова наш нынешний праздник оказался включен в программу мероприятий III Всесоюзного фестиваля народного творчества. Благодаря этому впервые у «Аэлиты» обнаружился спонсор — фирма «Интерхоббитехника» Ассоциации делового содружества «НТП». Ю. Аведов, ее представитель в Свердловске, — молодой, обаятельный, в высшей степени деловой, — сумел-таки воплотить в реальность предприятие, бесплочвенные сомнения в успехе которого не покидали всех нас вплоть до середины мая: «Аэлита»-90

поселилась на живописной турбазе «Хрустальная», что километрах в тридцати от Свердловска. Проблема жилья (и централизованного питания — пожалуй, впервые в истории «Аэлиты»!) была решена. Другое дело — каким образом на 330 забронированных местах разместилось едва ли не вдвое большее количество людей? Выручила та самая неприхотливость: в тесноте, да не в обиде. Зато ведь — все вместе: общайся до упора с любимым, кто нужен... Существенным минусом несомненного этого плюса была оторванность от города, от редакции и писательской группы, от свердловских фэнов, из которых лишь для двух-трех десятков «чернорабочих» фестиваля выкроилось место на турбазе.

Открылась «Аэлита»-90 в четверг, 24 мая, конференцией представителей КЛФ, которая обсудила работу ВС КЛФ, избранного два года назад в Киеве. Новый совет вновь возглавил М. Якубовский (Ростов, КЛФ «Притяжение»), что и не удивительно: по анкете, распространенной среди клубов, из прежнего руководства его рейтинг оказался выше всех...

А 25-го, в пятницу, автобусы с обитателями «Хрустальной» потянулись к привычному уже (по прошлому году) Дворцу культуры «Урал»... Кому были вручены основные призы — вы уже знаете по 2-й странице обложки; к слову сказать, все три лауреата — случайность ли? — принадлежат к 40-летним (О. Корабельников родился в 1949-м, В. Бабенко и А. Столяров — в 1950-м), — тому самому поколению, чья судьба в литературе еще совсем недавно складывалась трудно и неудобно. Слава богу, что кое-что в нашей жизни все-таки изменилось к лучшему; и дай-то бог, чтобы все подобные изменения были необратимы!.. Мы искренне рады за Андрея Столярова, напомним, в марте удостоенного в Ленинграде премии имени А. Р. Беляева; здесь, на «Аэлите»-90, ему был вручен и еще один приз — «Великое Кольцо»! Лауреатов этого приза определяет омский КЛФ «Алькор» — по итогам анкетирования, проводимого с помощью Омской об-

Геннадий
Прашкевич

ластной юношеской библиотеки; рассказ Андрея «Изгнание беса», до книги печатавшийся в журнале «Простор», был признан любителями НФ лучшей публикацией 1988 года по разделу «Советская фантастика: малая форма».

Здесь же, в ДК «Урал», были оглашены результаты областного конкурса детского рисунка «Мир XXI века». Устроители этого смотра — управление культуры (его старший методист В. И. Вяткин, возглавивший оргкомитет, во многом способствовал несомненному успеху конкурса) и редакция «Уральского следопыта» — объявили его в сентябре прошлого года среди учащих детей художественных школ Свердловской области. Всего на смотр было представлено несколько сот работ — живопись, графика, скульптура, мягкая игрушка, батики (живопись по ткани) и даже гобелен. На итоговую выставку в рамках «Аэлиты» жюри (от редакции в его работе активно участвовал Анатолий Пасека — действительный член Ассоциации художников-фантастов США) отобрало 67 работ. 14 юных художников из Свердловска, Невьянска, Ирбита, Нижнего Тагила, Асбеста получили призы нашего журнала — книги с автографами писателей-фантастов; самым младшим лауреатом оказалась при этом 6-летняя Ирочка Балыко (Свердловск). Кстати, сейчас, когда вы читаете этот репортаж, выставка участников смотра должна быть развернута в Свердловске в полном объеме...

Никакого фильма в ДК «Урал» на этот раз не было — обошлись без него. Торжественный вечер, безусловно, украсили пластические композиции (естественно, самого фантастического содержания), профессионально исполненные Алексеем Злотником и его товарищами из кишиневского КЛФ «Звездный факел». Были также самодеятельные песни под гитару. Главным же было — увы, не на полную (взгляд из президиума!) катушку — общение с писателями, среди которых, помимо новых лауреатов, были москвичи К. Булычев, Н. Беркова, В. Гопман, свердловчанин С. Другаль, Г. Прашкевич (Новосибирск), Б. Штерн (Киев), А. Бушков (Красноярск), Н. Чадович (Минск), большая группа совсем молодых авторов, а также писатели из Болгарии А. Славов, А. Карапанчев, Л. Николов... Возможно, зал надеялся на новые встречи с ними? В рамках «Аэлиты»-90, как оказалось, напрасно.

С 26 мая начались семинары. Фэндом наш, как и следовало ожидать, все более расслаивается «по интересам», и на «Аэлите»-90, наряду с вполне уже традиционными семинаром молодых авторов и такими секциями, как фантастиковедение, библиографическая, обмен опытом, фэн-пресса, работа с подростками, появились — по инициативе снизу — и новые. Оформились, в частности, два объединения — Ассоциация компьютеризованных фэнов (руководитель — С. Щеглов, Пермь, КЛФ «Хиус») и «Людены» — группа единомышленников, увлеченных творчеством братьев Стругацких.

Впервые «прорезалась» на нынешней «Аэлите» секция самодея-

тельных переводчиков. Правда, провела она лишь краткое ознакомительное совещание, но лиха беда начало — похоже, перспектива у секции есть: ценителей подобных переводов немало.

По инициативе фэнов из МГУ был проведен семинар «Развитие человека и прогностика», а красноярцы из КЛФ «Вечные паруса» собирали участников своих «Хоббитских игр»...

Естественно, не обошлось и без проколов. Неудача постигла секцию самодеятельного кино и театра. За исключением фильма челябинца Н. Серышева показать — и, стало быть, просмотреть — что-либо из привезенного не удалось: по причине отсутствия на турбазе соответствующей аппаратуры. Из-за невозможности принять нынче всех желающих (по предварительным заявкам таковых было около 1000 человек в этом году!) сорвались и намечавшиеся постановки...

Определенную дезорганизацию в быт и работу «Аэлиты»-90 вносила и какая-то часть фэнов. Уже в первый вечер таинственно исчез большой информ-плакат «Что? Где? Когда?», объявления — красочные и не красочные — пропадали столь же бесследно, словно некий неведомый враг пытался сорвать праздник, сея информационный голод, бестолковщину и неразбериху. Не отсюда ли и ностальгическая наша грусть по первым «Аэлитам»: ах, фэны, фэны, где была ваша интеллигентность, ваша организованность и добропорядочность — где?!

Первые была предпринята на «Аэлите»-90 попытка организовать Книжный Магазин. Многие клубы (из Ростова, Москвы, Ленинграда, Киева,

Горловки и других городов) привезли и сдали в него книги и самую разнообразную печатную и иную продукцию. Первый «блин» вышел — таки комом из-за высокого непрофессионализма наших «купцов» — день ушел на приемку товара, день на подведение «итогов», а всего-то ведь и было 4 дня...

Вполне удовлетворительно, практически круглосуточно, работало видеокафе, показав за три дня свыше 25 фильмов. Правда, вместимость его была явно мала. Отсутствие достаточно просторных помещений вообще было основной бедой — секции теснились в холлах, в жилых комнатах «побольше»...

Не удалось провести на турбазе организованную (с президиумом, записками, ведущим) пресс-конференцию с писателями-фантастами, к которым на сей раз присоединился и занятый все эти дни В. Крапивин. Писателей разобрали, «растасчили» по базе, окружили плотными заслонами из тел, и даже собрать их для вывоза с «Хрустальной» оказалось делом нелегким...

Несмотря на стихийно возникший и функционировавший непрерывно книгообмен, неплохо в целом прошел аукцион книг и различного НФ реквизита, хотя и эту форму организации досуга на наших «Аэлитах» надо бы совершенствовать: были в этом году и недовольные, и обиженные недостатком внимания к себе... А перед аукционом состоялось торжественное вручение еще одного приза — «Эротикона», учрежденного клубом «ЛЭФ» (Хабаровск) и его фэнзином специально для Вилли Конна — за его «трилогию». Долго вызывали лауреата, но тот себя не обнаруживал — и приз передали на хранение в музей «Аэлиты» и «Уральского следопыта».

Завершился третий день праздника — карнавалом. Рыцари, роботы, коты... в том числе — бойцовые. Медведи, ведьмы... Карнавал был с дискотеккой, с компьютерными играми, с КВНом, в котором вполне профессионально выступили три команды, составленные из представителей разных городов. Карнавал явно получился! В своих расспросах нам на этот раз не привелось встретить никого, кто счел бы веселое это действо ненужным или не удавшимся...

Кстати, на карнавале были подведены итоги конкурса значков, организованного челябинским клубом «Нимфа». В этом деле у «Аэлиты» тоже появился спонсор — челябинский НТТМ «Практик-Центр», на средства которого были приобретены призы.

Плотнее всех прочих секций и семинаров работал, как и в прошлые годы, семинар молодых авторов, ру-

Очередное интервью дает Кир Булычев

ководителем которого вновь был С. Казанцев, а старостой — И. Кузовлев, редактор кооператива «Свиток». В семинаре участвовало 28 авторов, успели подтвердить обсуждению — 22. По-видимому, вторая цифра — достигнутый в прошлом году предельный максимум, превзойти который за два дня «Аэлиты» практически невозможно.

По мнению руководителя, публично им высказанному, представленные в этом году работы были в массе своей слабее прошлых годов. Если верна причина, то это может только порадовать: с лучшими вещами своими многим участникам семинара уже удалось пробиться в печать.

— Прежде наш семинар, — говорит Сергей Иванович, — был одной из немногих адушин для начинающих фантастов. А сейчас, когда резко увеличилось количество изданий, публикующих фантастику, у молодых авторов появилась быстрая возможность высшего — читательского — суда. На семинаре обсуждается только неопубликованное, а у тех, кто уже начал печататься, хорошие произведения в столе не залеживаются — это естественно... Конечно, были и свежие работы, еще не опробованные у издателей; среди них мы отобрали добрый десяток рассказов — с тем, чтобы предложить их в кооперативное издание «ПиФ». Повесть Сергея Саса (Алма-Ата) и рассказ москвича Всеволода Мартыненко (читатели нашего журнала недавно познакомились с его иллюстрациями к повести В. Михайлова) рекомендованы семинаром для публикации в «Уральском следопыте», еще одна повесть — Леонид Соколовского (Пермь) — для издания отдельной книгой. Наконец, на ежегодный Малеевский семинар нами рекомендованы Николай и Сергей Ореховы (Барнаул) и Игорь Саенко (Новочеркасск)...

О работе секции фэн-прессы рассказывает ее руководитель С. Бережной (Севастополь, КЛФ «Атлантис»):

— Как ни парадоксально, фэнзинам на секции внимания уделялось довольно мало, хотя со времени прошлой «Аэлиты» появились в фэндоме и очень удачные журналы. Скажем, уже приобрел популярность международный (!) журнал НФ и фантастики ужасов «Мед лэб» (ред. В. Шелухин, г. Николаев). Он прекрасно оформлен, широко задействует рекламу, впервые у нас использует систему гайдлайнов — информационных листков с перечислением требующихся материалов. Другой интересный опыт — фэнзин «Сизиф» (ред. А. Николаев, г. Ленинград), прежде выходивший под названием «Измерение Ф». С пере-

менной названия журнал заметно изменил и лицо: больше места отводится публицистике, тщательнее формируется раздел прозы...

В центре внимания на секции оказались НФ газеты, получившие за последний год неожиданно большое распространение.

Первая в СССР НФ газета «Великое Кольцо», выпущенная в Сегрее в начале 80-х, была немедленно закрыта. Но к концу 80-х положение в стране изменилось достаточно, чтобы выпуск таких изданий не считался преступной акцией, и фэны немедленно этим воспользовались. Сначала появились специальные НФ приложения и вкладыши к местным молодежным газетам («Аэлиты», г. Иваново; «Фантом», г. Черкассы), а затем и отдельные издания. Список открыла газета «Измерение Ф» (ред. А. Согрин, г. Ленинград), выходящая на базе одноименного фэнзина. Уже второй ее выпуск (он был привезен на «Аэлиту» и пользовался успехом) показал, что, при очевидных недостатках, это издание потенциально серьезное и заслуживает внимания как знатоков, так и широкого круга читателей.

Вообще же у НФ газет еще все впереди. Скажем, «Галактические новости» (ред. И. Морозов, г. Владимир) свой первый выпуск профессиональных и любительских изданий и тем, что принято называть «клубным мусором»; в результате номер получился сырым. Более благополучно выглядит первый номер газеты «Плюс-минус бесконечность» (г. Москва), соредатор которой, С. Яковлев, рассказал о своем опыте сотрудничества с МАДПР (именно под ее эгидой выходит газета); возможно, «Плюс-минус...» станет первым в Союзе коммерческим изданием по НФ; остальные газеты распространяются почти исключительно внутри регионов, в которых выходят.

С 1989 года кооператив «Свиток», созданный при «Уральском следопыте» и Средне-Уральском книжном издательстве, выпускает сборник «ПиФ» («Приключения и фантастика»). Председатель «Свитка» М. Козловский говорил на секции об общих принципах выпуска подобных изданий, их перспективах — «ПиФ», в частности, планируется в дальнейшем выпускать как альманах.

Регулярные альманахи НФ готовятся и в других городах — в «Уральском следопыте» писалось об этом. На секции было подтверждено, что в Ленинграде скоро выйдут «МИФ» (ред. Б. Стругацкий), «Измерение Ф» (ред. С. Логинов), «Китеж» (ред. Ф. Дымов), «Оверсан» (ред. А. Чертков); сообщено, что москвичи предложат любителям НФ альманах «Завтра» (ред. В. Бабенко) и журнал, название которого пока неизвестно

(ред. В. Михайлов). В Минске свой оригинальный проект готовит агентство «Эридан»...

Все эти издания, разумеется, будут добиваться своего преобразования в журналы — тогда наш фэндом сразу получит развитую систему НФ периодики... Впрочем, это дело будущего. Пока же хотелось бы обратиться к редакторам любительских и профессиональных НФ изданий с таким предложением.

Ни одно издание не может существовать в изоляции, без обмена опытом с коллегами. Информация — наш хлеб. В связи с этим при агентстве «Оверсан» начинает работу информцентр по фэн-журналистике. Его цель — установление контактов между редакциями журналов, газет, фэнзинов, распространение накопленного ими опыта. Связаться с информцентром можно, написав по адресу: 335028, г. Севастополь-28, а/я 68, Бережному Сергею Валерьевичу. К любой корреспонденции просьба прилагать конверт с обратным адресом.

Заканчивая, нам непременно хочется отметить, что проведение «Аэлиты»-90 было бы, прямо скажем, едва ли возможно, если бы не самоотверженная работа свердловских любителей НФ — таких, как Т. Патракова, В. Некрашевич, А. Курбатов, Д. Ломаков, А. Терентьев и многих других, а также ребят из кооператива «Свиток». (Отгородившись скобками от соавтора, при единодушной поддержке редакции решительно включаю в этот список и его — Игоря Халымбаджу, нашего старейшину, бесценного координатора едва ли не всех наших «Аэлит»... — В. Б.)

В заключение приведем открытое письмо наших деятельных друзей и помощников, адресованное...

Всем фэнмам страны!

Констатируя закрытие фестиваля «Аэлиты»-90, оргкомитет благодарит всех, кто оказывал помощь в его подготовке и проведении, разделяет радость тех, кому понравились четыре дня, проведенные в Свердловске, и приносит извинения тем, кто вернулся домой неудовлетворенным. Фестиваль закончился? Да здравствует фестиваль! «Аэлиты»-91 надвигается неудержимо!

Оргкомитет доводит до сведения всех заинтересованных, что им рассматриваются следующие вопросы.

1. Фестиваль «Аэлиты» разрастается с каждым годом, поэтому со всей остротой встает проблема спонсоров, готовых оказать финансовую поддержку организаторам. При всем своем демократизме устроители «Аэлиты» вынуждены всерьез задуматься о возможном оргвзносе (30—40 руб. с каждого участника).

2. Забота о здоровье гостей и уральский климат подталкивают оргкомитет к переносу сроков проведения «Аэлиты». В качестве возможных вариантов называются первые две недели июня.

3. Оргкомитет категорически рекомендует будущим гостям «Аэлиты» объединяться в межклубные делегации по территориальному признаку. В делегации должен быть старший, который отвечает за членов делегации и взаимодействует с оргкомитетом.

Заявки на участие в «Аэлите»-91, поданные от таких делегаций, будут рассматриваться в первую очередь.

4. Помимо гостей, получивших приглашения, на фестиваль «Аэлита» каждый год прибывает изрядное количество «дикарей». Принимать внеплановых фэнов становится все сложнее, и оргкомитет официально заявляет: Братья по разуму! Мы очень рады видеть вас у себя, но в 1991 году лица, приехавшие без пригласительных билетов, должны будут сами заниматься своим размещением, оргкомитет не сможет оказать содействия.

Братья по разуму, ждем от вас предложений и замечаний — как по этим, так и по другим вопросам подготовки и проведения «Аэлиты»-91.

Помогая нам работать — вы помогаете себе!

Обозначенные в письме вопросы, естественно, согласованы с редакцией, и мы очень надеемся уже к декабрю суммировать мнения всех заинтересованных лиц и организаций.

Пишите нам по редакционному адресу, с обязательной пометкой на конверте: «Аэлита»-91.

Ищите Хоббита!

(к рисункам А. Коротича на вкладке)

Адам родил Сифа, Сиф родил Еноса, Енос родил Каинана, Каинан родил Малелеила, Малелеил родил Иареда, Иаред родил Еноха, Енох родил Мафусаила, Мафусаил родил Ламеха, Ламех родил Ноя. «Ноя» было пятьсот лет, и родил Ной Сима, Хама и Иафета.

С тех пор и пошло...

Долго ли, коротко ли, добралось и до Джона Рональда Р. Толкиена. Он тоже сперва родился, потом учился, стал себе профессором и сед писать книжку. Называлась она «Сильмариллион», говорилось в ней, что был Эру, которого в Арда называли «Илюватор», он создал Аннур, которые творили перед ним Музыку. Некоторые Аннур стали Валар, из которых повелителями были Манве, Ульмо, Ауле, Ороме, Мандос, Лориен и Тулкас. У Валар были их слуги, Майяр, самым мудрым из которых был Олорин, которого позже звали Митрандиром и Гэндальфом. Позже созданы были эльфы, гномы и люди.

Так началась длинная история, которую выдумал профессор Толкиен. Шло время, писалась книга, новые и новые цепочки героев и деяний выстраивались на ее страницах, и получился огромный мир, красивый и таинственный, но профессору все чего-то не хватало, так что книгу, почти совсем уже написанную, отложил профессор в сторону и занялся своими учеными делами.

Долго ли, скоро ли, лежала книга, пока не родился в один прекрасный день хоббит. Звали его Бильбо, и досталось ему Кольцо, которое передал он своему племяннику, хоббиту по имени Фродо.

Узнаёте? Так началась невероятная история Хранителей. А в книге «Сильмариллион» появилась запись о том, как «помощь пришла из слабых рук», «хафлинг Фродо по просьбе Митрандира взял на себя бремя и один, со своим слугой, добрался до Горы Судьбы и бросил Великое Кольцо Власти в огонь, туда, где оно было выковано, и зло исчезло вместе с ним».

Так закончилась книга, которую написал профессор Толкиен. Но истории никогда не кончаются, они всегда продолжают, за одними возникают другие. Строятся цепочки. Берут начало свое где-то в прошлом и через нас тянутся куда-то в будущее.

Но есть у цепочек один закон: рано или поздно в каждой из них должен появиться Хоббит, из-за которого истории заканчиваются и начинаются, из-за которого происходят события невероятные, чудесные или даже самые обыкновенные.

Цепочки бывают разные. Весть о хоббитах занес к нам Гребеншиков Борис. И поведал ее Матвееву Андрею, который рассказал Кормильцеву Илье. Завилась цепочка, пока не докатилась до Коротича Александра.

Цепочки, повторяюсь, бывают разные. Саша Коротич перед тем, как взялся иллюстрировать историю Хранителей, успел родиться, выучиться аж до кандидата архитектурных наук, а еще был редактором институтской газеты «Архитектор», в которой трудился корреспондент Бутусов Слава, который, ужасно смущаясь, брал однажды интервью у Насти Полевой. А Настя интервью давала. Коротич в это время рисовал обложки для магнитофонных альбомов мало кому известных групп «Трек» и «Урфин Джюс». Очень красивые были обложки, а Бутусов впоследствии тоже оказался хоббитом. И Настя Полева...

Всекие бывают цепочки. Перед тем, как взяться за историю хоббита по имени Фродо, Саша Коротич нарисовал мир «лесных и подземных жителей», мир чудесный и странный, в котором — что очень важно! — тоже был свой хоббит, маленькое существо с фонарем в руке. Симпатичное существо, без которого темно у лесных и тем более подземных жителей. Нарисовал Коротич и Маленького Принца, которого вы, надеюсь, уже видели, и Крошку Цахеса, и Петера Шлемия вместе с его «Удивительной историей», и «Песочного человека», и Русалочку, и многое другое разное.

Коротич снова и снова ищет Хоббита. И найдет, это без сомнения. Получится еще одна история, которой закончатся одни и начнутся другие цепочки, новые люди пустятся на поиски новых хоббитов. Каждый за своим.

Рисунки перед вами. Смотрите и ИЩИТЕ ХОББИТА!

Леонид ПОРОХНЯ

НЕ ПРОСТО СВИДЕТЕМ

И УВИДИШЬ...

Вот и стала снова осень станом
На недолгий, может быть, постой...
В круг листвы шагнешь,
 летящий рдяно,

В облако огня,
Метельный рой.

И увидишь:
Свет струится в поле,
Холодом подсушены леса.
Ну, а что еще и надо, коли
Здесь твой дом и здесь ты родился.

Что с того,
Что жизнь не стала раем,
Золотым дождем не пролилась.
Разве с жизнью нас не примиряет
Та земля,
 что с нами родилась?

Родина!
Какие с нею счеты!
И плотнее ставишь ты опять
В бесконечный ряд свои заботы —
Все ошибки, раны и просчеты
Ими,
 как бинтом,
 забинтовать.

ВОЛНЫ

Когда-то здесь... Что было — было.
А нынче — только погляди!
Тугое зеркало воды
В себе все небо уместило.

И кажется, вся жизнь иначе
Теперь вершиться здесь должна б:
Иной размах, иной масштаб,
Иные темпы и задачи.

Но поглядеть, так не свернула
Жизнь с колеи привычной все ж,
Ни новым смыслом не сверкнула,
Ни старых не сняла одежд.

Вот женщины стоят гурьбою.
Как много слов в их говорьбе!
И просто выплеснуть помои
Им чуть не под ноги себе.

Вот парень...
Что ему — в пол-уха
Послушал женскую нуду
И зашумел, дурной, забухал
С пустыми ведрами к пруду.

Вокруг — щепа, газойля пятна,
И лапник брошен, где пришлось.
Еще им, верно, не понятно,
Что будущее —
Началось.

И веет в воздухе самом,
Что минул час канунов, минул.
И ходят волны ходунуном,
И шири —
 взглядом не окинуть.

КАК ВОДИТСЯ

Как водится в сказке и песне,
Герой в них —
Всегда молодец.
И если умрет,
 то воскреснет
И тут же пойдет под венец.

И в чем его сила — кто знает!
Но он и в огне не горит.
Он спит —
А забота земная
На страже.
Забота не спит.

Не конь, так орел или шука,—
Но выручит кто-то его.
И все ему в благо:
Разлука,
Забытое в поле копье.

Пускай и не скажешь:
 счастливым!

Везучий —
Как раз про него.
И эта его незлобивость
На свете дороже всего.

И это чудесное свойство —
Под натиском новой беды
Вставать,
 не твердя о геройстве
На все голоса и лады.

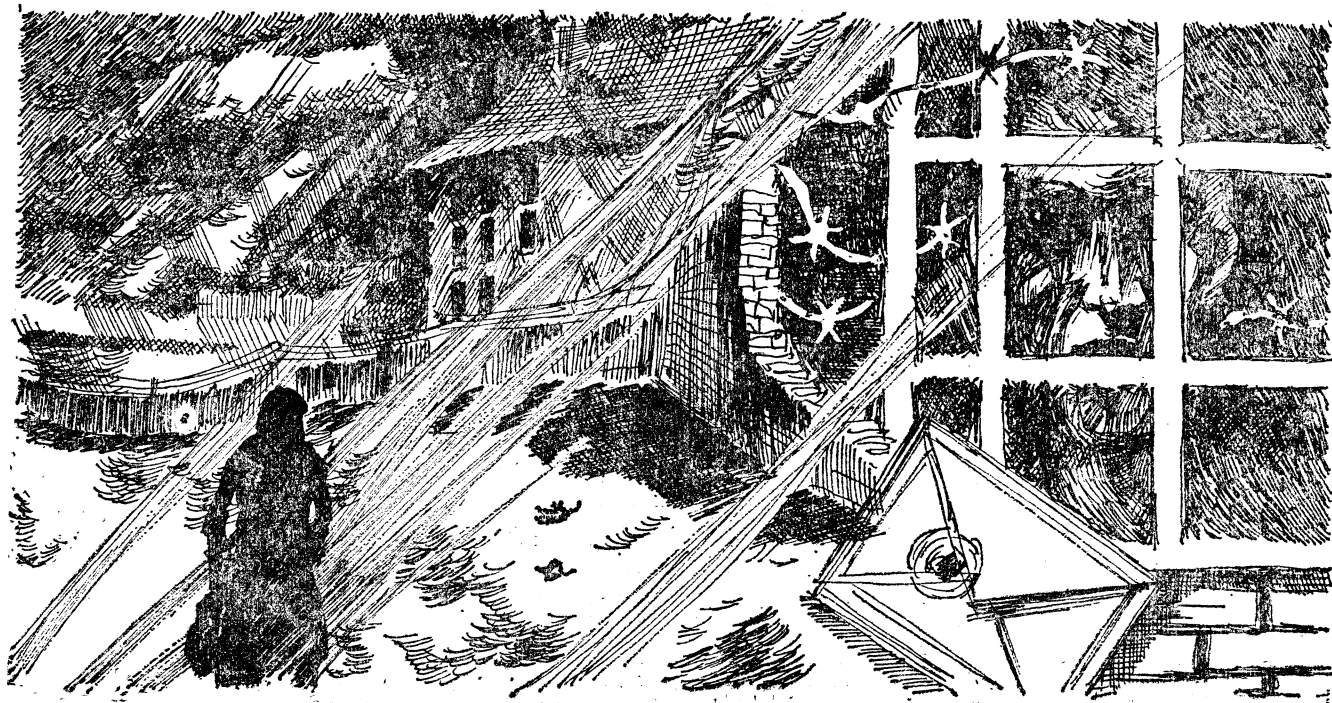
Его справедливого шага
Ждут люди,
 как добрую весть.
Есть подпись его
На рейхстаге?
Его?
Да, наверное,—
 есть!

С ЛЕГКОЙ КИСТЬЮ

Неизвестный художник...
Неизвестный, а все ж
Как он веет над рожью,
Как он сеется в рожь!
Как залег он холмами
В золотом далеке,
Как он встал рядом с нами
С легкой кистью в руке.

ТВОЯ ЗЕМЛЯ

Только встанешь,
А в окнах — земля.
Не с тобою ли вместе проснулась?
Вся, как парус,
Она развернулась
И наполнилась ветром и гулом,
Крупным блеском росы
Веселя.
И одна из святынь —
Не она ль,
Что, как пламя живое,
Струится?
И лишь стоит над ней
Наклониться:
Что ни мал бочажок —
То криница,
Что ни камень замшелый —
Скрижаль.
Ты и сам здесь
Не просто свидетель:
Снег сошел, де, и дышит трава,—
А хозяин, работник, радетель
Всем ее родникам и столетьям,
И с тобою земля —
Не вдова.
Ты не веришь,
Что это случится,
И твой внук
От земли отлучится
И свой род от нее
Отлучит:
Он и сам без нее
Не свершится
И ничто на земле
Не свершит.
Выйдешь в поле —
Навстречу судьбе.
Выйдешь в поле —
И вовсе не странно,
Если вдруг с головою-курганом,
Испугавшей когда-то
Руслана,
Повстречаться придется тебе.
Будешь рад,
Если вдруг обнажится
Та, что занята ею,
Землица.
Меч, понятное дело,
Годится,
Чтоб с любимым Черномором
Сразиться,
С мертвой силой,
Что грозно таится
В пресловутой его
Бороде.
Но важнее —
Зерно в борозде.

ПИСЬМО МЕРТВОГО ЧЕЛОВЕКА

Рис. Дмитрия Лебедихина

Эта исповедь более полувека хранилась в семье того, кому была предназначена в далеком и страшном 1938 году — Ефима Анисимовича Богуславского, чудом избежавшего печальной участи своего коллеги, автора письма-жалобы, сотрудника УНКВД по Свердловской области И. Сиротина. Е. А. Богуславский — участник гражданской войны, с 1921 года — сотрудник Симферопольской ЧК. В областном управлении НКВД в Свердловске, куда был переведен в 1926 году, занимал пост начальника отдела мест заключения. В 1939 году уволен из НКВД «за невозможность дальнейшего использования». А фактически за то, что был не согласен с незаконными, творившимися в «органах».

В годы Отечественной войны отлученный чекист работал директором деревообделочного комбината в Свердловске, потом — в управлении легкой промышленности. В честь 50-летия Октябрьской революции «за активное участие в гражданской войне и борьбе за установление Советской власти» награжден орденом Красной Звезды. Е. Богуславский скончался в 1970 году.

Автор письма — И. Сиротин, бывший руководитель 6-го отделения Свердловского УНКВД, умер, находясь в заключении. Сведений о его родственниках мы не имеем. И письмо И. Сиротина публикуется с разрешения дочери Е. Богуславского Наталии Ефимовны.

Нач. отд. МЗ ст. лейт. гос. безопасности тов. Богуславскому

Уважаемый Ефим Анисимович!

1 апреля 1938 года я написал заявление о признании себя членом контрреволюционной организации правых в УНКВД, в котором указал, что мне известны как члены организации Самойлов, Счастливец, Антонов и Вы. 8—10 апреля я писал собственноручные показания, в которых также указал, что Вы член к-р орг. правых, и назвал новое лицо: Энно. Около 15 апреля меня вызвал Боярский и предложил написать отдельные протоколы на всех этих лиц и еще на одно лицо: Ермолаева. Около 16—18 апреля я выполнил и это предложение.

Вас удивляет, как могло случиться, что я, не зная, причастны ли Вы к к-р организации, более того — будучи уверенным в Вашей честности и невинности перед партией и Сов. властью — возвел на Вас эту гнусную клевету? Об этом Вам и хочу написать.

Из нижеизложенного Вы увидите, что я принял меры к реабилитации Вас от этой клеветы, но увидите также и то, что я начинаю терять уверенность на успех, и поэтому решил применить эту небольшую хитрость — послать Вам письмо под видом закрытой жалобы. Кто знает, может быть, мои «показания» не сегодня-завтра Вам поставят в счет. Пусть это письмо будет у Вас документом о фальшивости моих показаний. Пользуйтесь им, как Вам угодно и когда угодно. Клянусь, что все, что здесь написано, только правда, и если бы мне дали возможность (я жду, когда мне ее предоставят) доказать эту правду, каждое слово и каждый факт, я докажу, это бесспорно.

Я арестован 5.08.1937 г.— 14 месяцев назад. Основанием к моему аресту послужило, кроме тех материалов, которые Вам известны (родственников и знакомых оказались врагами народа), еще показания сотрудника УНКВД Казанского о том, что я — Сиротин — член к-р орг. правых. Когда мне предоставили эту ложь, я был потрясен. Членом к-р орг-и не был, о ее существовании даже не подозревал, с Казанским знаком не был, и Вам известно, как далек я был от Решетова и какую незначительную роль в аппарате УНКВД играл. Эта фальшь была настолько грубо сделана, что я был морально совершенно спокоен, ибо доказать ее абсурдность ничего не стоило. Судите сами: Казанский занимал заметное положение, и вот, вербуя его, Решетов говорит: в организации уже состоят Счастливец, Плахов, Моряков, Корнеев и... Сиротин, бывший в момент вербовки оперуполномоченным ЭКО.

Был ли я для Казанского авторитетом, за которым можно идти? Казанский меня и не знал, и если бы Решетов ему говорил, то он бы и не запомнил. Если бы я был членом к-р орг., то руководил бы не 6-м отделением ЭКО, обслуживающим местную промышленность, а был бы выдвинут на такой участок, где нужно было бы в интересах правых вредить: например, военной промышленности, меди, машиностроению и пр. Меня бы Решетов выдвигал и в оперативном, и в партийном отношении. Разве делала погоду одна из 26-ти партгруп, которой я руководил? Член организации нужен был в парткоме.

Еще пример: якобы я пропагандировал правую к-р теорию о несовместимости оперативной работы с партийной. Во-первых, такой «теории» я не слышал. Речь идет о собрании парторганизации УНКВД, осенью 1936 года, где, очевидно, были и Вы. Я, выступая, критиковал упадок парт. работы в ряде партгруп и неприятие мер со стороны парткома. Я говорил, что не случайно вышел приказ нач. УНКВД, обязывающий нач. отделов не срывать регламент парт. жизни.

Меня слушали внимательно, бросали реплики. Никто, однако, не заметил в моем выступлении ничего контрреволюционного. Я думаю, был хоть один настоящий большевик на собрании, который бы мог заметить. Явный абсурд.

Но меня изумляло другое: почему Казанский показал на меня, — заведомо ложно. Тогда я объяснял это только одним: Казанский психически ненормален, за 6 дней до ареста он был снят с работы по болезни на пенсию. Будучи действительно виновным и вынужденным признаться, он скрыл действительных виновников, обманул следствие, указав на меня в расчете, что ему поверят, т. к. я в этот момент прорабатывался парторганизацией за свои «знакомства с врагами народа».

В марте-апреле 1938 года я понял, как могли возникнуть такие показания, потому что сам написал такую же ложь, если не хуже, гнусную ложь.

Дело мое до марта 1938 года вел 4 отдел УНКВД. За 9 месяцев меня 3—4 раза вызывали, предлагая «дать показания». Я неизменно отвечал, что невиновен, лжи на себя принимать не могу. Написали «изобличительный» протокол. Таким образом вели дело, но никаких незаконных мер понуждения не применяли, если не считать, что полгода я провел в одиночках, за 9 месяцев получил 3 передачи, в связи с болезнями ослаб, так что едва волочил ноги.

Когда мне другие заключенные рассказывали о том, что следователи открыто предлагают подписать вымысел, якобы потому, что это нужно партии и правительству, я отвечал, что вы лжете, вы враги, этого быть не может.

16 марта 1938 г. мое дело передали в 3 отдел в отделение Литвакова (родственник нач. УНКВД Дмитриева) к следователю сержанту Гаюде. Меня это покорило: почему в 3-й отдел? Почему к Литвакову? А главное — Гаюда. В этот же день меня навели в камеру Гаюды, Харин и Хальков. Отрекомендовались, что теперь

они являются группой лучших следователей в УНКВД и что поэтому все дела на бывших сотрудников передали им, что ряд сотрудников в результате этого уже «дали показания». То, что эти люди составляют лучшую группу следователей, меня изумило. Вы знаете, сколь ограничены и безыдейны эти люди. Гаюда — морально разложившийся, пьяница, развалил работу Кировградского Р. О., разложил аппарат, был связан и пьянствовал по 3-е суток без перерыва на глазах населения с врагами народа: бывшим секретарем Кировград. РК ВКП(б) Пермьяковым и директором Невьянского военного завода. Именно благодаря ему враги — пятаковские наймиты — безнаказанно орудовали в кировградской медной промышленности, отравляя и заваливая в шахтах рабочих. Гаюда никогда не вел сколь-нибудь серьезных дел. Когда его сняли, он пришел в мою партгруппу, и я его проработал, к сожалению, не зная тогда, что люди, с которыми он сросся в Кировграде, — враги, а «работа» его — лучшая помощь врагам. За то, что я его прорабатывал, он, когда перешел работать в ОМЗ, писал в стенгазете 3 отдела, что «Сиротин состоял в к-р связи с врагами народа». И без всяких оснований. Вот он-то, как показали дальнейшие события, действительно и явно был в к-р связи.

И этот человек стал лучшим следователем, и ему поручили мое дело! Он понял, какими глазами я на него посмотрел, и заявил: «Ты не думай, я теперь не пьяница, я другой стал».

Харин — человек с кулацкой психологией. Против его назначения вместо меня парторгом я категорически возражал (Антонов это знает). В 1933 году нач. Верхотурского Р. О. Ваганов сообщал о том, что Харин в разговоре с ним вел к-р правую пропаганду о голоде в деревне, о развале колхозов и пр. Материал этот имеется в делах партгрупы. Харин это отрицал. Тогда нашли, что одного заявления Ваганова для того, чтобы сделать выводы, недостаточно. В 1933 году Харин был одним из главных участников провокационного следственного дела по Надеждинскому леспромхозу (Старый Липач) — по этому вопросу велось следствие, но его замяли.

В 3 отделе я ставил вопрос о парт. ответственности Харина за антипартийный поступок. Зато когда я ушел в ОМЗ и меня начали прорабатывать, Харин активно выступал против меня на всех собраниях. Ну, Халькова я знаю мало, знаю, что он был не передовым работником особого отдела. И всё.

Вот кому попало мое дело. Вот кто нынче в упр. НКВД 4 «лучшие». В подтверждение их слов (о том, что они лучшие) у них на груди ордена. Это меня и изумило.

17 марта 1938 г. меня вызвал Гаюда и в разговоре со мной заявил следующее: «Мы знаем, что ты не виновен. Но вокруг тебя так сложились обстоятельства, что ты должен дать показания. Можешь считать их ложью — это твое дело. Показания ты дашь — я тебя уверю. Я имею задание комиссара получить от всех вас показания любой ценой и любыми средствами. Будем допрашивать в подвале, где расстреливают».

На вопрос, зачем нужна ложь, он ответил: «Мы с Хариним были в бригаде Дашевского в Березниках. Там, знаешь, концентрация всякого рода иностранцев. У нас там сознавались по 90 человек в день на следователя. Прямо в очередь. Неужели ты думаешь, все виноваты? Это нужно для подтверждения слов т. Сталина, что иностранная разведка посылает массу шпионов. Вот, например, Польша прислала к нам 5000 чел. Из них 4500 сознались, что шпионы. Вот Литвинов в Женеве и заявил об этом». Я ответил, что нашей партии ложь никогда не была нужна и не будет нужна и что они таким образом делают вражеское дело, вредное для партии.

Во время разговора заходили Харин и Литваков и мне резко и прямо говорили примерно то же, Гаюда показал мне протоколы Плахова и Файнберга (показания Файнберга о том, что он якобы знает меня как члена

к-р орг. правых в УНКВД) и заявление Костина. Ну, Вы представляете, до какой степени меня это изумило! Гайда отправил меня в камеру «подумать». Я, не зная, являются ли Плахов, Костин и Файнберг членами к-р орг-ции, не мог оценить обстановки.

21 марта 1938 г. Гайда зашел ко мне спросить, «надумал» ли я давать показания. Я, конечно, ответил нет. Он заявил: «Хорошо, доложу капитану». 22 марта меня вызвали с вещами и посадили в камеру № 5 КПЗ милиции на режим смертника. На полу, на постели, на стенах кровь. На стене надписи: «камеры пыток и смерти». После пыток дали фальшивые протоколы — убиты Плахов, Файнберг, Горбак, Другов и проч. Ряд надписей Плахова, Костина, Файнберга о том, что они тут были.

Я связался с соседними камерами. Там сидели «подписавшие» из различных гражданских организаций области. Они мне рассказали, что тут сидел Другов, которого били и который пытался перерезать вену (вот откуда кровь). Через них, а потом путем перестукивания по паротопительным трубам связался с сидевшим в 1 камере бывшим сотрудником Курсевицем. Он рассказал, как били его и как он уже 40-й день сидит смертником и ждет, что еще поведут бить.

В общем, избивают резиновой дубинкой в помещении, где производится расстрел (очевидно, чтобы страшнее и не слышно криков). Гайда, Харин и Хальков.

Напротив, в камере № 6, слышны были стоны кого-то, также сидящего на режиме смертника (после я узнал, что там сидел Бахарев или кто-то другой из избитых). Нет слов, чтобы выразить мое моральное состояние в то время. За 8 дней (до 1 апреля 38 г.) я передумал многое, и многое мне стало понятным или же иным, чем было раньше. Мне стало понятно, почему дело перешло в отделение Литвакова, почему эта группа — «лучшие». Я поверил ряду заключенных, которым не верил раньше. Например, секретарь парткома из Кировграда Романов говорил мне, что он подписал ложь только потому, что Гайда — его старый приятель и собутыльник — оказался следователем по его делу и посоветовал ему, как другу, подписать ложь, т. к. «это нужно для партии».

Я вспомнил, что Вейзагер говорил о Дмитриеве как о любимце Ягоды, вспомнил, что Дмитриев до Свердловска работал замом у Миронова и Молчанова. И много-много другого. Мне стало ясно и понятно, как могли возникнуть «показания» на меня Казанского. А самое главное, я понял, что нач. УНКВД Дмитриев — скрытый враг партии и народа — умышленно уничтожает честные, преданные партии беззаветные кадры: путем обманов, провокаций, ложного направления следствия и избивений создает ложные дела в расчете, что люди, подписавшие ложь, будут расстреляны, следовательно, о способе вымогательства никто знать не будет.

Из камеры смертников никакой жалобы никуда не пошлешь. А люди, способные на такую гнусность, как избивание (сознательное) честных людей с целью вымогательства ложных показаний, способны на все, в том числе на подделку протоколов. Да они и не могут поступить иначе — не могут оставить жить битого ими. И значит в глазах общественного мнения я буду «врагом», притом самым страшным, а действительные враги Дмитриев, Боярский и др. будут продолжать свое страшное, вредное партийное дело. Для разоблачения их стоит пожертвовать жизнью.

Преданный партии человек обязан пожертвовать собой, но сделать все для их разоблачения. Вот к каким выводам я пришел в течение этих восьми дней. И поэтому решил, если и меня поведут бить, я не допущу до избивания, подпишу все, что потребуют. За это получу облегчение режима и попытаюсь сообщить ЦК ВКП(б) и т. Ежову об этих делах.

1 апреля 1938 г. в 2 ч. ночи за мной пришли Харин и Хальков. Привели меня в комнату исполнения приговоров ВМН. Там ждал Гайда. Начался разговор, открытый до цинизма. Как «бывшему своему товарищу»

они советовали не допускать до избивания, т. к. все равно не выдержат. Что им и «жалко» меня, и не хотелось бы «пачкать руки об товарища». Рассказывали, кто как вел себя при избивании из бывших сотрудников (Файнберг, Костин, Другов, Бахарев), как их обзывали фашистами и пр. Говорили, что сюда ходит и практикует этот метод, кроме них, еще Шишлин. Харин говорил: «Неужели ты думаешь, что нам приятно тебя избивать, что мы пришли по своей воле. Ты же понимаешь, что нас заставляют это делать». Он же напомнил мне слова Маркса: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Они рассказали, что Бахарев в своих «показаниях» указал на Гайду как на члена к-р организации (что не только возможно, но и очевидно), но и Литваков, и Боярский вычеркнули это из показаний Бахарева. Я их стыдил, убеждал, что посылать на такое дело может только враг, что этого врага могут раскрыть, а с ним сядут и они тоже как враги. Просил их политически объяснить такую практику. Молчали.

Наконец надоело. Время было 5 часов утра. Хальков вооружился, а Гайда и Харин встали по бокам, очевидно, для того, чтобы держать. Хальков замахнулся. Я сказал, что согласен писать.

Дали перо и бумагу. Гайда продиктовал — я написал и подписал «заявление». Указать фамилии Самойлова, Счастильцева, Антонова и Вашу предложили они. На вопрос, как я буду клеветать на честных людей, — ответ: «А на тебя разве клевету не писали?». На вопрос: «Но я не смогу их изобличить на очных ставках и не буду!» — ответ: «А тебе были очные ставки? Они, брат, теперь не в моде». На вопрос: «А разве эти люди сидят?» — ответ: «Первые два сидят, вторые два — кандидаты. Как же ты будешь писать «показания» о партработе, не касаясь Антонова и Богуславского — бывших секретарей парткома? А с Богуславским еще и такое дело: его жена — полячка. Уже был выписан ордер на арест — чуть не пришли на квартиру, как выяснили, что это его жена. Пока до его ареста воздержались ее брать».

Я, следуя принятому мною решению, подчинился. Протелефонировали Боярскому и обещали перевести в с/корп. к Файнбергу или Плахову, 4.04 перевели.

От Плахова узнал, что и от него требовали показания на меня и Вас. Начали с Плаховым обсуждать, что делать дальше. Единственная надежда — заявить на Военной коллегии. Но поверят ли? Если, кроме заявления, больше ничего не писать, опять поведут туда и уж больше облегченного режима не дадут. От Плахова узнал, что на Морякова Дмитриев был особенно зол за разоблачительную критику его на активе. Понятно, почему Дмитриев «постарался» над Моряковым.

Оказывается, собрали на него 18 показаний и все «со слов». Оказывается, подписавшим эти показания на Морякова прежде давали читать якобы развернутые показания самого Морякова, фактически им не писанные, чтобы люди легче шли на ложь.

Узнал, что Весновский при свидании передал жене, что ему Кричман создал обстановку, вынуждавшую писать ложь. Плахов высказал мнение, что Дмитриев уничтожает старые ч. к. кадры в три приема: 1) Плахов, Моряков, Костин и др. 2) Добан, Греккер, Бахарев, Другов, Файнберг и др. 3) подготавливаются к аресту Богуславский, Энно, Антонов, Калугин и др. Плахов безоговорочно пишет все, что от него требуют, и тоже обдумывает, как сообщить в ЦК. Решили безоговорочно писать, чтобы притушить бдительность Гайды, заслужить доверие и послать жалобу тов. Сталину и Ежову.

8 апреля меня вызвал Гайда, дал как образец читать показания других, дал тему — глушение дел, указал дела, какие я должен буду изобразить приглушенными по заданию к-р орг-ции (благо я — работник 3 отдела, и мои архивы все у них в руках, мои успехи и ошибки им известны), указал лиц, на которых я должен показать: Энно, Ермолаева, Калугина, Петухова, Абаимова. О последнем Гайда не скрыл, что имеет личное желание отомстить.

Я отвечал, что на Абаимова, Петухова, Калугина я не могу писать: это будет неестественно, никто не поверит, ведь у меня не было с ними никаких точек соприкосновения. Если б это даже была правда, я бы не знал никого из них.

8—10 апреля при помощи Плахова составил протокол. Ермолаева там не указал. Числа 15 апреля меня вызвал Боярский и заявил, что я слабо описал Вас и Антонова и совсем ничего не сказал об Ермолаеве, что он вычеркивает всех из протокола, но что я должен написать на всех отдельные протоколы.

Я понял, что кроме усиления хочет еще и от меня получить документ, пришел в камеру, сказал Плахову. К этому времени мы связались с Файнбергом и вчерне жалобу в ЦК уже заготовили (на плакатах, хим. карандашом). Файнберг и Плахов получили такие же предложения.

Что делать? Обстоятельства сложились так, что если мы напишем, то, может быть, удастся переслать жалобу. Обсудили и решили исполнить «заказ». Высасывали из пальца все, чтоб понравилась и походило на правду. Вот как возникли наши на Вас показания.

Дальнейшие события протекали так: 1 мая нам удалось жалобу послать. 11 мая она была сдана в комендатуру ЦК. 26 мая нас вызвал Дмитриев и начал спрашивать по жалобе, почему мы не жаловались ему и т. д. 27 мая меня вызвал Боярский для допроса, я отказался давать ему показания как мне известному участнику избиений.

3 июня меня вызвал Дмитриев, я рассказал ему вкратце все, а он начал писать, что я «испугался избиения и решил рассказать о своей к-р деятельности». Такую чепуху я отказался подписывать, а на вопрос, почему не жаловался ему, ответил, что считал, что это было с его ведома.

Посадили в одиночку. Лишили всего, даже права писать заявления. 3 августа меня вызвал особоуполномоченный лейтенант Калугин, сказал, что дело у него, кратко выслушал, обещал изучить дело и допросить. И вот до сего дня все изучает мое дело, а я продолжаю сидеть 15-й месяц.

Я слышал, что организаторы фальшивых дел и незаконных методов арестованы (в частности, Боярский). Но почему гуляют на свободе их «лучшие» агенты Гайда и др.? Неужели нам не верят? Но ведь мы докажем свидетелями (которых я здесь не указал), вещественными доказательствами и прочими. Вот что меня угнетает.

Дмитриев назвал мои показания «правдоподобными» (у него не хватило нахальства назвать их правдивыми). Он говорит: «Поверил бы вам, если бы вы написали, что сожгли завод, который фактически не горел». Мог ли я так написать — я, работник 3 отдела, пишущий о своей вчерашней работе тому же отделу? Меня тут же бы изобличили в желании обмануть и лишили бы доверия, которое мне было так нужно.

Но эти показания нетрудно расшифровать, и будет понятна их несостоятельность. Только бы дали возможность все рассказать. Но жду и не дожусь. Посылал я жалобу в ЦК, я был уверен, что если дойдет — буду на воле, а палачи займут мое место в тюрьме. Но... я все еще в тюрьме, а они на воле. Вот что меня гнетет. Сознательно или несознательно, но следствие играет на руку палачам, затягивая наши дела.

Между прочим: в апреле — мае Гайда бывал у нас в камере, хвастался, изумляясь тому, как некоторые инженеры «пишут, что травили рабочих и уничтожали чуть не целые заводы», веря, что эта ложь нужна для партии, и надеясь, что им дадут по 2—3 года для формы, а на самом деле они перейдут для работы с одного завода на другой и будут жить с семьями. Вот какой цинизм!

Вас, вероятно, удивляет, как Дмитриев своей рукой Вас повышал в помощники. Это тоже удивляет, видимо, такая тактика. Плахова тоже прочили в помощники, а меня, чтоб начать избивать, повысили по службе.

Ну вот и все.

Извините, что много написал. Хотел, чтоб Вы поняли меня правильно. Не знаю, была ли организация и были ли Вы ее членом, но знаю, что кроме меня писали на Вас «показания» по заказу Плахов и Файнберг. Были избиты: Костин, Файнберг, Другов, Бахарев, Курсевич. Не стали «пробовать» Плахов и я, по мотивам, указанным выше. Все, кто были биты, сидели в одиночках и послать жалобу не могли. Бахарев и Другов в результате свихнулись. Другов сидит со мной и жутко действует на меня. Я тоже скоро буду сумасшедшим.

10 сентября 1938 г. Уважающий Вас, известный Вам
И. Сиротин».

Письмо трудно читать, но надо. Об этом должны знать мы сами, наши дети и наши внуки. Должны поднестись до высокого понимания истины, что спасти нас от тоталитарного государства можем только мы сами, отвергая донос, предательство, ложь, какими бы фигурными листочками они не прикрывались.

Тот, кому адресовано это письмо, человек, чудом избежавший участи Самойлова, Счастливецова, Антонова, участы тех, на кого облыжно показал Сиротин, до конца дней своих не знал душевного покоя. Из ночи в ночь ждал он рокового стука в дверь, обмирая при каждом неурочном ее скрипе, гудке машины, проезжавшей возле дома, внезапном озарении ночного окна, задетого лучами фар...

Страх, рожденный массовым террором, приумножал то, что мы сегодня пожинаем: неверие и недоверие, лицемерие и приспособленчество, тупую инертность и бессмысленный экстремизм. Все это оттуда, и инфекция до конца не определена, не изучена.

А изучать, исследовать, расставлять точки над *i* нам рано или поздно придется.

«Но все-таки был же отбор! — пишет А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». — Самые дальновидные и решительные из обреченных — те в руки не дались, те покончили с собою до ареста (Скрыпник, Томский, Гамарник). А дали себя арестовать те, кто ХОТЕЛИ ЖИТЬ. А из хотящего жить можно вить веревки!.. Но и из них некоторые как-то же иначе вели себя на следствии, опомнились, укрепились, погибли в глухости, но хоть без позора. Ведь почему-то же не вывели на гласные процессы Шляпникова, Рудзутака, Постышева, Енукидзе, Чубаря, Косиора, да того же и Крыленку, хотя их имена вполне бы украсили те процессы.

Самых податливых и вывели!»

Да, пока все они — и герои, и те, кто слепо верил, и те, кто смалодушничал и предал, оговорил, и просто подонки и прислужники палачей — все они в одной братской могиле.

Судьба письма, прямо скажем, уникальна. Оно увидело свет благодаря случаю. А каковы судьбы писем, жалоб, рукописей, документов, по сей день пылящихся в закрытых сейфах? Когда они будут предъявлены народу? Не канут ли с течением времени в ту Лету, ныне именуемую еще «макулатурой»? *

Это нужно не мертвым. Это нужно живым.

Публикация и послесловие Игоря СЕМЕНЧИКА

* Несколько месяцев назад редакция направила запрос начальнику УКГБ по Свердловской области с просьбой сообщить в общих словах о судьбе лиц, упоминаемых в письме И. Сиротина. — бывших работников УНКВД. Ответа мы до сих пор не получили. — Ред.

«Я адмирал Колчак»

Игорь НЕПЕИН

«Флотом командовал адмирал Колчак. Несмотря на ум, образованность и, как ему казалось, бескорыстную любовь к России, — Колчак ничего не понимал ни в том, что происходило, ни в том, что неизбежно должно было случиться. Он знал составы и вооружения всех флотов мира, мог безошибочно угадать в морском тумане профиль любого военного судна, был лучшим знатоком минного дела и одним из инициаторов поднятия боеспособности русского флота после Цусимы, но если бы кто-нибудь (до семнадцатого года) заговорил с ним о политике, он ответил бы, что политикой не интересуются, ничего в ней не понимает и полагает, что политикой занимаются студенты, неопытные курсистки и евреи.

Россия представляла ему дымящими в кильватерной колонне дредноутами (существующими и

предполагаемыми) и андреевским флагом, гордо, — на страх Германии, — реюшим на флагмане. Он любил строгий (в стиле великой империи) подъезд военного министерства со знакомым швейцаром... воспитанных, изящных товарищей по службе и замкнутый, дружный дух офицерского собрания. Император был возглавлением этой системы, этих традиций» (А. Толстой. Хождение по мукам).

ДВА ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

До сих пор у нас существовали лишь два цвета из огромной палитры цветов в оценке государственных и политических деятелей во время гражданской войны и революции: красный и белый. И в жертву этой крайне скудной красно-белой расцветке приносилась и, наверно, еще

долго будет приноситься историческая действительность.

Сейчас нелегко собрать материалы, по которым можно судить о том, каким был на самом деле в жизни и на службе Александр Васильевич Колчак. Развеелись по свету, осели в труднодоступных архивах и спецхранах библиотек газеты, книги и документы о жизни и деятельности адмирала. На поверхность выплыли фальшивки, ходульные и лубочные изображения, утверждающие, что наш злейший враг был тупым, глупым, ограниченным человеком, да еще вдобавок — морфинистом.

В наши дни начали просачиваться скудные, порой отрывочные сведения о Колчаке как в научной, так и в художественной литературе. Можно назвать повесть Ю. Кларова «Допрос в Иркутске», работу Г. З. Иоффе «Колчаковская авантюра и ее крах».

В 1961 году в Иркутске вышел сборник воспоминаний участников гражданской войны в Сибири «Годы огневые, годы боевые», куда вошли страницы мемуаров С. Чудновского «Конец Колчака». В 1969 году в книге «Разгром Колчака. Воспоминания» опубликованы записки И. Н. Бурсака «Конец белого адмирала» (автор командовал тем самым взводом, который расстрелял адмирала).

Названные мемуаристы констатировали, однако, только внешние события, не вдаваясь в психологическую оценку происходящего. Кроме того, все перечисленные книги отражают лишь два периода в жизни Колчака — северную эпопею и участие в контрреволюции. А последовательной, пусть даже и краткой, биографии адмирала в нашей литературе до сих пор нет. Причин тому несколько: отсутствие материалов, неблагоприятная политическая обстановка и незаурядность личности этого человека.

Хочется привести слова В. И. Ленина, сказанные им во время кронштадтского мятежа рабочим: «Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выисков из белогвардейской прессы... Почему наши газеты уделили этому так много внимания? Правильно ли это? Правильно, потому что надо ясно знать своего врага».

Немного сохранилось свидетельств о характере Колчака. И они, как правило, опубликованы за границей.

В 1930—31 годах в Белграде вышло трехтомное исследование историка С. М. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака». Здесь приведены записи из дневника барона Будберга, управляющего военным министерством, помеченные 26—31 октября 1919 года.

«Характер и душа адмирала на-

столько налицо, что довольно какой-нибудь недели общения с ним для того, чтобы знать его наизусть. Это большой и большой ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее и России, несомненный неврастеник, быстро все схватывающий, чрезвычайно бурный и несдержанный в проявлении своего неудовольствия и гнева. Ради этой идеи его можно уговорить и подвигнуть на все, что угодно. Личного интереса, личного честолюбия у него нет, и в этом он кристально чист.

Он бурно ненавидит всякое беззаконие и произвол, но по несдержанности и порывистости характера сам иногда неумышленно выходит из рамок закона и при этом преимущественно при попытках поддержать этот самый закон и всегда под чьим-нибудь посторонним влиянием. Жизнь в ее суровом практическом осуществлении он не знает и живет миражами и навязанными идеями. Своих планов, своей системы, своей воли у него нет. В этом отношении он мягкий воск, из которого советники и приближенные делают все, что угодно.

Он болезненно реагирует на все, что становится на пути осуществления главной задачи спасения и восстановления России. На свой пост адмирал смотрит, как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше.

С. М. Мельгунов так комментирует данные записи: «В своем дневнике барон Будберг подчеркивает исключительный идеализм, которым веяло от фигуры «полярного мечтателя»... Колчак был человек порыва, повышенной нервной: «Я бываю очень сдержан, но в некоторых случаях я взрываюсь».

ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

Будущий адмирал родился в Петербурге в 1873 году. Его отец, Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии, вышел в отставку в чине генерал-майора, но остался на Обуховском заводе в качестве инженера. Написал книгу, которая вышла в 1903 году под названием «История Обуховского сталелитейного завода».

Свое образование Александр Колчак начал в Петербургской классической гимназии, где пробыл до 3 класса. В 1888 году поступил во 2 Морской кадетский корпус, который отлично окончил в 1894 году с премией адмирала Рикорда и был назначен помощником вахтенного начальника на броненосный крейсер «Рюрик». На нем и ушел в плавание на Дальний Восток. Плавал в Тихом океане, углубленно занимался гидрографией, океанографией. Там же состоялось его знакомство с знамени-

тым адмиралом С. О. Макаровым.

В 1900—1902 годах известный полярный ученый, барон Эдуард Васильевич Толль (1858—1902) руководил большой полярной экспедицией, организованной Российской Академией наук, по исследованию Новосибирских островов. Одновременно с этим барон задается целью найти таинственную землю Санникова и попытаться пройти Северным морским путем в Тихий океан. Экспедиция отправилась в путь на шхуне «Заря». В состав команды вошел и молодой лейтенант А. В. Колчак.

У полуострова Таймыр «Заря» зазимовала. Вторая зимовка прошла на Новосибирских островах. Весной 1902 года Толль с тремя спутниками решил отправиться по льду от острова Котельного к острову Беннета — самому большому из группы островов Де-Лонга на севере Восточно-Сибирского моря. Шхуне он приказал пробиваться туда же и ждать его там. Напрасно экипаж ждал своего командира. На родину шхуна вернулась без него.

Российская Академия наук встревожилась за судьбу Толля и его спутников. Рождались всевозможные планы поиска. Колчак представил свой вариант. Он предложил искать, начиная с Новосибирских островов, поочередно просматривая весь этот район океана. Поиски должны были закончиться на острове Беннета.

Колчаку и его спутникам удалось пробиться на остров Беннета. Наградой стала находка записки барона Толля, в которой тот указывал, где он спрятал документы и собранные материалы. Самого же Толля найти не удалось. За эту экспедицию Академия наук присудила Колчаку большую золотую медаль Русского Географического общества.

Вернувшись из экспедиции, Колчак узнал о нападении японцев на Порт-Артур. Он направляет телеграмму в Академию наук с просьбой вернуть его в морское ведомство и послать на Дальний Восток.

Явившись к адмиралу С. О. Макарову, он получил назначение на крейсер «Аскольд», а вскоре стал командиром миноносца «Сердитый». И вот на минной банке, поставленной миноносцем на подступах к Порт-Артуру, взрывается японский крейсер «Такасудо». Победа. Одна из немногих в русско-японскую войну. Наградой Колчаку стало почетное золотое оружие с надписью «За храбрость».

Весной 1916 года был открыт Морской генеральный штаб, и Колчак вступил в него в качестве начальника оперативного отдела по Балтийскому театру военных действий. Он — один из инициаторов возрождения военного флота России, один из авторов рассчитанной на десять лет судостроительной программы.

В начале первой мировой войны Колчак лично руководил минными заграждениями Данцигской бухты, где базировалась значительная часть германского флота, и высадкой морского десанта на Рижском побережье в тылу у немцев. Обе операции прошли блестяще, и Колчак получил почетную для военного награду — орден Георгия 4 степени и чин капитана I ранга. Вскоре он стал командиром минной дивизии.

В июне 1916 года вице-адмирал Колчак назначается командующим Черноморским флотом. «Ярый монархист, близкий к реакционным кругам Ставки и морского министерства», — так оценивает Колчака автор книги «Флот в первой мировой войне» профессор, контр-адмирал Б. И. Павлович. Это все, что нашлось у маститого профессора сказать о новом командующем. Но тон заметно меняется, когда он характеризует боевые действия флота. Профессор пишет: «В 1916 году Черноморский флот добился значительных результатов в действиях на морских сообщениях противника, который часто оказывался перед необходимостью прекращать морские перевозки в Босфор, возвращая в порты не только пароходы, но и транспортные суда. Как уже отмечалось, в результате действий русского флота турецкая столица и флот испытывали острую нужду в угле и продовольствии...»

В действиях надводных сил флота следует отметить разделение сил флота на три маневренные группы, увеличение продолжительности действий маневренной группы, ряд успешных выходов эскадренных миноносцев на перехват неприятельских судов по данным разведки, внезапные набеги на сообщения противника, внезапное нанесение удара несколькими группами эскадренных миноносцев».

На митингах, прошедших на кораблях 18—19 июня 1917 года, матросы и солдаты потребовали разоружения всех офицеров флота, в том числе и командующего. Стоя на флагманском корабле, он бросил в воду золотое оружие со словами: «Море мне его дало, море пусть и заберет».

Затем матросы потребовали отстранения Колчака от командования флотом, и он уехал в Петроград, а оттуда за границу — в Америку, Англию, Японию.

Теперь мы встретимся с адмиралом в Сибири.

КОЗЫРЬ В ИГРЕ

18 ноября 1918 года в Омске произошел переворот: директория оказалась свергнутой, и власть перешла в руки вице-адмирала А. В. Колчака. Срочно произведенный в полные адмиралы, он про-

возглашен «временным верховным правителем» России. Сформирован совет министров (временное российское правительство) во главе с П. В. Вологодским.

Откроем книгу Г. З. Иоффе: «В конце 1918 года колчаковские вооруженные силы были разделены на три группировки. На северном участке действовала Екатеринбургская группа, состоявшая в основном из Сибирской армии, ею командовал перешедший на русскую службу Р. Гайда. В центре действовала Западная армия под командованием генерала Ханжина. На южном участке была сгруппирована отдельная Оренбургская армия... атамана Дутова. С ним взаимодействовала «отдельная уральская армия» под командованием генерала Савельева.

Верховное командование номинально принадлежало Колчаку, но, будучи известным специалистом в морском деле, он весьма посредственно разбирался в действиях сухопутных войск. По этой причине руководство военными операциями фактически оказалось в руках колчаковского начальника штаба Д. А. Лебедева, прибывшего в Омск осенью 1918 года из Добровольческой армии».

Летом 1919 года началось отступление войск Колчака. Под ударами Красной армии колчаковцы стремительно стали откатываться на восток. Вначале был освобожден Урал, в ноябре 1919 года пал Омск — столица Колчакии. Правительство спешно перебралось в Иркутск. Там власть перешла в руки Политцентра.

Политический центр — эсеро-меньшевистская организация, созданная в Иркутске на всесибирском совещании земств и народов. Руководители Политцентра установили контакт с находившимися в Иркутске миссиями французских, английских, японских, американских интервентов и с командованием чехословацкого корпуса.

19 декабря 1919 года под руководством Политцентра произошло восстание на станции Черемхово, недалеко от Иркутска, а в ночь на 25 декабря — в Иркутске. Политцентр опубликовал манифест, в котором Колчак и его приближенные объявлялись врагами народа, заявил о взятии власти и намерении начать переговоры с советским правительством.

Командование белочехов заранее обещало поддержку Политцентру и соглашалось на выдачу Колчака. Белочехи из союзников «верховного правителя» превратились в его врагов. Цена предательства определена была заранее. Эшелонам белочехов, под охраной которых находился Колчак, был отрезан выход на восток. Тогда они попросили командование 5-й армии красных пропустить их,

обещая разоружить и выдать Колчака.

27 декабря 1919 года Колчак был арестован белочехами. Великий князь Александр Михайлович, адмирал русского флота, в «Книге воспоминаний» (Париж, 1934 г.) так пишет об этом событии:

«Командир батальона чехословаков вошел в вагон адмирала с докладом.

— Господин адмирал, мною получена важная телеграмма от генерала Жаннена, — сухо сказал он.

— В чем дело? — спросил Колчак, продолжая смотреть на карту.

— Генерал Жаннен приказал мне арестовать вас и передать местным властям в Иркутске.

Колчак посмотрел на своего адъютанта Малиновского, единственного оставшегося в живых после этой трагедии...»

Пока в Иркутске происходила смена власти, «верховный правитель», оторванный от армии и правительства, прикованный к своим литературным поездкам, в которых находился золотой запас России, стоял на станции в Нижнеудинске.

«Я задерживаюсь в Нижнеудинске, где пока все спокойно, — телеграфировал он Каппелю, — чехи получили приказание Жаннена не пропускать даже моих эшелонов в видах их безопасности».

Главным распорядителем движения поездов по Сибирской магистрали оказался главком союзных войск в Сибири французский генерал М. Жаннен. Он и установил порядок эвакуации воинских частей — преимущество получили интервенты.

В 1927 году в альманахе «Белое дело» (Берлин) была опубликована статья «Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске». Приведем из нее строки, рисующие разложение армии «верховного правителя».

«Через три дня после отъезда адмирала из Красноярска им была получена телеграмма от командира 1-го Сибирского корпуса генерала Зиневича, в которой этот генерал, захватив Красноярск, требовал от адмирала немедленного созыва Земского собора и отречения от власти. Вместе с тем распоряжением Зиневича была прервана связь адмирала с армией. Через несколько дней после этого события 1 Сибирская армия, находившаяся в районе Красноярска, почти в полном составе перешла к большевикам...»

Офицерство роптало на адмирала из-за гибели семей... Гибель эшелонов с семьями нанесла огромный моральный ущерб офицерству армии и была одной из главных причин быстрого и окончательного ее разложения».

В Нижнеудинске адмирал простоял две недели. «Чехи окружили

станцию своими караулами, непосредственная же охрана поездов адмирала и с золотым запасом неслась чинами адмиральского конвоя. К этому времени никакой связи ни с фронтом, ни с тылами, ни с союзниками не было. Все сведения получали от охраняющих чехов.

В это же время чехами была получена новая инструкция из Иркутска, из штаба союзных войск. Если адмирал желает, он может быть вывезен союзниками под охраной чехов в одном вагоне: вывоз же всего адмиральского поезда не считается возможным. Относительно поезда с золотым запасом должны последовать какие-то дополнительные указания.

Это распоряжение поставило адмирала в чрезвычайно трудное положение.

На другой день солдаты конвоя, за исключением нескольких человек, перешли к большевикам. Измена конвоя нанесла огромный моральный удар адмиралу. Он как-то весь поседел за одну ночь, с горечью сказал: «Все меня бросили». Потом, после долгого молчания, он прибавил: «Делать нечего, надо ехать». Потом сказал: «Продадут меня эти союзники».

Вагон с адмиралом, находясь под охраной союзных держав, двинулся к Иркутску. Путь длился 6 или 7 дней и сопровождался большими трудностями. На всех главнейших станциях большевики собирались в значительных силах, требуя от чехов выдачи адмирала».

Когда поезд прибыл на станцию Инокентьевская, чехи объявили, что поезд пойдет в Иркутск только на следующий день, так как город забит и принять не сможет.

А в это время шли переговоры между генералом Сыровым, командиром корпуса чехов, и Жанненом. «Было уже темно, когда поезд пришел в Иркутск... Начальник эшелона бегом направился к Сырову. Спустился короткое время, он вернулся и с видимым волнением сообщил, что адмирала решено передать Иркутскому революционному правительству. Сдача назначена на 7 часов вечера. Между 5 и 7 часами вечера многие офицеры, сопровождавшие адмирала, ушли из его вагона, пользуясь темнотой и тем обстоятельством, что окружавшие вагон адмирала чехи беспрепятственно пропускали всех выходящих из вагона офицеров; вооруженные большевики держались в то время еще поодаль, и от них не трудно было скрыться за забитой вагонами станцией».

Уже находясь в плену у чехов, Колчак 4 января 1920 года отказался от верховной власти в пользу Деникина и подписал указ об отречении.

15 января 1920 года в 21 час 55 минут на вокзале в Иркутске

произошла передача Колчака Политическому центру. Техника передачи была заранее обусловлена особым соглашением. Арестованных принимали уполномоченный Политцентра М. Фельдман, капитан Пестеров, В. Мерхалев. Одновременно с Колчаком был передан его премьер-министр В. Пепеляев.

Для Политического центра «верховный правитель» мог сыграть крупную роль в переговорах с большевиками. «Это был,— пишет в воспоминаниях А. А. Ширямов,— один из главных козырей Политцентра, доказывающий якобы благожелательное отношение к новой власти со стороны союзников».

В постановлении Харбинского комитета партии Народной свободы выдача Колчака называлась «совершенно беспримысленным по своей вероломности актом предательства».

Политцентр начал переговоры с Реввоенсоветом 5-й Красной Армии о создании буферного государства в Прибайкалье.

Но влияние Центра быстро падало. 20 января 1920 года на заседании представителей Сибирского и Иркутского комитетов РКП(б), штаба рабоче-крестьянской дружины и Бюро левых эсеров (автономистов) был создан Иркутский военно-революционный комитет (председатель — большевик А. А. Ширямов) и принято решение о переходе к нему власти в городе.

23 января Политцентр был распущен.

ДОПРОС И РАССТРЕЛ

Допрос Колчака начался в день, когда Политцентр передал всю полноту власти Иркутскому ревкому. Чрезвычайная следственная комиссия, созданная еще Политцентром, осталась без изменения: председатель — большевик К. Попов, члены — эсеры Алексеевский, Лукьянчиков, социал-демократ Денека.

Допрос начался диалогом:

— Вы адмирал Колчак?

— Да, я адмирал Колчак.

— Вы считались «верховным правителем России?»

— Я верховный правитель.

— Сколько вам лет, адмирал?

— Сорок семь. Жена София Федоровна Омирова. Я женился в 1904 году, здесь, в Иркутске, в марте месяце».

Допрос на основе документов описал А. Алдан-Семешов в романе «Красные и белые».

«Колчака допрашивал главным образом Алексеевский. Адвокат по профессии, он издавал в Иркутске эсеровскую газету. Колчаковская цензура прикрыла ее, и Алексеевский считал адмирала своим личным врагом...»

Допрос происходил в тюремной

канцелярии. Колчак сидел у столика посреди комнаты. Справа под окном расположились stenografistki, слева стоял начальник караула Шурмин».

Из воспоминаний заместителя председателя Иркутской губчека К. Попова: «Как он держался на допросе? Держался как военнопленный командир, проигравший кампанию армии. И с этой точки зрения держался с полным достоинством».

6 февраля 1920 года Иркутским военно-революционным комитетом принято постановление за № 27.

«Иркутский Военно-революционный комитет постановил:

1. Бывшего верховного правителя адмирала Колчака,

2. Бывшего председателя Совета министров Пепеляева — расстрелять.

Лучше казнить двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв.

Председатель Иркутского военно-революционного комитета Ширямов. Члены А. Скокарев, М. Левинсон, Управляющий делами Оборин».

В литературе имеются предположения о якобы существовавшем шифрованном распоряжении В. И. Ленина, полученном Реввоенсоветом 5-й армии еще в Красноярске, в котором Ленин приказывает Колчака не расстреливать: за совершенные им и его именем злодеяния против народа он подлежит суду.

Об этом упоминают в своих воспоминаниях И. Н. Бурсак («Конец белого адмирала» — в кн. «Разгром Колчака», М., 1969) и председатель Реввоенсовета 5-й армии И. Н. Смирнов (в кн. «Борьба за Урал и Сибирь», М.-Л., 1926). А с их слов — и автор книги «Колчаковская авантюра и ее крах» доктор исторических наук Г. З. Иоффе. Но текст ленинского документа до сих пор не найден, и факт распоряжения Ленина нельзя не подвергать сомнению.

Остановимся на событиях, которые приблизили гибель адмирала. Собранные в один кулак остатки армий Каппеля, Вержбицкого, Войцеховского, Сахарова двигались не по железной дороге, занятой чехами, а вдоль ее полотна, по старому Сибирскому тракту.

22 января 1920 года в Нижнеудинске главнокомандующий отступавшими белыми частями генерал Каппель устроил военное совещание. Принято решение: форсированно двинуться к Иркутску двумя колоннами, взять его с ходу, освободить Колчака и захватить золотой запас.

26 января Каппель умер от воспаления легких, его заменил генерал Войцеховский.

А. Ширямов назвал движение этих 30 тысяч «ледяным походом». В своих воспоминаниях он пишет: «Жестокие сибирские морозы и тиф

безжалостно косили людей, но все же для нас это был серьезный враг. Каппель вел за собой наиболее стойкие и упорные в борьбе с Советской властью части, выдержавшие всю двухлетнюю кампанию. Это были самые крепкие физически и духовно люди. Они отступали от Омска до Иркутска. Все слабые уже погибли от тягостей этого безумного похода. Остались те, кто не ждал пощады от красных и сам никого не щадил. Эвакуация оставила позади себя 200 поездов смерти с беженцами и семьями тех, которые отступали вместе с армией...»

Около станции Зима обе колонны должны были соединиться. Войска получили общее название каппелевцев».

30 января в районе станции Зима каппелевцы разбили заградительную группу красных и вышли к Иркутску, на подступах к которому завязались бои. А. Ширямов: «Они шли при 30-градусном морозе и отличались огромным упорством. Раненые противники замерзали на месте...» Войцеховский потребовал отвести красные части к северу, передать Колчака союзным представителям....»

Ультиматум генерала всколыхнул контрреволюционное подполье. Оставалось одно: расстрелять адмирала и как можно быстрее. Что и было сделано в ночь на 7 февраля. Командовал расстрелом Колчака и Пепеляева начальник Иркутского ЧК Самуил Чудновский, оставивший свои воспоминания*.

Дошли до нас и воспоминания того, кто командовал взводом, расстрелявшим Колчака. Это И. Бурсак. Он пишет: «На мое предложение завязать глаза Колчак ответил отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне: «Пора».

Я командую: «Взвод, по врагам революции пли!» Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь».

В заключение следует сказать, что колчаковщина только на первый взгляд кажется хорошо изученной, на самом деле эта тема хранит еще много тайн, загадок и проблем, которые будут полностью раскрыты и изучены лишь тогда, когда откроются ранее засекреченные архивные фонды и документы.

* См.: М. Петров. Эхо ангарского залпа — «Ур. следопыт», 1989, № 7.

ЛИХИЕ ТРАВЫ

Рис. Сергея Малышева

Болиголов пятнистый

Это один из любителей дворов и пустырей. Обязательно ему надо поселиться поближе к жилью.

Под окнами многоэтажного дома растут лук, укроп, цветы. И тут же я увидела... ядовитый болиголов. Не где-нибудь в дали-далекой, а в центре Свердловска, на перекрестке улиц Азина и Мамина-Сибиряка! К середине лета его пятнистый ствол дотянулся до окон первого этажа. Конечно, его никто здесь не сажал, сам откуда-то взялся.

Когда болиголов зацвел, его запах летним вечером глушил все ароматы цветов и кустарников. Так и хотелось постучать в окно и крикнуть: «Эй, у вас тут болиголов разросся, будьте осторожны!»

А однажды, проходя дворами больших домов, я увидела шумную ватагу мальчишек, которые рвали дудки болиголова, чтобы стрелять горохом. Мы в детстве использовали для этой цели безвредный дягиль, который зовут пиканом.

Я позвала мальчишек, показала: — Видите, по стволу разбежались малиновые пятнышки, как веснушки. Они, можно сказать, паспорт растения. По ним легко узнать болиголов.

Растение это содержит сильнейший яд конииин, которого более всего в семенах незадолго до их созре-

вания, они разносятся ветром повсюду, могут попасть и на огородные культуры.

Опасен болиголов для скота, особенно весной, когда травы еще мало, а он уже раскинул по земле свои листья, похожие на петрушку.

Раньше в медицине болиголов применяли как успокаивающее, болеутоляющее средство при подагре и ревматизме, а также как наружное в виде мазей с различными жирами — при роже и волчанке.

В русском травнике под редакцией врача Е. Залесовой, изданном в С.-Петербурге в 1898 году, указывается на широкое применение болиголова в гомеопатии: от головных болей, опухолей, от многих внутренних болезней, от судорожного кашля, шума в ушах. И в наши дни гомеопаты применяют болиголов. Препарат из него под названием «кониум макулятам» продается в аптеках.

Народ дал болиголову и другие неслетные названия: ствольник ядовитый, петрушка собачья, гориголова, головолом...

Однажды жарким июльским днем группа туристов, устав от буреломов, остановилась у заросшей речушки, чтобы искупаться. Комары и оводы настолько измотали, что не терпелось нырнуть в воду.

А из речушки вдруг выскочил человек и кричит:

— Ой, не купайтесь!..

Он ежился, тер тело руками и

недоумевал, что же с ним происходит.

— Все тело горит, и не знаю, отчего...

Оказалось, что в речушке — тихой заводи — вольготно разросся белокрыльник. Его длинные и мощные корневища переплелись между собой, а купальщик раздвигал их руками. Корневища отдавали воде свои жгучие ядовитые вещества.

Неудачнику теперь надо было искать чистую воду и снова искупаться.

Я не раз добывала корневища белокрыльника по просьбе одной травницы. После этих заготовок долго горели руки, но потом жжение проходило.

Травница готовила из белокрыльника квас. Приду к ней в гости, она потчует:

— Вот, пробуй мой напиток.

Первый раз я пила с осторожностью.

— Пей, пей, не бойся, — говорила она. — Квас хорошо выстоял. Попробуешь его через день — смертельный яд, а через восемь дней — готов к употреблению.

Я пробую и мне нравится: отличный освежающий напиток. А травница объясняет мне, что в деревнях Урала люди пользовались таким квасом для лечения водянки и ожирения, а сушеные листья белокрыльника, распаренные в воде, прикладывали к пальцу, пораженному костоедом.

Чтобы представить себе белокрыльник, надо вспомнить роскошный белый цветок каллу. Они — родственники. Только тот белый цветок выращивается в теплицах и пришел к нам из южноафриканских стран.

Точнее говоря, это не цветок, а прицветный лист, который прикрывает густое колосовидное соцветие — початок. В конце лета он превращается в так называемую шишкоягоду. Вот она-то и привлекает внимание туристов на болотах, топких берегах рек и озер. Но ягода, как и листья, и корневища тоже, очень ядовита.

Известно, что высушенный и вываренный белокрыльник теряет ядовитость. В народе давно заметили эту особенность, и в голодные годы муку из белокрыльника прибавляли к ржаной и пекли хлеб. Добро и зло этого растения выражено в народных названиях: хлебница и чумной корень.

Продолжение. Начало в № 8

Стенька Разин из Билимбая

БОЛОТНЫЙ

Багульник

Однажды в походе, пытаясь сократить расстояние, мы сбились с маршрута и очутились на болоте.

Глянули вперед себя и почти хором воскликнули:

— Ух ты, красота-то какая!

Перед нами простиралось море белоснежных шапок багульника. Было начало июня, горячее солнце нагрело кусты, и над ними стоял дивный аромат. В болото мы ходим чаще осенью за клюквой, багульник к той поре уже отцветает, а тут мы увидели его в белоснежном наряде.

Однако опасно долго ходить по болоту, когда цветет багульник, его ядовитые вещества сильно нарушают работу сердца и дыхания, действуют на нервную систему.

Только пчелы вьются здесь целыми днями. Нектар багульника тоже ядовит, его называют багульниковым, таким медом тоже можно отравиться.

Кстати, из-за пахучего багульника плохая слава пошла и о его соседке — голубике. К ней пристала кличка ягоды-пьяники. Но ученые реабилитировали голубику. Она оказалась ценной, целебной ягодой, а опьяняющее действие оказывает все тот же багульник, когда мы ходим по болоту и собираем голубику.

Багульник как лекарство известен с давних пор. В народной медицине его применяют в виде отвара и настоя при туберкулезе легких, кашле, астме, коклюше, бронхите, а также при лечении экземы, подагры, ревматизме. Раньше люди применяли багульник для профилактики во время вспышек эпидемических заболеваний, в том числе гриппа.

Заготавливать нужно молодые побеги и цветы с середины июля и до конца сентября. Сушить сбор лучше на чердаках во избежание неприятного воздействия на людей.

Листья багульника многие применяют для борьбы с молью, помещая их в шкафах с одеждой.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

В «Истории Пугачева» Пушкин кратко упомянул о рассказе бабки Бунтихи из Берды — Ирины Афанасьевны Бунтовой — о старой казачке Разиной, долго искавшей среди погибших пугачевцев своего сына: «Ты ли, Степушка, ты ли мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?»

Оренбургский краевед С. А. Попов в деле ревизской переписи казаков уральского войска 1834 года встретил имя Степана Андреевича Разина, жившего с семьей в Кинделинском форпосте, вблизи Илецкой защиты. Ему было 60 лет. Значит, не погиб казак Степан Разин!

Советский историк Р. В. Овчинников в архивах Оренбурга и ЦГВИА выявил данные о целом роде этих казаков Разиных, родина которых — дворцовое село Ромадановское Саранского уезда. Разины еще в XVIII веке ушли служить на Яик казаками. Среди них был даже Разин Степан Тимофеевич (умер в 1720 году), тезка знаменитого донского атамана.

Но в числе пугачевцев был еще один Разин. Звали его тоже Степаном, родился он в Билимбаевском заводе на Урале и был на этом заводе мастеровым. В Центральном гос. архиве древних актов сохранилась запись допроса плененного пугачевца Степана Разина из Билимбая.

Оказывается, именно он по приближении войска Ивана Белобородова ударил в набат, созывая земляков на суд скорый и грозный. Именно к нему прибыл посыльный Белобородова.

Билимбаевцы радостно встретили повстанцев. Ревда, Бисерть, обе Шайтанки, Билимбай, Утка и Сылва перешли на их сторону. 17 января заводские работы были прекращены, а царева команда капитана Ерополь-

ского, присланная из Екатеринбурга, поспешно бежала из Билимбая. 18 января в Билимбай прибыл сам Иван Николаевич Белобородов и в тот же день зачислил в свой отряд 500 билимбаевцев, собрал продовольствие, деньги и двинулся на Екатеринбург. 29 билимбаевцев не вернулись домой. Уходя из Билимбая, повстанцы сожгли все заводские документы, особенно долговые расписки и обязательства.

Атаманами билимбаевцев стали крепостные служители завода Герасим Стражев и Петр Паркачев. Завод не работал до 30 марта 1774 года. Заводчик не получил 36 тысяч пудов чугуна. А Белобородов увез из Билимбая 5 пушек и 5 пудов пороха.

В числе 500 билимбаевцев был и Степан Разин. При аресте его в конце 1774 года у него отобрали «злодейский билет» — документ, удостоверяющий его присягу на верность императору Петру III, т. е. Е. И. Пугачеву.

5 января 1775 года генерал-майор П. С. Потемкин, начальник казанской секретной комиссии, написал: «мастерового Степана Разина за именьне злодейского билета бить батогами». Выжил ли Степан Разин из Билимбая — пока ответа нет.

Интересно, что несмотря на строгий царский и церковный запрет упоминать бунтовщика Степана Разина, русские люди из родов Разиных продолжали давать это имя своим детям, как бы сохраняя память о народном герое.

пос. Заречный
Свердловской обл.

Пишите! Письма!

ПОСЛЕ НЕКОТОРОГО ПЕРЕРЫВА ДИАЛОГ-КЛУБ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» ПРОДОЛЖАЕТ СВОЮ РАБОТУ. НА ЭТОТ РАЗ ОТДЕЛ МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ ПРЕДЛАГАЕТ ЭПИСТОЛЯРНУЮ ФОРМУ ДИАЛОГА. ИЗ ПОТОКА ПИСЕМ, ПОСТУПАЮЩИХ В РЕДАКЦИЮ, ПОСТАРАЕМСЯ ВЫБРАТЬ САМЫЕ, НА НАШ ВЗГЛЯД, ИНТЕРЕСНЫЕ, САМЫЕ «БОЛЬНЫЕ». И НАХОДИТЬ ОТВЕТЫ НА НИХ ЛИБО В ДРУГИХ ПИСЬМАХ, ЛИБО КОММЕНТИРОВАТЬ ИХ СВОИМИ СИЛАМИ. ВОТ ЧТО ПОДОБРАЛОСЬ ДЛЯ НАС.

Книга-выручалочка

...Родители говорят, что у меня переходный возраст, и поэтому я не могу нормально общаться с людьми. Со всеми лаюсь, скандаплю... А по-моему, дело совсем не в возрасте. Многие люди, и взрослые в том числе, сами не умеют общаться друг с другом. Как этому научиться?

Лена К-ва,
Киров

Раньше у меня были любимые книги, которые помогали в любых, самых трудных ситуациях. Теперь от них отошел — произошла смена интересов. И на сегодня самой интересной, а главное — полезной книгой считаю «Как приобретать друзей и оказывать влияние на них» Дейла Карнеги. Суть ее понятна уже из названия. Сейчас все такие озлобленные, закомплексованные. А это — книга о том, как незаметно раскрыть человека, вывести его на открытый разговор.

Р. С. Недавно к нам домой перестал приходить журнал «Смена». И моя мама, прочитав эту книгу, написала письмо начальнику почтового отделения, в котором использовала советы Д. Карнеги. И с тех пор «Смена» ходит к нам регулярно...

Вот что значит овладеть искусством общения!

Денис Болихов,
Свердловск

Бывает ли солдат

с протезом?

Меня очень волнует призыв в армию больных людей. По закону со зрением минус восемь диептрий положено проходить службу. Без слезенки, по тому же закону, тоже положено, и так далее. Верно ли это? У меня лично минус семь с половиной. Так я уж, извините, без очков ничего не разберу. А куда меня и таких же ребят будут отправлять? Да почти на сто процентов стройбат гарантирован...

Я с радостью отдаю свой долг Родине, но ведь стройбат — это дешевая рабочая сила! И вместо армии я два года протружусь на стройке, уборке урожая... Бесплатно. Прибавьте к этому постоянные попойки, драки, наркоманию в стройбате (это действительно так, за некоторым исключением, я же вижу, какими ребята приходят оттуда, и слышу, что говорят). Прибавьте дедовщину, отбитые почки, потерянное зрение. И что в итоге? Это — мой долг?

...Недавно погиб мой друг. Лишь потому, что очки во время учений у него разбиты — без очков он не видит. Но ведь он большой человек, а ему написали о причине смерти: «По собственной небрежности и расхлябанности...» А если у инвалида без ног отлетит во время бета протез, — что, тоже «по собственной»?..

Сергей Иванов,
г. Рудный Кустанайской обл.

Письмо твое, Сергей, откровенно горькое, вызвало двойное чувство. С одной стороны, проблему ты затронул действительно острой, наиболее в полном смысле, и волнует она далеко не только тебя. Недаром ею все время занимаются члены Верховного Совета СССР, в частности, профессор Федоров. Но с другой... Когда мы попросили прокомментировать приведенные в письме «законные», по твоему глубокому убеждению, медицинские нормы годности к призыву в одном из свердловских военкоматов, выяснилось: все они не соответствуют действующим. «Без слезенки» не призывают никого. Что касается зрения, то тут все зависит от конкретного заболевания глаз. В частности, если ты страдаешь «астигматизмом любого вида с разностью рефракции в двух главных меридианах» (пусть медики не осудят, если название воспроизведено не совсем точно), — то можешь быть абсолютно спокоен: в мирное время тебя не призвуют никуда: «потолок» здесь — минус шесть. И уж тем более — с протезом...

— Вообще, — закончил свою короткую консультацию «Диалог-клубу» майор Ю. Литвиненко, — перечень медицинских норм, ограничивающих годность к призыву, — сейчас ни для кого не секрет. Кстати, они меняются, становятся жестче (то есть число ограничений растет), и об этом писалось в центральной печати. Так что, чем пугаться непроверенных слухов, пусть лучше ваши читатели почаще заходят в военкоматы и получают информацию от людей знающих...

В самом деле — вряд ли стоит в таких серьезных вопросах полагаться только на дворовые разговоры. В этом товарищ майор абсолютно прав. Уж не на них ли, по крайней мере на треть, основан пафос твоего, Сергей, письма?

А глупую, бессмысленную смерть друга нельзя оправдать ничем. И стройбат для первогодка отнюдь не безопасен — был, поскольку теперь, судя по сообщениям прессы, строительные части расформированы... Но это уже другая тема.

Манекен бы мне

не помешал...

Я где-то слышал, что в Японии в директорских приемных стоят специальные манекены. Вышел из кабинета сотрудник после тяжелого разговора — и выплеснул все свои отрицательные эмоции на его, манекену, голову специальной резиновой дубинкой, висящей тут же.

С какой радостью наши школьники, и я в том числе, воспользовались бы подобным приспособлением, чтобы выплеснуть обиду на несправедливость своих учителей, если бы подобные манекены стояли в наших школах! Может, хамить тогда бы учителям не пришлось?

Конечно, если рассмотреть каждую конкретную «громкую» ситуацию отдельно и объективно, то далеко не всегда школьник — невинная жертва учительского террора, а хамит он нередко просто потому, что «вождя под хвост попала», настроение игривое. Но когда на уроке тебя называют грубым словом или пытаются как-то унижить, невольно хочется ответить тем же...

Нет, я встречал, конечно же, за свои одиннадцать школьных лет прекрасных учителей: честных, по-хорошему строгих, добрых. Но их было, к сожалению, так мало! Или — мне не повезло? Во всяком случае, мой личный опыт учебы в двух «показательных» школах города подтверждает тот грустный факт, что большинство нынешних учителей — люди случайные, у них нет ни любви к детям, ни таланта в педагогике. Пусть это прозвучит банально, но они совершенно не понимают, что школа — это не шахматная доска, где фигуры одного ранга равны по цвету, форме и размерам, что нет там «черных» и «белых» учеников, и каждый человек, какой бы он ни был, — это личность. А у нас сплошь и рядом подгоняют одного под другого, и точка. Очень удобно — не надо никаких «индивидуальных подходов». Устраивает ученик — «хороший», не устраивает — заставим быть «хорошим». Не получится — запишем в трудновоспитуемые. Опять-таки очень удобная формулировка — «трудновоспитуемый». Мол, мы, школа, старались его воспитать, в люди вытянуть, к делу приставить, а он упирался! Смотрите, что из него выходит — хулиган!

В конце 8-го класса мне твердо заявили, что тебя в девятый не возьмем. Не нужны нам такие! Не нужны — и всё? Какие «такие», я так и не понял. Сдал экзамены без троек, прошел школьную комиссию. Значит восемь лет мог, а теперь не могу... Только прошу не считать, что, окончив выпускной класс, я решил отгратиться на школе. Просто я точно знаю, что имеющие свое мнение ей, школе, не нужны: фастад портят. Я не спорю, возможно, отстаивал свое мнение не теми методами и средствами, но и ответные меры были не всегда честны.

Пришел в школу без галстука, овоздал на линейку, неглажены брюки, зевашь на уроке, спорил с учителем, не согласен с учебником, не принес макулатуры... Это только начальная перечень «Табеля о школьных провинностях», если бы такой существовал на бумаге. В негласной форме он есть. А вот грызть яблоки, закрывшись журналом от класса, чesать, простить, линейкой спину во время уроков, оскорблять учеников и приводить их руки в нужное положение той же линейкой — это справедливо и верно с точки зрения педагогики?

Странно как-то получается. Когда за кисти и краски берется неталантливый человек — все сразу говорят, что он «мазила». Но почему же, когда бездарность преподает в школе, бурных эмоций это не вызывает? Ведь если в первом случае портятся только холст и краски, во втором — душа живого человека...

Дима Кононов,
Свердловск

А это письмо, самое длинное, пусть пока останется без комментария. Может быть, кто-то из вас поможет Диме разобраться в его взаимоотношениях со школой, поделится своими мыслями о ней?

Подготовил А. ПОНИЗОВКИН

Эдгар БЕРРОУЗ

*Рисунки
Елены Пьянковой
и Николая Мооса*

В полной темноте они добрались до хижины. Убитые горем люди долго сидели молча.

Профессор Портер прервал молчание.

— Я прилягу,— сказал старик,— и постараюсь заснуть. Завтра рано утром, как только рассветет, возьму с собой столько еды, сколько могу унести, и буду искать Джен, пока не найду ее. Без нее не вернусь!

Его спутники ответили не сразу. Каждый из них был поглощен в свои печальные мысли, и каждый знал, как знал это и старик профессор, что означали его последние слова: профессор Портер никогда не вернется из джунглей.

Клейтон встал и, мягко положив руку на сторбенное плечо старого профессора, сказал:

— Я, конечно, пойду с вами. И не говорите мне, что я не должен этого делать.

— Я знал, что вы это предложите, что вы захотите идти, мистер Клейтон, но право — не делайте этого. Джен теперь никто не поможет. Я иду просто потому, чтобы вместе с нею погибнуть, чтобы знать, что та, которая была так не-

Продолжение. Начало в № 4—8

давно моей дорогой маленькой дочуркой, не лежит одиноко, покинутая всеми в страшных джунглях. Одни и те же стебли и листья покроют нас, и одни и те же дожди будут поливать. Нет, я должен идти один, потому что она была моею дочерью, единственным, что оставалось у меня на свете и что я любил!

— Я пойду с вами,— просто сказал Клейтон.

Старик поднял голову и внимательно посмотрел на энергичное красивое лицо Уильяма Сесилия Клейтона. Быть может, впервые он прочел на этом лице любовь, таившуюся в сердце молодого человека,— любовь к его дочери.

Обычно профессор Портер был слишком занят своими собственными учеными мыслями, чтобы замечать мелкие факты, случайные слова, которые бы давно подсказали всякому другому, что молодые люди тяготеют друг к другу. Теперь он припомнил все.

— Как хотите,— согласился он наконец.

— Вы можете рассчитывать и на меня,— заявил мистер Филандер.

— Нет, мой дорогой старый друг,— возразил профессор Портер,— всем нам идти не следует. Было бы большой жестокостью оставить бедную Эсмеральду здесь одну, да и всем троице не достигнуть большего результата, чем одному. Без того уже мертвых достаточно. Ложитесь, господа, попытаемся немного заснуть.

Зов первобытности

С того времени, как Тарзан ушел из племени больших антропоидов, спокойствие и мир в нем были нарушены. Теркоз оказался жестоким и капризным царем. Многие из более старых и слабых обезьян, на которых он чаще всего привык обрушивать свой зверский нрав, ушли из общины вместе с семьями в поисках тишины и безопасности.

Но и оставшиеся были доведены до отчаяния постоянными придирками Теркоза. И тут кто-то вспомнил прошальный совет Тарзана.

— Если у вас будет жестокий повелитель,— сказал он, покидая их,— пусть никто не пытается восстать против него в одиночку. Вместо того, пусть двое, а лучше — четверо соберутся вместе и разом нападут на него. Тогда ни один властитель не осмелится нарушать законов, потому что четверо всегда справятся с любым вождем.

Вспомнив этот мудрый совет, обезьяна сговорила со своими товарищами, когда Теркоз вернулся домой, его ждал «теплый» и дружный прием.

Особых формальностей не было. Как только Теркоз приблизился к сборищу, пять огромных волосатых зверей бросились на него.

В душе Теркоз был отъявленным трусом, какими обыкновенно бывают нахалы и среди обезьян, и среди людей. Поэтому Теркоз не принял боя, исход которого был для него ясен. Он просто убежал.

Теркоз сделал еще две попытки вернуться в племя, но всякий раз на него нападали и прогнали его. Поняв, что его никогда не примут обратно, он ушел в джунгли, затаив ненависть и бешенство.

Несколько дней он без цели бродяжничал. Гнев его все разрастался, и он искал какое-нибудь слабое существо, на которое он мог бы излить всю душившую его злобу.

В таком состоянии духа это человекоподобное чудовище неожиданно встретило в джунглях обеих женщин. Джен Портер услышала звук прыжка большого волосатого тела и увидела страшную образину, его оскалившийся отвратительный рот не дальше фута от себя.

Пронзительный крик вырвался у Джен, когда рука зверя схватила ее за плечо. Потом она увидела ужасные клыки, которые разверзлись над ее горлом. Но прежде чем они сомкнулись, антропид передумал.

Его жены остались в племени. Он должен найти других. Эта белая безволосая обезьяна станет первой в его новой семье. Он грубо вскинул ее на волосатые плечи и вспрыгнул на ветку, готовя Джен Портер участь, которая в тысячу раз хуже смерти.

Крик ужаса негритянки раздался вместе с криком Джен, а потом, — как это всегда случалось у Эсмеральды в критические моменты, требовавшие полного присутствия духа, — она упала в обморок.

Но Джен ни разу не потеряла сознания. Правда, страшная образина прижалась так близко к ее лицу, что зловонное дыхание парализовало ее. Но сознание было ясно, и она помнила все, что происходило, пока зверь нес ее. Она не кричала и не боролась. Внезапное появление обезьяны до такой степени сбilo ее с толку, что ей стало теперь казаться, что ее несут к берегу. Она решила сохранить энергию и силу голоса до той поры, пока не увидит лагеря, чтобы привлечь отсюда столь необходимую помощь.

Бедное дитя! Если бы она знала, что ее несут все дальше и дальше в непроходимую глушь джунглей!

Крик, который встревожил Клейтона и обоих стариков, привел Тарзана на место разыгравшихся событий. Но не на Эсмеральде сосредоточился его интерес, хотя он и удостоверился, что она невредима. Мгновенно Тарзан исследовал землю и ближайшие деревья. Инстинкт обезьяны, соединенный с разумом человека, рассказали ему, изумительно знавшему жизнь лесов, о происшествии так ясно, будто он видел его своими глазами.

Тотчас помчался он по свежему следу, который обычный человеческий глаз не мог бы заметить и, тем более, объяснить. Больше всего следов на концах ветвей, где антропид перебарывается с ветки на ветку, но по ним трудно установить направление, потому что под тяжестью тела ветвь склоняется вниз, и неизвестно, подымалась или спускалась по ней обезьяна, зато ближе к стволу, где следы слабее, направление ясно обозначено. Вот тут лапой беглеца была раздавлена гусеница, и Тарзан инстинктивно чувствует, куда ступит теперь та же большая лапа — и действительно он находит там микроскопическую частичку уничтоженного червя, иногда просто влажный след.

Дальше, маленький кусочек коры отодран когтем, а направление излома указывает на направление беглеца. Там и сям на какой-нибудь большой ветке или на стволе дерева, которых косну-

лось волосатое тело, оставался крошечный клочок волос. По тому, как он втиснут под корой, Тарзан определял направление.

Он не замедлял бега, чтобы подмечать все эти, на вид столь слабые, признаки зверя. Для Тарзана они ярко выделялись среди мириад других повреждений, шрамов и знаков на воздушном пути. Но больше всего помогал ему запах, потому что Тарзан преследовал против ветра, и его развитые ноздри чувствовали не хуже ноздрей собаки.

Есть мнение, что существа низшего порядка одарены природой лучшим обонянием, чем человек, но это только дело развития. Жизнь цивилизованных людей не так сильно зависит от совершенства их чувств. Способность к рассуждению освободила человека от многих обязанностей, чувства до известной степени атрофировались, так же как мышцы, двигающие уши, и волосистой покров тела.

Не то с обезьяньим приемом. С первых дней детства его существование неизмеримо больше зависело от остроты зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса, чем от медленно развивающегося разума.

Менее всего у Тарзана было развиты вкусовые ощущения. Он мог с почти одинаковым вольствием есть роскошные плоды и сырое мясо, долго пролежавшее в земле, в этом, впрочем, он мало чем отличался от наших утонченных гурманов.

Почти бесшумно мчался Тарзан по следу Теркоза и его добычи, но звуки преследования все же достигали до убегающего зверя и заставляли его бежать еще быстрее. Три мили остались позади, прежде чем обезьяна-человек настиг их. Теркоз, видя, что ему не уйти, соскочил на открытую небольшую поляну, чтобы сразиться здесь за свою добычу или же, бросив ее, спастись бегством.

Он все еще прижимал к себе огромной лапой Джен Портер, когда Тарзан, точно леопард, прыгнул на арену, которую природа как бы специально создала для этого первобытного боя.

Едва Теркоз увидел, кто его преследовал, он сразу подумал, что похищенная им самка — жена Тарзана. Они, очевидно, были одной породы — оба белые и безволосые. И Теркоз был в восторге от возможности больно отомстить ненавистному врагу.

Внезапное появление таинственного богоподобного человека подействовало на измученные нервы Джен, как бодрящее вино. По описаниям Клейтона, своего отца и мистера Филандера она догадалась, что это и есть то изумительное существо, которое спасло их. Она угадала в нем друга и защитника. Теркоз грубо толкнул ее в сторону, чтобы броситься навстречу Тарзану. Джен Портер смогла оценить огромные размеры обезьяны, ее могучие мускулы и огромные клыки, и сердце ее упало. Разве мог человек, каков бы он ни был, победить такого мощного противника?

Они сшиблись, как два разъяренных быка, и, как два волка, старались добраться до горла друг друга. Длинным клыкам обезьяны человек противопоставил узкое лезвие ножа.

Джен Портер всем своим гибким молодым

телом прильнула к стволу большого дерева, крепко прижав руки к нервно дышащей груди, и широко раскрытыми глазами, в которых отражалась смесь ужаса и восхищения, смотрела на бой первобытной обезьяны с первобытным человеком за обладание женщиной — за обладание ею.

Когда большие мускулы спины и плеч человека вздулись от напряжения и громкий бицепс и предплечье остановили страшные клыки, завеса веков цивилизации и культуры разверзлась перед отуманенным взором девушки из Балтимора. А когда длинный нож раз десять упился горячей кровью Теркоза и громадная туша его безжизненно пала на землю, первобытная женщина с распростертыми объятиями бросилась к первобытному мужчине, который завоевал ее.

А Тарзан?

Он сделал то, что сделал бы на его месте всякий мужчина, у которого течет в жилах красная кровь. Он взял женщину в свои объятия и стал осыпать поцелуями ее трепещущие губы.

Одно мгновение Джен Портер лежала в его объятиях с полузакрытыми глазами. В одно мгновение — первое в ее молодой жизни — она узнала, что такое любовь.

Но наваждение кончилось так же внезапно, как началось. Лицо Джен Портер ярко вспыхнуло румянцем. Женщина оттолкнула от себя Тарзана, человека-обезьяну, и закрыла лицо руками.

Тарзан был изумлен, когда девушка, которую он безотчетно любил какой-то отвлеченной любовью, вдруг очутилась добровольной пленницей в его объятиях. Теперь он был не менее изумлен тем, что она отталкивает его. Он приблизился к ней еще раз и взял за руку. Она бросилась на него, как тигрица, нанося своими крошечными руками удары в его большую грудь.

Тарзан не мог ничего понять.

Еще за минуту до того он был намерен как можно скорее вернуть Джен Портер ее родственникам, но эта минута уже канула в смутном и невозвратном прошлом, а вместе с нею кануло и его доброе намерение.

Тарзан, обезьяний прием, преобразился в тот миг, когда почувствовал теплое гибкое тело, крепко прижавшееся к нему. Прекрасные губы слились с его губами в жгучих поцелуях и выжгли глубокое клеймо в его душе — клеймо, отметившее нового Тарзана.

Он снова положил руку на ее плечо. Она оттолкнула его. И тогда Тарзан, обезьяний прием, поступил как раз так, как это сделал бы его отдаленный предок. Он поднял свою женщину и понес ее в джунгли.

Рано утром на следующий день четверо людей, оставшиеся в хижине у моря, были разбужены пушечным выстрелом. Клейтон выбежал первым и увидел, что за входом в маленькую бухту стоят на якоре два судна.

Одно из них — «Арроу», а другое — небольшой французский крейсер. На его борту толпилось много людей, смотревших на берег. Клейтон, как и остальные, ясно понимал, что пушечным выстрелом хотели привлечь внимание оставшихся в хижине.

Эсмеральда сняла свой красный передник и бешено размахивала им над головой, но Клейтон, опасаясь, что даже и это может остаться незамеченным, бегом бросился к северному мысу бухты, где был приготовлен сигнальный костер. Ему, также как и тем, кто, затаив дыхание, остались ждать у хижины, показалось, что прошла целая вечность, пока он добрался до огромного вороха сухих ветвей и кустарника.

Выйдя из густого леса на открытое место, с которого можно было различить суда, Клейтон был неприятно поражен, увидев, что на «Арроу» поднимают паруса, а крейсер уже двинулся вперед. Быстро зажег он костер со всех сторон и помчался на самую крайнюю точку мыса, где, сняв с себя рубашку и привязав ее к сухой ветке, долго стоял, размахивая ею над головой.

Но суда все удалялись, и он уже потерял всякую надежду. Но огромный столб дыма, поднимающийся над лесом, привлек внимание дозорного на крейсере, и тотчас же дюжина биноклей была направлена на берег.

Оба судна повернули обратно: «Арроу» лег в дрейф, покачиваясь на волнах океана, а крейсер медленно направился к берегу. На некотором расстоянии он остановился, и шлюпка была послана к берегу. Когда она подошла, из нее выпрыгнул молодой офицер.

— Мосье Клейтон, я полагаю? — спросил он.

— Слава богу, вы пришли! — возбужденно воскликнул Клейтон, — может быть, и теперь еще не поздно!

— Что вы этим хотите сказать, мосье? — спросил офицер.

Клейтон торопливо рассказал о последних печальных событиях и попросил помощи.

— Боже мой! — печально воскликнул офицер. — Вчера — еще не было, наверно, поздно, а сегодня... Это ужасно. О! Это просто ужасно!

От крейсера отплыло еще несколько шлюпок. Вскоре все высадились у того места, где стояли профессор Портер, мистер Филандер и плачущая Эсмеральда.

Среди офицеров был и сам командир корабля. Когда он услышал историю о похищении Джен Портер, он великодушно вызвал добровольцев, согласных помочь профессору Портеру и Клейтону в их поисках. Не было ни одного офицера или матроса среди этих храбрых и симпатичных французов, кто бы отказался.

Командир выбрал двадцать матросов и двух офицеров — лейтенанта д'Арно и лейтенанта Шарпантье. Шлюпка пошла на крейсер за продовольствием, патронами и ружьями.

На вопросы Клейтона, как случилось, что они бросили якорь в открытом море и дали пушечный сигнал, командир, капитан Дюфрен, объяснил, что с месяц тому назад они впервые увидели «Арроу», быстро шедшего на юго-запад. Когда они дали сигнал остановиться, он поднял все паруса и ушел. Они гнались за ним до захода солнца, стреляли из пушек, но на следующее утро судно исчезло. Несколько недель кряду они крейсировали вдоль берега и уже забыли о беглецах, как вдруг два дня назад дозорный заметил судно, бросаемое из стороны в сторону среди сильной зыби, руль его бездействовал, и никто не управлял парусами.

Подойдя ближе к брошенному судну, они с удивлением узнали в нем «Арроу». Его фок-шток и контр-бизань были подняты, но шторм разорвал в клочья полотнища парусов. При сильном волнении высадка на судно, потерявшие управление, чрезвычайно опасна, и так как на палубе его не было видно никаких признаков жизни, капитан решил переждать, пока ветер уляжется. Но в это время заметил человеческую фигуру, цеплявшуюся за перила и слабо махавшую им в отчаянном призыве.

Тотчас же была снаряжена шлюпка, и первая же попытка причалить к «Арроу» удалась. Зрелище, встретившее французов, когда они вскарабкались через борт судна, было потрясающим.

Около дюжины людей катались при килевой качке по палубе, живые вперемешку с мертвыми. Среди них были два уже обглоданных трупа.

Призовая команда быстро поставила необходимые паруса, живые члены злосчастного экипажа были снесены вниз на койки.

Мертвых завернули в брезент и привязали на палубе, чтобы товарищи могли опознать их прежде, чем они будут похоронены в море.

Когда французы поднялись на палубу «Арроу», все живые были в беспомощности. Даже бедняга, давший отчаянный сигнал о бедствии, потерял сознание, прежде чем узнал, помог ли его призыв.

Французскому офицеру не пришлось долго гадать о причинах ужасного положения на судне, потому что, когда стали искать воду или водку, чтобы восстановить силы матросов, оказалось, что ни того, ни другого не было, не было и крохи какой-либо пищи.

Офицер тотчас дал сигнал крейсеру прислать воду, медикаменты, провизию, и другая шлюпка совершила опасный переход к «Арроу».

Когда применили подкрепляющие средства, некоторые из матросов пришли в сознание, и вся история была рассказана. Так как на борту не было никого, кто бы мог управлять судном, то скоро начались споры о том, где они находятся и какой курс следует держать. Три дня плыли они на восток, но земли все не было видно, тогда они повернули на север, боясь, что дувшие все время сильнейшие северные ветры отнесли их от материка. Два дня держали они курс на северо-восток и попали в штиль, продолжавшийся почти неделю. Вода иссякла, а через день кончились и запасы пищи.

Положение быстро менялось к худшему. Один матрос сошел с ума и прыгнул за борт. Вскоре другой матрос вскрыл себе вены и стал пить собственную кровь. Начался шторм.

И вот появился крейсер.

Вся история бунта была рассказана французскому командиру, но оставшиеся в живых матросы «Арроу» оказались слишком невежественными, чтобы указать, в каком именно месте были высажены профессор и его спутники. Поэтому крейсер медленно плыл вдоль побережья, изредка давая пушечные сигналы и исследуя каждый дюйм берега в подзорные трубы...

Пока обе стороны рассказывали друг другу свои приключения, вернулась шлюпка с продовольствием и оружием для отряда. Через несколько минут группа матросов и два француз-

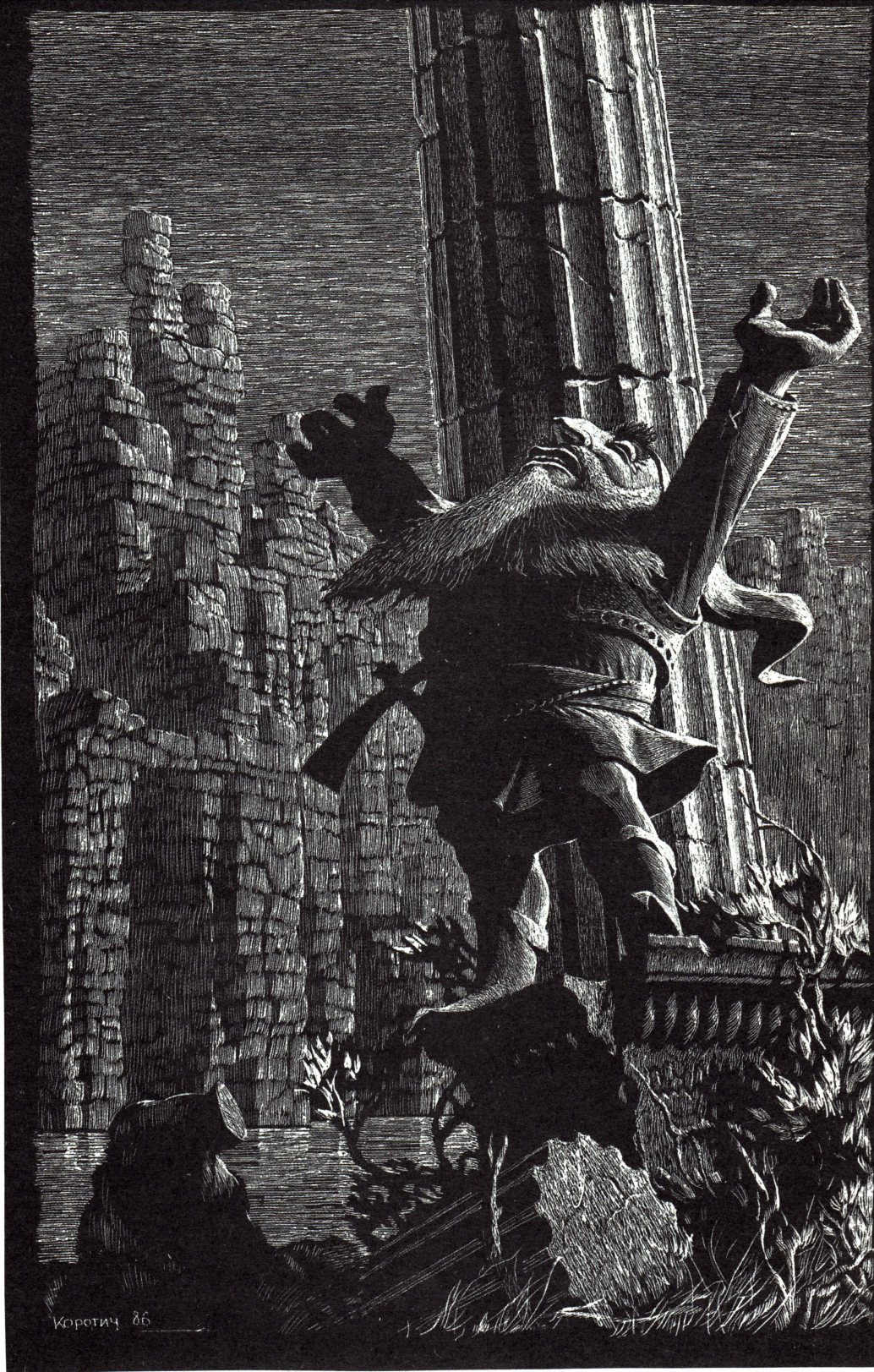
«Однажды ночью, уже под осень, быстрейший из Горных Орлов — Ветробой — прилетел в Изенгард и, снизившись над Ортханком, увидел меня на Дозорной площадке.»

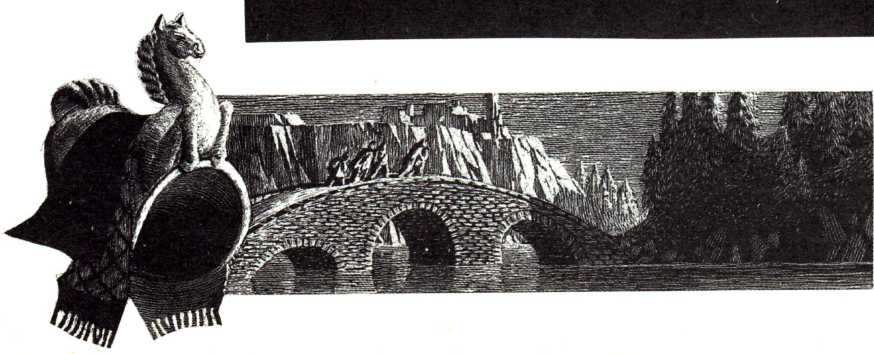
Корючим 85

«Возле колонны Гимли задержался и, когда подошли хоббиты, сказал:
— Видите, тут по-морийски написано: «ОТСЮДА ДАРИН ВПЕРВЫЕ ЗАГЛЯНУЛ
В КЕЛЕД-ЗАРАМ». — На колонне виднелись полустертые руны, однако прочитать
их было невозможно: песок и ветры заровняли надписи.»

Коротич 86

ских офицера вместе с профессором Портером и Клейтоном отправились на безнадежные и зловещие поиски.

Наследственность

Когда Джен Портер поняла, что странное лесное существо, спасшее ее от когтей обезьяны, несет ее куда-то, она сделала отчаянную попытку вырваться. Но сильные руки только немного крепче прижали ее к себе. Она отказалась от бесплодных попыток и замерла, разглядывая из-под полуопущенных век лицо человека, который, несмотря на ношу, так легко шагал через запутанные заросли кустарников.

Лицо его было необычайно красиво. Оно являлось идеалом мужественности и силы, не искаженным ни беспутной жизнью, ни зверскими и низменными страстями. Хотя Тарзан и убивал людей и животных, он делал это беззлобно, как профессиональный охотник, за исключением тех редких случаев, когда он убивал из ненависти.

В тот миг, когда Тарзан напал на Теркоза, девушку поразила ярко-красная полоса на его лбу, идущая от левого глаза до начала волос. Теперь, когда она внимательно рассматривала его черты, она увидела, что полоса исчезла, и только узкий белый шрам отмечал место, где она выступала.

Джен Портер не вырывалась, и Тарзан слегка ослабил железное кольцо своих рук. Он взглянул ей в глаза и улыбнулся — и девушке пришлось прикрыть веки, чтобы победить чары этого прекрасного лица.

Тарзан поднялся на деревья, и у Джен Портер, не чувствовавшей никакого страха от этого необычайного путешествия, мелькнула мысль, что она никогда до сих пор не была в такой безопасности, как теперь, в объятиях этого сильного дикого существа, которое несло ее неизвестно куда и неизвестно для чего через все более глухие заросли первобытного леса.

Иногда она закрывала глаза и со страхом думала о том, что ее ждет. Живое воображение подсказывало ей всевозможные ужасы, но стоило поднять веки и взглянуть на прекрасное лицо, низко склоненное над нею, и все опасения рассеивались. Нет, ей не следует его бояться! И в этом она все более и более убеждалась, пылливо разглядывая тонкие черты и честный взгляд, свидетельствовавшие о рыцарстве и благородстве натуры.

Они все глубже и глубже забирались в лес, смыкавшийся вокруг них неприступной, как ей казалось, стеной, но перед лесным богом, словно по волшебству, всякий раз открывался проход, который тотчас же смыкался за ними. Редкая ветка слегка касалась ее, а между тем и сверху, и снизу, и спереди, и сзади глазам представлялась одна сплошная масса тесно сплетенных ветвей и ползучих растений.

Во время этой дороги Тарзан, идя упрямо вперед, был переполнен новыми мыслями. Перед ним встала задача, какой он еще никогда не встречал, и он скорее чувствовал, чем понимал, что должен разрешить ее как человек, а не как обезьяна.

Теперь он стал размышлять об участи, которая выпала бы на долю девушки, если бы он не спас ее от Теркоза. Он знал, почему тот не убил ее, и стал сравнивать свои намерения с намерениями обезьяны. Правда, по обычаю джунглей, самец брал себе самку силой. Но может ли Тарзан в этом случае руководствоваться законом зверей? Разве Тарзан не человек? А как поступают в таких случаях люди? Он был в большом затруднении, потому что не знал. Очень хотелось ему спросить об этом девушку, потом ему пришло в голову, что она уже ответила, сопротивляясь и пытаясь оттолкнуть его...

Наконец Тарзан, бережно держа Джен в своих сильных объятиях, легко спрыгнул на дерн знаковой арены, где собирались большие обезьяны для совета и диких оргий Дум-Дум. Амфитеатр был облит полусветом, проникавшим сквозь чащу листвы. Зеленый дерн казался мягким, прохладным и звал отдохнуть. Мириады шумов джунглей доносились издали и казались далеким звуком прибоя.

Чувство мечтательного спокойствия овладело Джен Портер. Она опустила на дерн и взглянула на Тарзана. Джен испытывала непонятное ощущение полнейшей безопасности. Она следила из-под полуопущенных век, как Тарзан переходил через круглую полянку, направляясь к деревьям у дальнего края. Она отметила изящную величавость его походки, совершенную симметрию великолепной фигуры и гордую посадку прекрасной головы на широких плечах. Что за изумительное создание! Ни жестокость, ни низость не могут таиться под этой богоподобной внешностью. Никогда еще, думала она, подобное совершенство не пирило ногами землю.

Тарзан мгновенно взлетел на дерево и исчез. Джен Портер недоумевала: зачем он ушел? Неужели он оставил ее здесь, в диких джунглях? Она нервно оглянулась. Каждый стебель, каждый куст казались засадой неведомого огромного и ужасного зверя, подстерегающего ее и только ждущего мгновения, чтобы вонзить блестящие клыки в ее нежное тело. Каждый звук превращала она в своем воображении в скрытое, незаметное приближение гибкого и злобного существа. Как изменилось все с тех пор, как он ее оставил!

Пять минут, показавшихся ей часами, она сидела напряженно, ожидая прыжка притаившегося животного, означавшего конец ее мукам. Она почти молила о жестоких клыках, которые принесли бы ей смерть и прекратили бы эту агонию страха.

Услышав внезапный легкий шорох позади себя, она с криком вскочила и обернулась лицом к опасности. Перед ней стоял Тарзан, в руках у него была целая грудка роскошных спелых плодов.

Джен Портер пошатнулась и упала бы, но Тарзан, бросив свою ношу, принял ее в свои объятия. Она не потеряла сознания и крепко прижалась к нему, дрожа, как испуганная лань. Тарзан тихо гладил шелковистые волосы и старался успокоить и утешить ее, как это делала Кала, когда еще маленький, он пугался змеи Хисты или львицы Сабора. Его щека прикоснулась к ее головке, и она не шелохнулась, только вздохнула и закрыла глаза.

Джен никак не могла понять, что с ней делается. Она чувствовала себя в безопасности в этих сильных объятиях, и ей этого было достаточно. О будущем не хотелось думать, и она покорилась судьбе. За несколько истекших часов она вдруг стала доверять этому загадочному властителю джунглей, как доверяла бы лишь очень немногим знакомым ей мужчинам. Ей подумалось, что все это очень странно, но в душе у нее зрела догадка, что это необыкновенное состояние можно назвать настоящей любовью... Ее первой любовью! Она вспыхнула и улыбнулась. Джен Портер слегка отстранилась от Тарзана и, глядя на него с полуулыбающимся и полунасмешливым выражением, придававшим ее лицу полнейшую обворожительность, указала на оброненные плоды и села на край земляного барабана антропидов, так как почувствовала сильный голод.

Тарзан быстро собрал плоды и положил к ее ногам, затем уселся рядом и стал чистить их ножом, освобождая их от кожуры и семян.

Они ели молча, временами украдкой бросая друг на друга лукавые взгляды, пока, наконец, Джен не разразилась веселым смехом, к которому присоединился и Тарзан.

— Как жаль, что вы не говорите по-английски, — сказала девушка.

Тарзан покачал головой, и выражение трогательной и жадной пытливости омрачило его смеющиеся глаза.

Тогда Джен Портер попыталась заговорить с ним по-французски, а потом по-немецки, но сама рассмееялась над своими ошибками.

— Во всяком случае, — сказала она ему по-английски, — вы понимаете мой немецкий так же хорошо, как меня понимали в Берлине!

Тарзан давно уже пришел к решению, что делать дальше. Он имел время вспомнить все прочитанное им в книгах о взаимоотношениях мужчин и женщин. И он поступит так, как поступил бы любой мужчина, будь он на его месте.

Он снова встал и пошел к деревьям, попытавшись объяснить знаками, что скоро вернется, и, видимо, Джен Портер все поняла и не испугалась, когда он ушел. С нетерпением она ждала его возвращения. Как и прежде, она узнала о его присутствии по легкому шороху за спиной и, обернувшись, увидела его с огромной ношей веток в охапке.

Затем он принес много мягких трав и папоротников. Он разостлал папоротники и траву подобием мягкой ровной постели, а над нею соорудил шалаш из веток. На них он навалил толстый слой огромных листьев слоновьего уха.

Они снова уселись на край барабана и попытались разговаривать знаками. Великолепный бриллиантовый медальон, висевший на шее Тарзана, очень заинтересовал Джен Портер. Она указала на него, и Тарзан, сняв хорошенькую безделушку, передал ей.

Джен поняла по изысканной оправе и бриллиантам прекрасной игры, что работа старинная. Она заметила также, что медальон открывается, и нажала скрытую пружину. В каждой створке оказалось по миниатюре из слоновьей кости. На одной было изображение молодой красавицы, на другой — почти точный портрет сидевшего рядом

с ней Тарзана, если не считать едва уловимой разницы в выражении.

Она посмотрела на Тарзана и увидела, что, склонившись к ней, он с удивлением рассматривает миниатюры. Протянув руку за медальоном, он отнял его и принялся рассматривать миниатюры с очевидными признаками изумления и интереса. Было ясно, что он никогда до того не видел их и не предполагал, что медальон открывается.

Воображение стало рисовать Джен, как это прекрасное украшение попало в руки дикого и непросвещенного существа неисследованных джунглей Африки. Но еще более удивительным было то обстоятельство, что в медальоне оказалось изображение человека, который мог бы быть братом или, вернее, отцом этого лесного полубога.

Тарзан все еще пристально рассматривал оба изображения. Вдруг он снял с плеча колчан и, высыпав стрелы на землю, достал с его дна плоский предмет, завернутый в несколько слоев мягких листьев и перевязанный длинными травами. Осторожно развернул он листья слой за слоем, и в его руках очутилась фотография. Указывая на миниатюру мужчины в медальоне, он передал фотографию Джен Портер.

Фотография привела девушку в еще большее удивление, так как она, очевидно, была лишь другим изображением мужчины, миниатюра которого находилась в медальоне рядом с миниатюрой красивой молодой женщины.

Тарзан смотрел на нее с недоумением и растерянностью. Казалось, с губ его сейчас слетит какой-то вопрос. Девушка указала на фотографию, потом на миниатюру и потом на него, как бы желая сообщить, что это его изображение. Но он только покачал головой и, пожал могучими плечами, взял у нее фотографию и, заботливо завернув ее, опять спрятал на дно колчана.

Несколько минут он сидел молча, устремив глаза в землю, в то время как Джен Портер, держа маленький медальон в руке, рассматривала его со всех сторон, стараясь отыскать какое-нибудь указание, которое могло бы привести к установлению первоначального его собственника. Наконец ей в голову пришло простое объяснение.

Медальон принадлежал лорду Грэйстоку, и миниатюры были его самого и леди Элис. Это дикое существо просто нашло медальон в хижине на берегу. Как глупо было с ее стороны сразу не подумать об этом! Но объяснить странное сходство лорда Грэйстока с лесным богом — это было выше ее сил. Она не могла и представить себе, что этот голый дикарь в действительности — сын лорда.

Тарзан взглянул на девушку, рассматривавшую медальон. Он не мог проникнуть в значение миниатюр, но мог прочесть интерес и восхищение на лице Джен. Она, заметив его взгляд, подумала, что он хочет получить обратно свое украшение, и отдала его. Он взял медальон и надел ей на шею, радуясь ее изумлению от неожиданного подарка.

Джен Портер быстро замотала головой в знак отказа и попыталась снять золотую цепочку с шеи, но Тарзан не позволил. Он взял ее руки

в свои и крепко держал их, пока она с легким смехом не согласилась, поднесла медальон к губам и, встав, сделала Тарзану шуточный реверанс. Тарзан не знал точно, что она хочет этим выразить, но догадался — это ее способ отблагодарить за подарок. Он тоже встал и, взяв медальон в руки, склонился с важностью старинного придворного и прижал свои губы к месту, которого коснулись ее губы. Величавый и любезный поклон его был исполнен с грацией и достоинством бессознательно. Это была печать его происхождения, естественное проявление утонченного воспитания многих поколений и наследственный инстинкт приветливости. Их так и не смогли искоренить грубое воспитание и дикая среда.

Становилось уже темно, и она снова принялась за плоды, которые стали для них одновременно и пищей, и питьем. Потом Тарзан встал и повел Джен Портер к маленькому убежищу, сооруженному им, попросив ее знаком войти в него. После нескольких часов беззаботности страх вновь охватил Джен, и Тарзан почувствовал, что она пятится назад, будто опасаясь его.

Часы, проведенные с этой девушкой, как будто преобразили Тарзана. Теперь его наследственность говорила громче, чем воспитание. Он, конечно, не переродился в одно мгновение из дикой обезьяны в утонченного джентльмена, но инстинкт последнего стал преобладать, он весь горел желанием понравиться женщине, которую он любил, и не уронить себя в ее глазах. И Тарзан сделал единственную вещь, которая могла уверить Джен Портер в ее безопасности. Он вынул из ножен нож и передал ей рукояткой вперед, снова указывая на убежище.

Девушка поняла и, взяв нож, вошла в шалаш, и улеглась на мягкие травы, а Тарзан растянулся на земле поперек входа...

Когда Джен проснулась, она не сразу припомнила удивительные происшествия минувшего дня и потому изумилась, увидев листовые стены, мягкие травы постели и незнакомый вид из отверстия в шалаше. Медленно восстанавливала она все недавние события. И огромная радость родилась в ней, ее охватила теплая волна благодарности за то, что, хотя она и подвергалась ужасной опасности, но осталась невредимой. Она вышла из шалаша, чтобы узнать, где Тарзан. Его не было, но на этот раз страх не напал на девушку, она была уверена, что где-то рядом.

На траве, у входа в беседку, она увидела отпечаток тела, где Тарзан лежал всю ночь, охраняя ее. Она понимала, что только его присутствие здесь позволило ей спать мирно и безмятежно. Чего бояться, имея такого защитника? Даже львы и пантеры ей теперь не страшны.

Она посмотрела вверх и увидела, как гибкая фигура мягко спрыгнула с ближнего дерева. Когда Тарзан поймал ее взгляд, лицо его озарилось той открытой, сияющей улыбкой, которая накануне завоевала ее доверие. Он подошел — и сердце Джен Портер забило сильнее, и глаза ее заблестели.

Тарзан опять насобирал плодов и сложил их у входа в шалаш, жестом приглашая ее к совместной трапезе.

Джен Портер пыталась разгадать, какие же

у него планы? Доставит ли он ее на берег или будет держать здесь? И вдруг она осознала, что это обстоятельство, по-видимому, не очень ее тревожит. Неужели возможно, что ей это безразлично?

Она начала также понимать, что, сидя здесь рядом с улыбающимся гигантом и вкушая восхитительные плоды в раю, затерянном в глубинах африканских джунглей, она была и довольна, и очень счастлива. Но почему? Она натерпелась столько страха, что должна впасть в уныние от мрачных предчувствий, а вместо всего этого сердце в груди ее пело, и она улыбалась человеку, сидевшему рядом и отвечающему ей улыбкой.

Когда они окончили с завтраком, Тарзан вошел в шалаш и взял свой нож. Девушка совсем и забыла о нем. Сделав знак следовать за ним, Тарзан направился к деревьям на краю поляны и, охватив Джен сильной рукой, поднялся на верхние ветки. Девушка знала, что он несет ее к родным, и не могла понять внезапного чувства одиночества и печали, нахлынувшего на нее.

Несколько часов они медленно двигались вперед. Тарзан не спешил. Он пытался как можно дольше продлить сладостное удовольствие путешествия, в котором дорогие ему руки обвивали его шею, и потому уклонился далеко к югу от прямого пути к берегу.

Много раз они останавливались для короткого отдыха, в котором Тарзан совсем не нуждался, а в полдень они задержались на целый час у небольшого ручья, где поели и утолили жажду.

Солнце уже клонилось к закату, когда они подошли к поляне, и Тарзан, спрыгнув на землю у большого дерева, раздвинул высокую траву и указал ей на маленькую хижину.

Она взяла его за руку, чтобы отвести туда и рассказать отцу, что этот человек спас ее от смерти и ужаса худшего, чем смерть, и что он охранял ее нежно и бережно. Но на Тарзана опять нахлынула робость дикого существа. Он покачал головой и отступил.

Девушка подошла к нему вплотную и посмотрела ему в лицо просящими глазами. Ей почему-то была невыносима мысль, что Тарзан вернется один в ужасные джунгли. Но он продолжал качать головой, потом нежно привлек ее к себе и наклонился, чтобы поцеловать ее, и спрашивая взглядом, будет ли ей это угодно или она оттолкнет его. Одно лишь мгновение колебалась девушка, затем порывисто обвила его шею руками, привлекла его лицо к своему и смело поцеловала его.

— Я люблю вас, люблю вас,— шепнула она. Издали донесся слабый звук ружейных выстрелов. Тарзан и Джен Портер подняли головы. Из хижины вышли мистер Филандер и Эсмеральда. С того места, где находились Тарзан и девушка, они не могли видеть кораблей, стоящих в бухте на якоре. Тарзан указал в сторону пальбы, коснулся рукой своей груди и снова указал в том же направлении. Она поняла. Он уходил, и почему-то ей стало ясно, что он это делает, думая, что ее спутники в опасности.

Он опять поцеловал ее.

— Возвращайтесь ко мне,— шепнула она.— Я буду ждать вас всегда.

Тарзан исчез, а Джен Портер пошла через поляну к хижине.

Мистер Филандер первым увидел нечто. Уже стемнело, а ученый был очень близорук.

— Скорей, Эсмеральда! — крикнул он.— Бегите в хижину. Это львица! Господи! Господи!

Эсмеральда не стала ломать себе голову над проверкой сказанного. Одного тона было достаточно. Она мигом очутилась в хижине и заперла за собою дверь раньше, чем он кончил произносить ее имя. Его «Господи! Господи!» было вызвано тем, что Эсмеральда в излишней торопливости заперлась, оставив снаружи как его, так и быстро приближающуюся львицу.

Он яростно забарабанил по тяжелой двери.

— Эсмеральда! — вопил он,— Эсмеральда! Впустите! Лев уже почти съел меня!

Эсмеральда думала, что шум в дверях приводит львицу, и по своему обыкновению упала в обморок.

Мистер Филандер бросил назад испуганный взгляд. Ужас! Зверь был совсем близко. Он попытался вскарабкаться по стене хижины, и ему удалось ухватиться за легкий выступ тростниковой крыши. С минуту он висел, раскачиваясь, как бельё на веревке. Но вдруг кусок тростниковой крыши рухнул вместе с незадачливым ученым.

Падая, он мгновенно вспомнил замечательное сведение из естественной истории. Если верить изменчивой памяти мистера Филандера, львы и львица никогда не тронут человека, притворившегося мертвым. И потому он продолжал лежать там, где упал, леденев от страха. Но так как его руки в момент падения были подняты к небу, эта поза смерти была не слишком убедительной.

Джен Портер следила за всеми его выходками с кротким удивлением. Она засмеялась легким, приглушенным смехом, но этого было достаточно. Мистер Филандер перевернулся на бок и осмотрелся. Наконец он разглядел ее.

— Джен! — крикнул он.— Джен Портер! Господи, помилуй!

Он вскочил на ноги и бросился к ней. Ему не верилось, что это она и что она жива.

— Помилуй, господи! Откуда вы? Где же вы были? Как?..

— Смилуйте, мистер Филандер,— прервала его девушка.— Мне не разобраться в такой куче вопросов!

— Хорошо, хорошо. Господи, помилуй! Я так исполнен удивления и безграничного восторга видеть вас невредимой и здоровой, что, верите ли, едва сам понимаю, что говорю. Но идите скорее, расскажите все, что с вами случилось!

Деревня пыток

По мере того, как маленький отряд матросов с трудом пробирался сквозь густые заросли джунглей, бесполезность поисков становилась все яснее. Но горе старика и отчаянный взгляд молодого англичанина удерживали д'Арно от отказа продолжать поиски. Он думал, что все же есть некоторая возможность найти тело девушки или, вернее, его останки, так как не сомневался, что хищные звери ее растерзали. Он развернул своих

людей длинной цепью с того места, где была найдена Эсмеральда, и в таком построении они, обливаясь потом и задыхаясь, продвигались вперед сквозь спутанные, вьющиеся лианы и крепкие ползучие растения. Это было тяжелой работой. Полдень застал их отошедшими всего лишь на несколько миль в глубь материка. Через несколько часов, после краткого отдыха, один из матросов открыл хорошо протоптанную тропу. Это была старая слоновая дорога, и д'Арно, посоветовавшись с профессором Портером и Клейтоном, решил пойти по ней. Тропа извивалась в северо-восточном направлении, и отряд двигался по ней гуськом.

Лейтенант д'Арно был впереди и шел быстро, потому что дорога была сравнительно легкой. Позади шел профессор, но д'Арно опередил его на сотню ярдов. Внезапно с полдюжины черных воинов окружили его. Д'Арно криком предостерег свой отряд, но, прежде чем он смог выхватить револьвер, его связали и поволокли в кустарник.

Крик встревожил матросов, и около двенадцати человек кинулись, обогнав профессора Портера, на помощь своему офицеру. Они не знали причины, но понимали, что это несомненно предостережение об опасности впереди.

Они уже пробежали то место, где д'Арно был схвачен, как вдруг брошенное из джунглей копье пронзило одного из них, а остальных осыпал град стрел.

Матросы подняли ружья и выстрелили в кустарник, откуда летели метательные снаряды. Подоспели остальные, и залп за залпом были пущены в невидимого врага. Эти-то выстрелы и слышали Тарзан и Джен Портер.

Лейтенант Шарпантье, находившийся в тылу, бросился к месту происшествия, и выяснив все подробности засады, приказал матросам следовать за ним в спутанные заросли. Стрелы и пули посыпались густо и часто, и через миг матросы бились врукопашную с полусотней черных воинов из поселка Мбонги. Причудливые африканские ножи и приклады французов смешались в яростной схватке, но вскоре туземцы бежали в джунгли, оставив французов считать свои потери.

Четверо из двадцати матросов были убиты, с дюжину ранены, а лейтенант д'Арно пропал. Ночь быстро спускалась, и их положение ухудшалось еще тем, что они не могли вновь отыскать слоновую тропу. Оставалось одно: разбить лагерь и ждать рассвета. Лейтенант Шарпантье приказал расчистить небольшую поляну и возвести вокруг лагеря ограду из срубленных деревьев.

Работа эта была окончена поздней ночью, матросы развели большой костер в середине поляны, чтобы работать при его свете. Когда они оказались, насколько возможно, защищенными от нападения негров и хищных зверей, лейтенант Шарпантье расставил часовых, и голодные, усталые люди бросились на землю, надеясь заснуть. Стоны раненых, вой и рычанье хищных зверей, привлеченных шумом и огнем костров, отгоняли сон. С чувством тоски и голода пролежали люди всю эту долгую ночь, молясь о рассвете и лишь моментами забываясь в тяжелом кошмаре.

Чернокожие, захватившие д'Арно, не участвовали в схватке, они волокли своего пленника не-

которое время сквозь джунгли, а затем вышли на тропу далеко от места боя.

Они быстро подгоняли пленника, и звуки сражения становились все слабее и слабее по мере того, как они от него удалялись. Неожиданно перед глазами д'Арно открылась большая поляна и обнесенный частоколом тростниковый поселок. За палисадом раздался крик. Толпа женщин и детей выбежала навстречу идущим.

Для французского офицера наступил момент самого ужасающего испытания, которому может подвергнуться человек: прием белого пленника в поселке африканских каннибалов. Дьявольскую злобу вдобавок разжигало горькое воспоминание о варварских жестокостях, примененных к их племени белыми офицерами Леопольда II Бельгийского, этого низкого лицемера, из-за зверств которого они покинули свободное государство Конго, превратившись в жалкий остаток некогда сильного племени.

Пустив в ход зубы и ногти, женщины и дети накинулись на д'Арно, его били палками и камнями и терзали руками. Вся одежда была сорвана с него, беспощадные удары падали на его голое дрожащее тело. Но ни разу француз не крикнул от боли. Он воссылал лишь безмолвную молитву, чтобы скорей быть избавленным от этой пытки. Но смерть, о которой он молил, не могла ему достаться легко. Вскоре воины отогнали женщин от пленника. Его нужно было сохранить для более благородной забавы, чем эта. И когда первая вспышка их ненависти утихла, они ограничились тем, что выкрикивали насмешки и оскорбления и плевали на него.

В центре поселка д'Арно был крепко привязан к большому столбу, с которого еще ни один человек не сходил живым.

Женщины сходили за горшками и водой, зажгли ряд костров, чтобы сварить часть мяса для пира, остальное предполагалось высушить впрок длинными ломтями. Ожидали, что и другие воины вернутся и приведут много пленных. Пиршество было отложено до их возвращения. Уже совсем стемнело, когда все собрались и закужились в пляске смерти вокруг обреченного.

В полуобмороке от боли и потери крови д'Арно смотрел из-под полуопущенных век на то, что казалось ему причудливым бредом или же страшным ночным кошмаром, от которого он должен проснуться. Размалеванные шотландские физиономии, громадные рты и вялые, обвисшие губы, остро отточенные желтые зубы, вытаращенные дьявольские глаза, лоснящиеся гладкие тела, жестокие копы — несомненно, такие создания не могут существовать на земле, все это должно быть сном!

Дикий вертящийся круг все более сужался. Вот сверкнуло копые и оцарапало ему руку. Острая боль и ощущение горячей капающей крови убедили д'Арно в ужасающей реальности его безнадёжного положения.

Копые одно за другим вонзились в него. Он закрыл глаза и крепко стиснул зубы! Он не крикнет, нет! Он — солдат Франции и покажет этим скотам, как умирает офицер и дворянин...

Тарзан не нуждался в толкователе, который объяснил бы ему смысл далеких выстрелов. С целуями Джен Портер, еще горящими на устах,

он мчался, как вихрь, по деревьям прямо к поселку Мбонги. Сама схватка его мало интересовала, он решил, что она скоро кончится. Тем, которые были убиты, он все равно не может помочь, а тем, которые успели спастись, тоже не нужна его помощь. Он торопился спасти пленников. И он знал, что найдет их у большого столба в середине поселка Мбонги.

Много раз Тарзан видел, как черные отряды возвращались с набега на север, ведя пленников, и каждый раз те же сцены разыгрывались у зловещего столба в ослепительном блеске зажженных костров. Он знал также, что каннибалы редко теряют много времени в приготовлениях, и потому опасался, что на этот раз опоздает и сможет лишь отомстить.

Тарзан смотрел сквозь пальцы на их прежние оргии и только по временам вмешивался ради удовольствия дразнить чернокожих, жертвами их всегда были аборигены.

А этой ночью дело обстояло иначе: белые люди — люди одного рода с Тарзаном — быть может, терпят предсмертные муки пыток в этом страшном застенке джунглей.

Тарзан мчался по верхней террасе, роскошная тропическая луна освещала его головокружительный путь по волнистым веткам верхушек деревьев. Он видел отблески пламени справа от его пути. Тарзан был так уверен в своем знании джунглей, что не отклонился от своего пути, а промчался мимо яркого света на расстоянии полумили. Это был сторожевой огонь французов.

Через несколько минут Тарзан парил над самым поселком Мбонги. Ага! Значит, он не очень опоздал! Или все-таки?.. Он не мог решить: фигура у столба была совершенно безмолвна, а между тем черные воины еще только слегка покалывали ее. Тарзан хорошо знал их обычаи. Смертельный удар пока не был нанесен, и он мог с точностью до минуты предсказать, как долго продолжится танец. Еще мгновение — и нож Мбонги отсечет ухо жертвы, и это отметит начало конца, так как вскоре от пленника останется лишь судорожно корчащаяся оболочка изувеченного тела. В нем еще будет тлеть искра жизни, но спасение уже бессмысленно — смерть являлась бы единственным желанным благодеянием.

Столб стоял на расстоянии сорока футов от ближайшего дерева. Тарзан приготовил свой аркан. И дьявольские крики пляшущих демонов вдруг заглушил боевой вызов обезьяны-человека.

Танцующие замерли, словно окаменев.

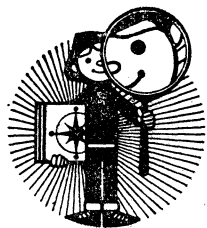
Веревка взвилась с певучим жужжанием высоко над головами чернокожих. Ее совсем не было видно при ослепительном огне костров.

д'Арно открыл глаза. Огромный чернокожий, стоявший прямо перед ним, упал навзничь, словно сбитый с ног незримой рукой. Он барахтался и кричал, а его тело, перекатывающееся из стороны в сторону, быстро двигалось в тень под деревьями.

Каннибалы с глазами, выскакивающими из орбит от ужаса, казались околдованными.

Очувтившись под деревом, тело взвилось ввысь, и когда оно исчезло в листве, негры с криками ужаса в панике понеслись к воротам.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

МИР

НА ЛАДОНИ

Волчья драма

На Тамбовщине работал лесником Василий Федорович Акимов. Однажды весной он принес из леса раненого волчонка. Пуля отсекла у него часть хвоста. Долго выхаживал лесник звереныша.

У Василия Федоровича была еще огромная овчарка Виллюйка. Сначала она настороженно относилась к маленькому волку. К осени они подружились.

Наступила зима. Куцый совсем повзрослел.

Как-то зимним утром лесник Акимов не обнаружил ни Куцего, ни Виллюйки. Наверное, волк увел Виллюйку в лес,— подумал он. Погоревал и смирился. Правда, первые дни они возвращались, уничтожали еду, приготовленную для них лесником, и удирали вновь. Затем Куцый и Виллюйка перестали появляться...

Пришла летняя пора. Утренние лучи солнца, пронизывая густую листву деревьев, отражались солнечными зайчиками на земле...

В такой теплый день лесник зашел в сарай и... увидел там Виллюйку. С ней был щенок. Собака заметно одичала, встретила Акимова устрашающим рыком...

Но вскоре стала признавать хозяина. Когда Василий Федорович приносил поесть, она помахивала хвостом.

Через некоторое время Виллюйка подобрела и разрешила ему брать детеныша на руки. Крупный щенок и окрасом, и осанкой был похож на Куцего. Когда он смотрел на Акимова, то морщил выпуклый лоб, будто хмурился. Лесник так и назвал его — Хмурок.

Ночью (раза два) хозяин видел, как Куцый прибежал в сарай. Он стал настоящим зверем. Почуввав человека, быстро убежал...

Лесник подумал — не застрелить ли его? Больно страшным волчарой стал... Но из деревень никто не жаловался, значит Куцый не разбойничал в них. Только это и успокаивало.

Часто Виллюйка уходила с Куцым, оставляя Хмурка одного. Он начинал подвывать. Аким брал Хмурка в дом. Кормил. Ласково с ним разговаривал. Старался приручить. Щенок тыкался мордой в ноги лесника...

В один из дней Виллюйка ушла и не вернулась. Потом стали поговаривать, что на опушке леса кто-то выстрелил волчицу, очень похожую на собаку, а волк, дескать, сумел уйти. Прошло три года. На тяжелой цепи, закрепленной на длинной проволоке, протянутой от будки до коровника, Хмурок нес верно и преданно сторожевую службу. На дворе стояла зимняя, тихая погода. Василий Федорович готовился поужинать, как вдруг услышал громкое рычание. Он вышел на крыльцо. Матерый волк и Хмурок крутились на снегу в беспощадной схватке.

«Очевидно, зверь направлялся к коровнику, а Хмурок преградил ему путь», — мелькнула мысль у лесника. Акимов побежал в дом за ружьем. Жестокая борьба была в разгаре... Первым схватил Хмурка за шею волк, но оказавшаяся в его пасти цепь не позволила хищнику сомкнуть челюсти. Этого мгновения вполне хватило Хмурку, который не упустил своего... Когда лесник вернулся с ружьем, то перед ним открылась такая картина: лесной зверь недвижимо, расластан на снегу. Хмуроклизывает раны. Акимов подошел ближе... на окровавленном снегу лежал волк с куцым хвостом!

Л. ГРИМАЛЬСКИЙ

Цена престола

Из английского фольклора известна нам баллада «Король и пастух» (в переводе С. Маршака). В ней рассказывается о том, как монарх туманного Альбиона вознамерился узнать у епископа Кентерберийского, сколько стоит весь королевский «комплект», состоящий из трона, короны и собственной персоны? Отвечая на этот вопрос вместо аббата, его двойник-пастух назвал лишь цену самого монарха, которого знати его случалось продавать. Цена же английского престола так и осталась неразгаданной.

А вот мы сегодня, основываясь на фактах, знаем стоимость Российского престола в «смутное время» (точнее было бы сказать — Московского престола, хотя уже Иван Грозный называл себя царем «всёя Руси»). И зна-

ем эту цену по вполне достоверным историческим источникам, которые хранятся в таких собраниях документов Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА), как «Исторические и церемониальные дела», «Дела и сочинения о титулах», «Исторические сочинения», «Розыскные дела» и другие.

Так, в собрании документов «Розыскные дела» находится письменное обязательство Лжедмитрия I, которое было дано в 1604 году сандомирскому воеводе Юрию Мнишеку, — выплатить ему по вступлении «царя» на русский престол миллион золотых. Вот она, цена, правда, не продажи, а покупки кандидата в Кремлевские правители. Но это еще не вся стоимость. Будучи же Московским царем (1605—1606 гг.), самозванец вступил в брак с Мариной Мнишек — дочерью польского воеводы, которой и пожаловал «в вечное владение» Новгородскую и Псковскую области. Об этом также имеется соответствующий документ в собрании «Исторические и церемониальные дела». Однако и на этом купля-продажа Московского престола не закончилась. В ЦГАДА хранится список драгоценных вещей, отобранных (говоря современным языком, конфискованных) у семейства Мнишеков в 1608 году — уже после убийства Лжедмитрия I боярами-заговорщиками. Длина этого свитка, столбца, измеряется не одним метром. Такова в общей сложности «цена» русского престола: миллион золотых, Псковская и Новгородская области, десятки драгоценностей.

Два других претендента на Кремлевский трон — Лжедмитрий II («Тушинский вор», объявивший себя спасенным царевичем в 1607 году и убитый в Калуге через три года) и принявший от него «эстафету» Лжедмитрий III (дьякон Сидрока, выплывший на волнах «смутного времени» в Пскове в 1611—1612 гг. и казненный в Москве) — не платили за централизованную помощь. Они предпочитали действовать, если можно так выразиться, на принципах хозрасчета, самофинансирования. И... просчитались: им не удалось сесть на Московский престол, стоимость которого для них оказалась ценой их жизни.

А. СЛАВИН

Выставка золотого шитья из коллекции Пермской государственной художественной галереи — первая в ее многолетней истории. Эта коллекция была скомплектована в результате экспедиционной работы Н. Н. Серебренникова, известного собирателя и исследователя древнего искусства Прикамья. Большинство памятников привезено из старинных художественных центров области: Чердыни, Соликамска, Усоля, Орла. Все эти памятники прошли большую реставрационную обработку мастерами из Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени И. Э. Грабаря в Москве М. П. Рябовой, А. Н. Беляковой, Т. А. Горошко, О. Г. Волицевой. Непосредственно к выставке экспонаты готовили Т. А. Горошко и ее помощницы, пермские реставраторы Н. Н. Шелонникова и В. А. Деменева.

СТРОГАНОВСКОЕ ЗОЛОТОЕ ШИТЬЕ

Ольга ВЛАСОВА, искусствовед

Искусство художественного шитья имеет многовековую историю. Его знали Древняя Греция и Византия, Средняя Азия и Западная Европа. На Руси произведения шитья встречаются чаще всего при раскопках древних гробниц. Так, в одном из погребений X века найдены фрагменты шелковой одежды с чудесными золотыми узорами. Вследствие непрочности текстильного материала время сохранило для нас не так уж много произведений шитья. Самый обильный «урожай» оставили XIV—XVII века.

Коллекция Пермской галереи насчитывает около ста произведений лицевого шитья XVII—XIX веков. Ядро коллекции составляют произведения так называемой строгановской школы — их более тридцати. Строгановы владели прикамскими землями более трехсот лет, многое сделали для процветания края, всегда покровительствовали искусствам. «Золотым веком» строгановского искусства, однако, считается XVII век.

Строгановское шитье имеет свои узнаваемые приметы. Прослеживается интерес к многофигурным композициям и повествовательным сценам, сильнее проявляется индивидуальное начало в выборе и сочетании сюжетов, обнаруживается особая тонкость и тщательность исполнения. Обильное применение золотых и серебряных нитей образуют плотную «панцирную» фактуру строгановских вышивок. Недаром их часто сравнивают с иконами в драгоценных окладах. Особенно самобытно строгановское лицевое, то есть фигуративное шитье. Пospорить с ним в

XVII веке могло, пожалуй, только шитье московское, вышедшее из царских «светлиц» (мастерских). Материалы и техника исполнения здесь почти одинаковы: одни и те же шелка, привозимые из Перми, Китая, Италии, те же жемчуга, золото, серебро. Близки приемы шитья «по форме», с попыткой передать объемы фигур. Но каждая «школа» имела собственное лицо. Московская тяготела к горению цвета, строгановская — к блистанию «злата-серебра».

Строгановское шитье, развиваясь в русле древнерусского, прошло свои этапы развития. Шитье конца XVI — начала XVII века было монументальнее, сдержаннее в создании декоративных эффектов. К этому времени (до середины века) относятся в пермской коллекции пелены с изображениями Богоматери и Николая Чудотворца, привезенные из Орла и Усоля — прикамских вотчин Строгановых. Лики и фигуры вышиты здесь тонко и четко, имеют чеканную ясность, а швы не слишком многообразны. Плотная гладь, которой вышиты лики и кисти рук, напоминают иконные и «плави» — именно такую гладь часто называют «живописью иглой».

Около середины столетия, когда наступил расцвет строгановского шитья, связанный с работой светлиц Анны Ивановны Строгановой в Сольвычегодске, были созданы вышивки с изображением царевича Дмитрия. Этот святой, соименный Дмитрию Андреевичу, супругу Анны Ивановны, приобрел большую популярность в строгановском искусстве — ему по-

священо несколько икон и шитых произведений. Наиболее интересна по своим художественным качествам пелена «Убиение св. царевича Дмитрия» из с. Орла. Перед нами сюжет чисто жанрового характера. «Никитка Кочалов» убивает кроткого царевича, душа которого отлетает в руки летящего ангела. Драматичность сюжета отражена в свободной асимметричной композиции, в напряженном сочетании темно-малинового и светло-зеленого цветов, в редкой выразительности характеристик. Все говорит здесь об искусном, истинно творческом исполнении.

Одна из ведущих тем строгановского шитья связана с легендой о смерти Христа. Распятие, положение во гроб, поклонение агнцу — эти сюжеты многократно повторяются в вышивках разнообразного назначения. Причем в вышивках близких сюжетов легко отметить размежевание шитья на более «аристократическое» и «народное», хотя, конечно, это размежевание довольно условно.

Так, «Положение во гроб» из Уральской церкви Чердынского района отличается большой виртуозностью исполнения. Здесь участники евангельской сцены — композиция получается сложной, многофигурной. Причем все фигуры даны в легком гибком движении, передающем высокую эмоциональность сцены оплакивания. Удлиненные пропорции и плавные жесты придают изображению особую гармоничность, воплощающую всю тишину и величие скорби.

А вот плащаница из Соликамска обнаруживает черты примитива. Короткие коренастые фигуры, «крестьянские»

облики персонажей, наивно-непосредственное изображение переживаний — все это свидетельствует о народном характере исполнения, которое придает вышивке несколько особую, «дикуватую», выразительность.

Особую ценность имеет воздух из Пермского кафедрального собора с изображением «Христа во гробе». Это единственное в коллекции произведение, имеющее вкладную надпись, говорящую о том, что вышивку положила в Пыскорский монастырь «по обещанию своему» боярыня Авдотья Петровна Нарышкина в честь поминования «сына своего ближнего стольника Симеона Федоровича». Известно, что С. Ф. Нарышкин был воеводой г. Соликамска с 1692 года, а в 1694 он здесь же и умер. Воздух, возможно, вышивала сама Авдотья Петровна. Во всяком случае, в шитье чувствуется и художественный вкус, и профессионализм, и высокая торжественность образа.

В конце XVII века в строгановском шитье, как и в шитье других художественных центров, происходят заметные сдвиги. Композиции становятся более камерными, формы — детальными, приемы — декоративными. Фоны нередко расцвечиваются крупными растительными орнаментами, контуры фигур обшиваются жемчугом, а края вышивки обрамляются бахромой, кружевами, подвесками. Все это создает повышенные декоративные эффекты, благодаря которым вышивки начинают играть роль скорее драгоценных вещей, чем художественных памятников. Чрезвычайно характерна, в частности, пелена «Преображение» из г. Соликамска. Фигуры наделены подвижностью и энергией. Для шитья ликов использован крученый шелк песочного цвета, положенный «по форме». Нимбы выполнены очень рельефно и оконтурены витым серебряным шнуром. Фон «забран» серебром. Создается ощущение, что все сливается в мягком серебристом сиянии: эта пелена — одно из самых «светоносных» произведений пермской коллекции.

Прекрасно представлена в этой коллекции и церковная одежда, где сливаются воедино элементы лицевого и орнаментального шитья. Наиболее тонко вышит поруч с изображением архангела Гавриила из Божоявленской церкви Соликамска. Элегантная фигура в легком движении, нежный пастельный цвет, тонкие приемы шитья придают поручу особое обаяние. Интересна также епитрахиль с изображением соименных семье Строгановых святых: Анны, Дмитрия, Пелагеи и Алексея. По характерности «панцирного» серебряно-золотого шитья, по контрастам цвета епитрахиль можно отнести к мастерской Анны Ивановны.

В конце XVII века, с усилением светской направленности искусства, вышивальщицы начинают проявлять повышенное внимание к миру растительных форм, приобретающих все большую смысловую и материальную ценность. Орнаментальные мотивы, пришедшие из глубокой, языческой древности — солнечные знаки, «древо жизни», зооморфные элементы, — обогащаются новыми. Из восточных привозных тканей, например, взяли мотивы тюльпана, гвозди-

ки, граната и гиацинта. Русская природа подсказала свои мотивы: колосья, васильки, другие цветы, произрастающие в луговом разнотравье. Особо можно выделить покровец XIX века из Соликамска. На малиновом бархате вышиты колосья и фрукты, в центре покровца расположен орнаментированный греческий крест. На обороте тамбурным швом шелком черного цвета вышита надпись: «Приношение от Ивана Христофоровича Лазарева»...

Поздние вышивки XIX — начала XX веков все чаще смыкаются с народной вышивкой, крестьянской или купеческой. В них используются чисто светские изобразительные мотивы. Многие произведения живо напоминают народную роспись, заполнившую в XIX веке подносы, платки, деревянную утварь.

Победа светского мирозерцания становится в этом искусстве очевидной, а традиции художественной вышивки продолжают в наше столетие, обогащаясь опытом многих национальных школ, произведения которых также представлены в пермской коллекции декоративно-прикладного искусства.

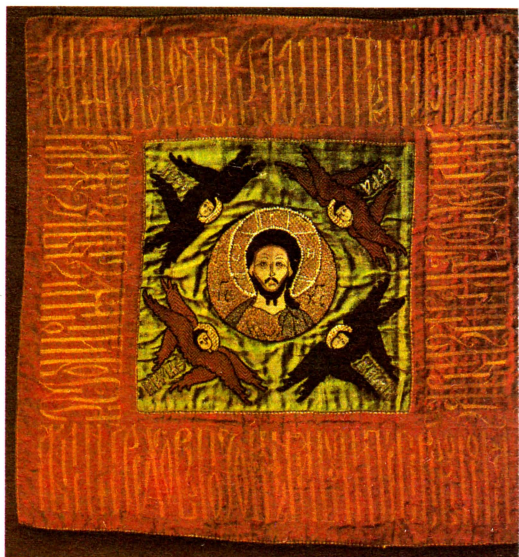
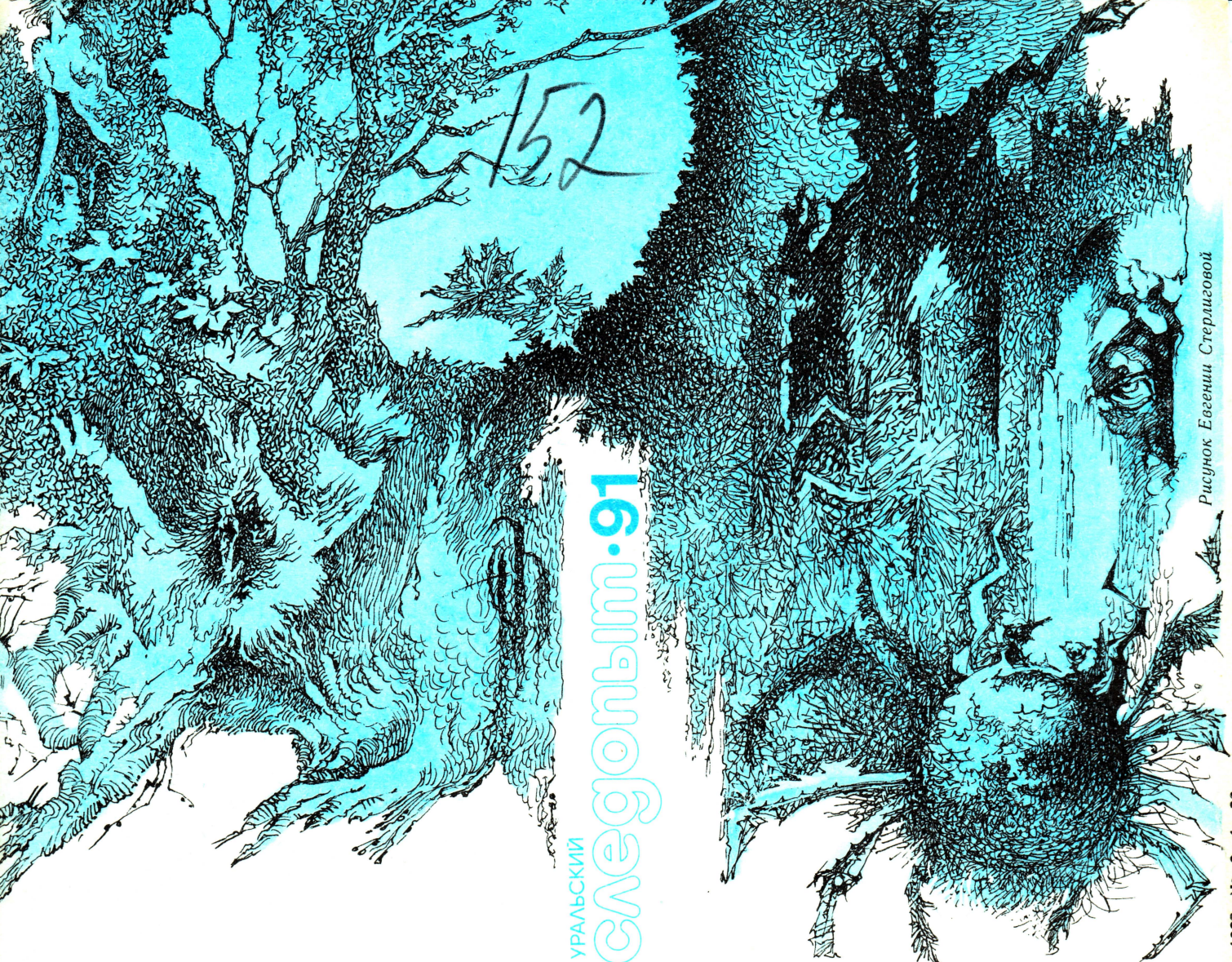

Фото Игора Горячева

Рисунки Евгении Стериговой

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ·91

С нашим предшественником — «Всемирным следопытом» активно сотрудничали авторы и редакторы старшего брата — журнала «Вокруг света», которому в 1991 году исполняется 130 лет («УС» поздравляет коллегу!). Наверное, и потому «ВС» немало страниц отдавал путешествиям по разным странам и континентам. Наш «Следопыт» — уральский, и хотя мы также не чужаемся зарубежных вояжей, главное для нас — земля родная, Урал, Россия, ее история, культура. И — люди России, свято берегущие ее корневые традиции. В будущем году в рубрике «КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ» мы продолжим рассказ о «чудаках», по крохам собирающих приметы старой, забываемой культуры; мы предложим вам серию материалов — назовем их пока «УРОКИ РУССКОГО БЫТА» — об этикете наших предков, которые знали, кому что уместно дарить, о воспитании уездных барышень и выпускниц Смольного института, о заговорах (не правительственных, а лечебных), о юродивых и домовых... Вспомним мы и о культуре, долгое время оставшейся вне печати: о ПРАЗДНИКАХ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Новые штрихи добавим мы к портретам замечательных людей, чьи жизни принесли славу России, — расскажем о конструкторе Останкинской телебашни инженере Никитине; очерк об отце советской космонавтики С. П. Королеве готовит специально для нашего журнала писатель Ярослав Голованов.

КОСМОНАВТИКА — одна из традиционных тем «Уральского следопыта», и мы продолжим ее, отмечая со всем миром 30-летие первого полета человека в космос; познакомим вас с деятельностью недавно созданного Всесоюзного молодежного аэрокосмического общества «Союз».

День завтрашний и день вчерашний сплетаются в нашем журнале в сегодняшний день. И помогаете это сделать вы, наши читатели, своими поисками, своими находками. Так и рождаются наши рубрики «ТРОПОЙ ПОИСКА», «КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА», «КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ», которые будут живы — вашими стараниями и в 1991 году.

Мы с вами попытались заглянуть на год вперед. Что будет дальше? — это уже из области ФАНТАСТИКИ. Любителям ее предлагаем отрывок из нового романа свердловского писателя-фантаста Семена Слепынина «СФЕРА РАЗУМА», который будет опубликован в «УС»·91:

СТРАННЫЙ ЛЕС. ЧАСТИЦА, ОСКОЛОК ВОЛШЕБНОЙ БИОСФЕРЫ — СФЕРЫ РАЗУМА, СВОЕГО РОДА РЕТРАНСЛЯТОР, «ИЗЛУЧАЮЩИЙ» ИЗГАННИКОВ. НЕ ЗНАЮ ПОЧЕМУ, НО СЕГОДНЯ Я ДОВЕРЯЛ ЛЕСУ КАК НАДЕЖНОМУ ДРУГУ. И ДАЖЕ «НЕЧИСТОЙ СИЛЫ» — ЛЕСНЫХ СУЩЕСТВ НЕ БОЯЛСЯ. В ПРОШЛЫЙ РАЗ ВОДЯНОЙ И РУСАЛКИ, ИСКУПАВ МЕНЯ В ОМУТЕ, НЕ ХОТЕЛИ ПРИЧИНИТЬ ЗЛА. ОНИ ПРОСТО ОЗОРНИЧАЛИ.

ОПАСАТЬСЯ НАДО ТОЛЬКО ЧЕРНОГО ПАУКА. ДА И ТО НОЧЬЮ. А ДНЕМ? Я ЗЯБКО ПЕРЕДЕРНУЛ ПЛЕЧАМИ, ВСПОМНИВ, ЧТО СЕЙЧАС ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ БРОДИТ ШТУРМБАНФЮРЕР — СТОЛЬ ЖЕЛАННЫЙ ГРОССМЕЙСТЕРУ ИЗГАННИК. ЕСЛИ ОН МАТЕРИАЛИЗОВАЛСЯ ПЕРЕД РАССВЕТОМ, ТО ЧЕРНЫЙ ПАУК НЕ УСПЕЛ СОЖРАТЬ ЕГО.